

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Geog
5378
80.13

WIDENER

HN PMKB W

Geog 5378.80.13

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

А. Е. НОРДЕНШЁЛЬДЪ

ШВЕДСКАЯ ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1878—79 г.

ОТКРЫТІЕ СЪВЕРО-ВОСТОЧНАГО ПРОХОДА

Съ приложеніемъ:

Отчета капитана Юганссена о плаваніи его отъ устья Лены до Якутска

И

Картъ мыса Челюскина, порта Диксона и Таймырскаго пролива.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМИННАЯ, д. № 12.
1880.

А. Е. НОРДЕНШЕРД

ВОСКРЕСЕНСКОЕ ВАНДРОЕ ВЪЗРАЖЕНІЕ

ОТЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЦЕРКОВНАГО ОУЧЕНІЯ

СЪ ПРАВОСЛАВІЕМЪ

ПЕРВОЕ ЧИСЛО СЪВЪЩЕНІЯ СЪ ПРАВОСЛАВІЕМЪ

ВЪ

МОСКВѢ У ПРАВОСЛАВНАГО ЦЕРКОВНАГО ОУЧЕНІЯ

ВЪЗРАЖЕНІЕ

СЪ ПРАВОСЛАВІЕМЪ

ВЪЗРАЖЕНІЕ СЪ ПРАВОСЛАВІЕМЪ

1841

NORDENSKIÖLD

А. Е. НОРДЕНШЁЛЬДЪ

ШВЕДСКАЯ ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1878—79 г. /

ОТКРЫТИЕ СЪВЕРЕ-ВОСТОЧНАГО ПРОХОДА

Съ приложеніемъ:

Отчета капитана Юганссена о плаваніи его отъ устья Лены до Якутска

и

Картъ мыса Челюскина, порта Джисона и Таймырскаго пролива.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО).

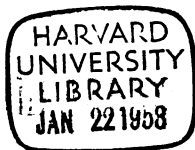

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, Д. № 12.

1880.

Yeng 5378.80.13 ✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Іюля 1880 г.

ПРОГРАММА ЭКСПЕДИЦИИ 1878—79 г.

Sheldon

195-274 NINEHUNDRED AND SEVENTY

Программа экспедиціи 1878—79 г. *).

Арктическія экспедиціи, отправлявшіяся изъ Швеціи въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, приобрѣли глубокое національное значеніе. Вездѣ, въ Швеціи, мысль о нихъ была принята съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Правительство и, главнѣйшимъ образомъ, частныя лица пожертвовали на нихъ значительныя суммы. Экспедиціи эти послужили практическою школою болѣе чѣмъ тридцати шведскимъ натуралистамъ; доставили важныя научныя и географическія свѣдѣнія, и шведскіе музеи сдѣлались самыми богатыми музеями въ свѣтѣ по части коллекцій арктическихъ странъ. Къ этимъ научнымъ результатамъ присоединились другіе, значенія преимущественно практическаго, которые либо уже достигнуты, либо будутъ достигнуты въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Въ этомъ отношеніи экспедиціи собрали новыя матеріалы по метеорологіи и гидрографіи, доставили драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія для тюленьяго и китоловнаго промысловъ; открыли для рыболовства рыбныя богатства Шпицбергена; далѣе, онѣ привели къ открытію на Медвѣжьемъ и Шпицбергенѣ значительныхъ мѣсторожденій каменнаго угля и фосфорнокислыхъ солей, что рано или поздно должно получить знаменательное значеніе для сосѣднихъ странъ. Что же касается двухъ послѣднихъ изъ этихъ экспедицій, то ими открытъ новый морской

*) Извлеченіе изъ доклада профессора Норденшѣльда, представленнаго шведскому правительству въ 1877 г., о планѣ экспедиціи, главнѣйшіе расходы которой покрыты Е. В. Королемъ Оскаромъ II, гг. Оскаромъ Даксономъ, изъ Готенбурга, и Александромъ Сябряковымъ изъ Иркутска.

путь, идущій къ устьямъ двухъ большихъ рѣкъ Сибири, Оби и Енисея. Такіе счастливые результаты не могутъ не возбуждать дальнѣйшей предприимчивости, тѣмъ болѣе послѣ открытія, при помощи послѣднихъ экспедицій, доступа въ Сибирскій океанъ, изслѣдованіе котораго обѣщаетъ результаты, одинаково важные какъ съ точки зрѣнія науки, такъ и практической пользы. При полномъ могуществѣ девятнадцатаго вѣка, въ эпоху телеграфа и пара, здѣсь представляется, на громаднѣйшемъ протяженіи, поле для изслѣдованія, совершенно дѣвственное. По океану, омывающему сѣверные берега Азіи отъ устья Енисея до Чаунской губы, т. е. отъ 82° до 170° долготы, за исключеніемъ береговыхъ плаваній, которыя происходили уже болѣе столѣтія тому назадъ, на небольшихъ, скорѣе рѣчныхъ, чѣмъ морскихъ судахъ, не прошло еще ни одно судно и еще ни разу не разстился дымъ парохода. Вотъ тѣ соображенія, вслѣдствіе которыхъ я рѣшился собрать, если это будетъ возможно, необходимыя средства для экспедиціи, которая располагала бы всѣми пособіями науки и мореплаванія нашего времени, съ цѣлью изслѣдовать географію, гидрографію и естественную исторію арктическихъ морей между Енисеемъ и Беринговымъ проливомъ. Я убѣжденъ, что со времени путешествій знаменитаго мореплавателя капитана Кука, весьма немногія ученныя экспедиціи имѣли своею задачею болѣе важныя и обширныя изслѣдованія, которыя должны быть произведены на такомъ обширномъ пространствѣ. Впрочемъ я долженъ сдѣлать оговорку, что всѣ эти задачи мыслимы только при условіи, *что льды позволяютъ проникнуть въ эти моря, на надлежащемъ паровомъ суднѣ*. Чтобы быть въ состояніи составить себѣ понятіе объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, необходимо посмотрѣть на тѣ попытки, которыя были сдѣланы до сихъ поръ, чтобы проложить себѣ дорогу по тому пути, пройти по которому будетъ составлять задачу экспедиціи.

Шведскій портъ, изъ котораго выйдетъ экспедиція, будетъ вѣроятно Готенбургъ. Время отправленія назначено въ началѣ іюля 1878 г. Первая часть пути будетъ сдѣлана по западнымъ берегамъ Норвегіи, мимо Нордкапа и входа въ Бѣлое море, до Маточкина шара на Новой Землѣ.

Открытіе въ 1553 г. морскаго пути между остальною Европою и этими водами, сэромъ Гуго Уилоуби и Ричардомъ Ченслеромъ, было результатомъ первой экспедиціи, которая была отправлена Англіею съ цѣлью морскихъ открытій. Экспедиція эта имѣла своею

задачею открыть морской путь между Европою и Китаемъ, въ направлении къ сѣверо-востоку отъ Европы. Если она не достигла этой цѣли,—по крайней мѣрѣ за нею осталась заслуга открытія морскаго пути между Англіею и Бѣлымъ моремъ; съ чего безспорно началась новая эра, какъ для англо-русской, такъ и для всемірной торговли. Эта первая попытка однакоже окончилась самымъ несчастнымъ образомъ. Сэръ Гуго Уилоуби и весь экипажъ его корабля погибли во время зимовки на Кольскомъ полуостровѣ. Корабли же, изъ которыхъ состояла экспедиція: *Bona Esperanza*, *Edward Bonadventura*, *Confidentia* и *Philip and Mary*, вскорѣ послѣ того претерпѣли крушеніе. Теперь же тысячи судовъ безопасно совершаютъ плаванія въ этихъ водахъ. Благодаря свѣдѣніямъ, которыя имѣются нынѣ о льдахъ Мурманскаго моря (имя, даваемое на старинныхъ картахъ, морю между Колою и Новою Землею), можно, въ продолженіи большей части лѣта, плавать изъ Бѣлаго моря къ Маточкину шару, нисколько не опасаясь препятствій отъ льдовъ. А между тѣмъ всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, обстоятельства были совершенно другія, вслѣдствіе того, что тогда не было еще извѣстно время года, въ теченіи котораго море это бываетъ судоходно, а также не былъ извѣстенъ путь, котораго слѣдовало держаться. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только прочесть описаніе тѣхъ трудностей и опасностей, которымъ подвергался извѣстный русскій мореплаватель графъ Литке во время своихъ экспедицій, возобновлявшихся четыре лѣта сряду, вдоль западнаго берега Новой Земли. Въ настоящее время хорошій охотникъ за моржами, на самомъ простомъ суднѣ, можетъ пройти въ этихъ моряхъ, въ теченіе одного лѣта, гораздо большія разстоянія, чѣмъ тѣ, которыя были пройдены тогда, въ теченіи времени, вчетверо болѣе продолжительнаго, экспедиціею, снабженною всѣми пособіями, которыми располагаетъ военно-морской портъ.

Изъ Мурманскаго моря представляются слѣдующіе четыре пути, чтобы пройти въ Карское море:

1) Югорскій шаръ,—въ старину у голландцевъ «*Fretum passavicum*»—между островомъ Вайгачемъ и твердою землею.

2) Карскія Ворота, между Новою Землею и островомъ Вайгачемъ.

3) Маточкинъ шаръ.

4) Путь сѣвернѣ Новой Земли.

Путь съ сѣвера Новой Земли обыкновенно дѣлается судоход-

нымъ только въ началѣ сентября, такъ что онъ не можетъ служить для экспедиціи, имѣющей своею цѣлью проникнуть въ восточную часть этихъ морей. Югорскій шаръ и Карскія Ворота хотя рано освобождаются отъ твердаго льда, но за то продолжительное время бывають наполнены значительными массами идущаго льда, которымъ проливы эти въ особенности наполняются вслѣдствіе существованія въ нихъ и въ ближайшихъ бухтахъ переменныхъ теченій. Кромѣ того, эти два пути, въ особенности Югорскій шаръ, не имѣють убѣжищъ для судовъ,—обстоятельство, влекущее за собою важныя затрудненія для судовъ, которыя пожелали бы однимъ изъ этихъ путей проникнуть въ Карское море. Маточкинъ же шаръ, напротивъ того, представляетъ узкій глубокій каналъ, длиною около ста верстъ. Проливъ этотъ освобождается отъ твердаго льда только въ послѣдней половинѣ іюля, но за то, благодаря формѣ его береговъ, онъ менѣе бываетъ загроможденъ плавающими льдами, чѣмъ прочіе проливы. Кромѣ того, въ этомъ проливѣ есть хорошія бухты при входѣ въ него съ востока. Въ 1875 и 1876 г., проливъ также, какъ и моря, которыя онъ соединяетъ, были совершенно свободны отъ льда уже въ концѣ августа, суда даже могли проходить безопасно гораздо раньше, такъ какъ ледъ былъ уже достаточно разсѣянъ. Часть Новой Земли, къ которой прежде всего пристають китоловы весной, есть западный берегъ по сосѣдству съ Маточкинымъ шаромъ. Въ случаѣ, если въ продолженіи лѣта 1878 г. не произойдетъ никакихъ особенныхъ метеорологическихъ явленій, какъ, напримѣръ, южныхъ вѣтровъ, которые начали бы рано гнать ледъ отъ береговъ твердой земли, я думаю, что самымъ вѣрнымъ путемъ для экспедиціи будетъ путь черезъ Маточкинъ проливъ. Однакоже мореплавателю никакъ не долженъ рассчитывать, съ наступленіемъ августа, имѣть возможность идти прямо отъ Маточкина пролива къ устью Енисея. Необходимо сдѣлать значительный обходъ къ югу, чтобы не встрѣтиться со льдами, плавающими въ Карскомъ морѣ до сентября. Что касается остановки въ пути для ученыхъ и гидрографическихъ изслѣдованій, то для этой цѣли представляется особенно удобнымъ море у восточнаго берега Новой Земли, гдѣ вдоль всего берега существуетъ фарватеръ глубиною въ двѣсти сажень. Кромѣ этого исключенія, глубина Карскаго моря незначительна и колеблется между десятью и тридцатью саженьями; мелей и подводныхъ рифовъ нѣтъ. Вышеозначенный глубокій фарватеръ заключаетъ въ себѣ самую разнообразную животную жизнь, и двумъ по-

слѣднимъ экспедиціямъ удалось найти тамъ новые типы животныхъ, которые представляютъ большой интересъ съ точки зрѣнія существующей классификаціи, такъ что экспедиція будущаго года должна будетъ попробовать достигнуть какъ можно раньше Маточкина пролива, чтобы имѣть время посвятить хотя нѣсколько дней ученымъ развѣдкамъ. Самый переходъ черезъ Карское море не представляетъ никакихъ трудностей, судя по опыту послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ не слѣдуетъ рассчитывать, чтобы можно было достигнуть Порта-Диксона ранѣе 10 или 15 августа. Въ 1875 г. я прибылъ туда 15 августа, на парусномъ суднѣ, сильно промедливъ въ пути, вслѣдствіе штилей. На паровомъ суднѣ въ томъ году можно было бы прибыть въ этотъ портъ въ самомъ началѣ мѣсяца. Въ 1876 г. состояніе льдовъ было менѣе благоприятно, вслѣдствіе холоднаго лѣта и продолжительныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Но, даже при этихъ условіяхъ, я достигъ, на паровомъ суднѣ, устья Енисея къ 15-му августа.

Въ Портѣ-Диксона я имѣю намѣреніе непремѣнно бросить якорь хотя на нѣсколько часовъ, чтобы здѣсь, съ одного изъ сосѣднихъ острововъ, отправить почту, въ случаѣ, еслибы,—что впрочемъ весьма возможно,— я не встрѣтилъ ни корабля изъ Енисейска, ни одного норвежскаго рыбака, съ которымъ могли бы быть отправлены въ Европу извѣстія объ экспедиціи. До сихъ поръ еще не имѣется сколько нибудь точнаго гидрографическаго описанія водъ между устьемъ Енисея и Челюскинымъ мысомъ. Какъ я уже объ этомъ говорилъ выше, здѣсь еще ни разу не проходило настоящее морское судно. О плаваніяхъ же на небольшихъ судахъ вдоль береговъ извѣстно очень немного. Но, во всякомъ случаѣ, неудавшіяся до сихъ поръ попытки пройти черезъ эти моря еще вовсе не даютъ основанія заключать, чтобы и на самомъ дѣлѣ моря эти были вовсе не судоходны. Извѣстно, что даже въ настоящее время Сибирь не далеко ушла по части морскаго кораблестроенія и снаряженія морскихъ экспедицій, а если судить о снаряженіи судовъ того времени по тѣмъ русскимъ экспедиціямъ, которыя были посылаемы, съ рѣдкою настойчивостью, по разнымъ путямъ, вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, въ теченіи 1734—1743 гг. *), то безъ

*) Существуетъ подробный отчетъ объ этихъ экспедиціяхъ, помѣщенный въ сочиненіи: „Reise des Kaiserlichen russischen Flotten-Lieutenants Ferdinand v.

труда можно будетъ убѣдиться, что только что сдѣланная оцѣнка попытокъ плаванія на этихъ судахъ совершенно вѣрна, такъ что есть полное основаніе надѣяться, что паровое судно, снаряженное надлежащимъ образомъ, будетъ въ состояніи проникнуть гораздо далѣе того пункта, откуда экспедиціи эти находили себя вынужденными идти назадъ, какъ вслѣдствіе малаго размѣра своихъ судовъ, такъ и того, что суда эти не были способны держаться въ открытомъ морѣ въ бурное время. Впрочемъ всего извѣстно только три морскія, или, вѣрнѣе сказать, береговья экспедиціи въ этой части Карскаго моря, всѣ три подъ начальствомъ штурмановъ Минина и Стерлигова. Первая была въ 1738 г., на дубель-шлюпѣ, который былъ длиною въ 70 фут., шириною въ 16 фут. и сидѣлъ въ водѣ 7¹/₂ фут. Шлюпъ этотъ былъ построенъ въ Тобольскѣ и приведенъ въ Енисей лейтенантомъ Овцынымъ. На этомъ суднѣ Мининъ спустился внизъ по Енисею до 72°53' сѣверной широты. Оттуда онъ послалъ барказъ къ сѣверу, но послѣдній долженъ былъ, вслѣдствіе недостатка сѣстныхъ припасовъ, возвратиться обратно, не дойдя до устья Енисея, которое мною нынѣ названо Портомъ-Диковомъ.

Въ слѣдующемъ году была сдѣлана новая попытка, во время которой, однакоже, не удалось пойти дальше, чѣмъ въ предыдущее лѣто. Наконецъ, на третій годъ, удалось достигнуть, на шлюпѣ, 75° 15' сѣверной широты, послѣ того какъ экспедиція подверглась большимъ опасностямъ во время шторма у самаго устья рѣки. 2-го сентября *), въ самое именно благоприятное время для плаванія въ этихъ водахъ, экспедиція направилась въ обратный путь, «вслѣдствіе слишкомъ поздняго времени года». Имѣются еще два указанія, основанныя на показаніяхъ очевидцевъ, относительно состоянія льдовъ этого берега.

Во время своего извѣстнаго путешествія въ Сѣверную Сибирь, академикъ Миддендорфъ достигъ, 25 августа 1843 г., сухимъ путемъ морскаго берега въ Таймурскомъ заливѣ, подъ 75° 40' сѣв.

Wrangel längst der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, 1820—1824. Bearbeitet von E. Engelhardt*, Berlin, 1839, и въ соч. П. Миллера: Voyages et découvertes faites par les russes le long des côtes de la Mer glaciale, etc. Amsterdam, MDCCLXVI.

*) Въ подлинныхъ донесеніяхъ время означено по старому стилю, который мною переведенъ на новый.

шир., и видѣль, что *море было свободно отъ льда* на все разстояніе отъ берега, которое доступно было глазу съ береговыхъ высотъ *). Кромѣ того, Миддендорфъ передаетъ, что слышалъ отъ якута Фомина, который провелъ зиму въ Таймурскомъ заливѣ, что ледъ отдѣляется отъ твердой земли съ первыхъ чиселъ августа, что южные вѣтры уносятъ его въ открытое море, однакоже не на такое разстояніе, чтобы его не было видно съ берега, съ высотъ, которыя идутъ вдоль берега.

Земля между Таймуromъ и Челюскинымъ мысомъ была снята на планъ Челюскинымъ въ 1842 г., при чемъ развѣзды были дѣлаемы на саяхъ. Въ настоящее время съ точностью извѣстно, что въ маѣ того же года нмъ была открыта самая сѣверная точка Азии. Въ то время море, естественно, было покрыто льдомъ, и нѣтъ никакого наблюденія надъ состояніемъ льдовъ въ теченіи лѣта и осени въ водахъ, лежащихъ непосредственно на западъ отъ Челюскина мыса. Къ счастью, мы имѣемъ два указанія, хотя косвенныя, что море это удобно для плаванія осенью. 1 сентября 1736 г. Прончищевъ, на прибрежныхъ судахъ, *прибывъ съ востока* и совершая плаваніе въ открытомъ морѣ, чуть было не достигъ означеннаго мыса, который обыкновенно считается подъ 77° 34' сѣв. широты и 105° вост. долготы; а также норвежскіе китоловы неоднократно плавали осенью къ востоку отъ сѣверной оконечности Новой Земли (77° сѣв. широты и 68° вост. долготы), *не встрѣчая льда*.

Изъ предыдущаго ясно слѣдуетъ, что до сихъ поръ еще не существуетъ точныхъ свѣдѣній, основанныхъ на дѣйствительно произведенныхъ наблюденіяхъ, о гидрографіи берега, который простирается отъ Енисея до Челюскина мыса. Я полагаю, однакоже, что съ сентября и даже, быть можетъ, съ послѣдней половины августа можно найти здѣсь свободное море, или по крайней мѣрѣ широкій каналъ вдоль берега, происходящій благодаря значительнымъ массамъ сильно нагрѣтой, въ теченіи августа, воды, приносимой, въ этой части сибирскихъ береговъ, рѣками, текущими съ плоскихъ возвышенностей Центральной Азии, Обью, Иртышемъ и Енисеемъ, бассейны которыхъ обширнѣе соединенныхъ бассейновъ всѣхъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ Средиземное и Черное моря. Такимъ обра-

*) Th. von Middendorff, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, t. IV, 1 pp. 21 et 508 (1867).

зою между портомъ Диксономъ и Бѣлымъ Островомъ течетъ къ сѣверу громадный потокъ теплой воды. Вліяніе, которое производить въ этихъ высокихъ широтахъ движеніе земли на теченія, которыя слѣдуютъ почти по направленію меридіана, въ такой степени значительно, что заворачиваетъ къ востоку теченія, идущія съ юга.

Вслѣдствіе этого воды Оби и Енисея должны держаться какъ запертыя въ каналѣ вдоль Таймурской земли, пока за Челюскинымъ мысомъ потокъ не получаетъ возможности двигаться свободно къ сѣверо-востоку или востоку. Около 74° сѣв. широты, я нашелъ въ водѣ этого потока въ устьѣ Енисея, 17 августа 1875 г., $+9^{\circ}4$ (по стоград. терм.) и въ устьѣ Оби, 10 августа того же года, $+8^{\circ}$. Это теченіе съ юга сопровождается слѣдующими двумя явленіями:— съ одной стороны, холодное нижнее теченіе, которое бури смѣшиваютъ съ поверхностною водою моря, охлаждая ее; съ другой—холодное противотеченіе, которое гонитъ плавающие льды, оторвавшіеся отъ полярнаго пояса. Движеніе земли даетъ этому послѣднему теченію западное направленіе, и именно этому послѣднему теченію обязано своимъ происхожденіемъ то явленіе, что въ теченіи лѣта массы плавающихъ льдовъ окружаютъ западный берегъ Новой-Земли. На сколько это мнѣ извѣстно изъ собственныхъ моихъ наблюденій и какъ объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ охотники за моржами, *ледъ этотъ также таетъ почти безъ остатка, до образованія новаго льда.* Чтобы опредѣлить приблизительно разстояніе, на которое теченіе, идущее отъ Оби-Енисея, въ состояніи удалять отъ берега, вдоль котораго оно проходитъ, плавающіе льды, необходимо знать, что даже весьма слабое теченіе тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ достаточную силу, чтобы вліять на положеніе льда, и что, на примѣръ, теченіе Рио-де-ла-Плата, масса водъ котораго, вѣроятно, менѣе массы водъ Оби-Енисея, еще чувствительно на разстояніи 1500 верстъ отъ своего устья, т. е. приблизительно на разстояніи втрое большею, чѣмъ отъ Порты-Диксона до Челюскина мыса. Единственный морской заливъ, который можетъ быть сравниваемъ съ Карскимъ моремъ, въ отношеніи громадности территоріи, пробѣгаемой теченіями, проходящими въ этомъ заливѣ, это Мексиканскій заливъ *). Полагаютъ, что воды его въ значительной степени

* Th. v. Middendorff, Reise in Norden und Osten Sibiriens, T. I (1848), p. 59 (Memoire de v. Baer „Ueber das Klima des Tajmurlandes“).

содѣйствуютъ образованію гольфстрѣма. Наконецъ вѣтры, которые въ этихъ водахъ дуютъ часто съ сѣверо-востока, равномерно должны имѣть своимъ послѣдствіемъ поддержаніе достаточно широкаго канала, болѣе или менѣе свободнаго отъ льда, вдоль означенныхъ береговъ.

Все, что намъ извѣстно о гидрографіи моря къ востоку отъ Челюскина мыса, основано на наблюденіяхъ экспедицій, которыя были посылаемы, въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія, русскимъ правительствомъ вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи. Вполнѣ признавая отвагу, замѣчательную настойчивость въ преслѣдованіи своей цѣли, чрезвычайную способность бороться съ усталостью и трудностями всякаго рода, каковыя качества всегда отличали русскихъ путешественниковъ въ арктическихъ моряхъ, остается только для правильной оцѣнки достигнутыхъ ими результатовъ, помнить, что они плавали на маленькихъ парусныхъ судахъ — конструкціи, не позволявшей ни плавать въ открытомъ морѣ, ни бороться съ плавучими льдами полярнаго пояса. Затѣмъ имъ не доставало, — я не буду говорить о парѣ, этомъ могущественномъ двигателѣ нашей эпохи, — хорошей оснастки, чтобы лавировать противъ вѣтра. Наконецъ, большинство экипажа въ этихъ экспедиціяхъ обыкновенно состояло изъ матросовъ прѣсныхъ водъ Сибири, которые никогда не видали водъ океана, никогда не подвергались морской качкѣ, не испытывали плаванія между плавучими льдами океана. Принимая въ расчетъ такое снаряженіе, мнѣ кажется, что замѣчательныя путешествія, ходъ и результаты которыхъ, въ главныхъ чертахъ, мною будутъ сейчасъ изложены въ сжатомъ очеркѣ, вполнѣ доказываютъ, что здѣсь также возможно ожидать найти море судходное въ теченіи осени.

Экспедиціи вдоль береговъ къ востоку отъ Челюскина мыса имѣли мѣстомъ своего отправленія г. Якутскъ, на рѣкѣ Ленѣ, подѣ 62° сѣв. широты, въ 1500 верстахъ отъ устья рѣки. Въ этомъ же городѣ были построены суда, на которыхъ были совершены экспедиціи. Первая отправилась въ 1735 г., подѣ начальствомъ лейтенанта Провчищева. Спустившись по рѣкѣ и войдя, 14 августа, въ восточное устье Лены, экспедиція обогнула обширную дельту, которую рѣка образуетъ при своемъ впаденіи въ море. 7 сентября экспедиція достигла только устья Олонка. Такимъ образомъ, потребовалось три недѣли, чтобы пройти разстояніе, которое паровое судно прошло бы въ одинъ день. Бывшій въ морѣ ледъ не пред-

ставлялъ никакого препятствія для плаванія. Однакоже дальнѣйшее движеніе было затруднено противными вѣтрами, которые, вѣроятно, были съ моря и легко могли выбросить судно на берегъ, если бы оно неблагоразумно пустилось въ открытое море. Позднее время года заставило Прончищева перезимовать въ этомъ мѣстѣ ($72^{\circ} 54'$ сѣв. широты), близъ нѣсколькихъ лѣтнихъ юртъ, построенныхъ охотниками за пушнымъ звѣремъ. Зима прошла счастливо, и въ слѣдующемъ году (1736) Прончищевъ вновь пустился въ путь, какъ только это позволили льды Олонекскаго залива, что однакоже было только 15 августа. Плаваніе происходило вдоль берега къ сѣверо-востоку. На пути мѣстами встрѣчались плавучіе льды, но все-таки экспедиція подвигалась быстро впередъ и 1 сентября достигла $77^{\circ} 29'$ сѣв. широты, близъ Челюскина мыса. Здѣсь она встрѣтила скученныя массы льда и возвратилась къ устью Олонека, куда она прибыла 15 сентября. За нѣсколько времени передъ тѣмъ талантливый командиръ судна умеръ отъ скорбута, а нѣсколько дней спустя за нимъ послѣдовала въ могилу его молодая жена, которая во все время путешествія сопровождала своего мужа. Такъ какъ эти случаи скорбута произошли даже не зимою, а въ концѣ лѣта, то они представляютъ собою краснорѣчивое свидѣтельство, какъ плохо вообще бывали снабжаемы жизненными припасами арктическія экспедиціи того времени. Затѣмъ въ 1739 г. была предпринята новая экспедиція вдоль тѣхъ же береговъ, подъ начальствомъ лейтенанта Харитона Лаптева. 1 августа она вышла изъ Лены, а 2 сентября достигла мыса Св. Ѡаддея, подъ $76^{\circ} 47'$ сѣв. широты, не встрѣтивъ на всемъ пути, кромѣ какъ у Хатанскаго залива, никакихъ затрудненій отъ льдовъ. Мысъ Св. Ѡаддея находится приблизительно на разстояніи ста верстъ отъ Челюскина мыса. Здѣсь должны были остановиться передъ массами плавучихъ льдовъ, которые загородили путь. Такъ какъ время года показалось сибирскимъ мореплавателямъ очень позднимъ, то они отправились на зимовку въ глубь Хатанскаго залива, котораго они достигли 8 сентября. Въ слѣдующемъ году Лаптевъ предпринялъ попытку вернуться къ Ленѣ, но судно его было раздавлено плавучими льдами по выходѣ изъ устья Олонека. Только послѣ громаднхъ трудовъ и опасностей экипажу удалось послѣ того добраться до зимнихъ квартиръ предыдущаго года. Отсюда нѣсколько человекъ отправились на саняхъ на Енисей. Въ слѣдующія года Лаптевъ, его помощникъ штурманъ Челюскинъ и геодезистъ Чекинъ сдѣлали нѣсколько экспеди-

цій на саняхъ, чтобы опредѣлить сѣверо-западную оконечность Азіятскаго материка. Экспедиціи Харитона Лаптева представляютъ собою послѣднія попытки, которыя были сдѣланы, чтобы пройти моремъ отъ Лены на западъ. Сѣверо-западная оконечность Азіи, которая была открыта въ 1742 г. экспедиціею на саняхъ подъ начальствомъ Челюскина, одного изъ самыхъ энергическихъ участниковъ предыдущихъ экспедицій, не могла быть достигнута моремъ, и еще мѣнѣе были успѣшны плаванія отъ Лены къ Енисею. Но, не смотря на плохія суда, на которыхъ совершались экспедиціи, Прончищевъ однако вернулся обратно, не доходя всего нѣсколько минутъ, а Лаптевъ 50' до означенной точки. Между препятствіями, которыя они встрѣтили, противные и сильныя вѣтры, повидимому, играли столь же значительную роль, какъ и плавучіе льды. Кромѣ того боясь лишиться возможности достигнуть для зимовки какого либо мѣста, посѣщаемого туземцами, плаватели почти всегда возвращались обратно въ такое время года, когда полярныя моря бываютъ менѣе всего загромождены льдами. Принимая должнымъ образомъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, можно, не колеблясь, допустить, что паровое судно, снаряженное именно съ цѣлью плаванія въ арктическихъ моряхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не встрѣтило бы, при тѣхъ же условіяхъ, серьезныхъ затрудненій, чтобы обогнуть Челюскинъ мысъ.

Несравненно болѣе многочисленныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ о водахъ между Леною и Енисеемъ, имѣются о морѣ между Леною и Беринговымъ проливомъ. Надежда обложить податью дикія племена, которыя живутъ на этомъ берегу, или же завести съ ними прибыльную торговлю, со второй половины 17 столѣтія служила побужденіемъ для русскихъ промышленниковъ къ многочисленнымъ плаваніямъ вдоль этихъ береговъ. На картѣ, приложенной къ вышеупомянутому сочиненію Миллера, которая составлена по даннымъ, добытымъ изъ сибирскихъ архивовъ, морской путь показанъ вдоль береговъ, и надпись на картѣ гласитъ: *„Путь, по которому въ старину проходило много судовъ. Путешествіе, совершенное, моремъ въ 1648 г., тремя русскими судами, изъ которыхъ одно достигло Камчатки“* *). Нельзя не сожалѣть, что о большинствѣ этихъ

*) Карта носитъ названіе: „Новая карта открытій, сдѣланныхъ русскими судами, и т. д.“ Издана по подлиннымъ запискамъ лицъ участвовавшихъ при этихъ

путешествій не сохранилось никакихъ свѣдѣній, и если относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ мы располагаемъ кое-какими скудными свѣдѣніями, то этимъ мы обязаны почти что всегда либо несчастнымъ случаямъ, которые выпали на долю плавателей и которые были достаточно поразительны, чтобы надолго остаться въ памяти, либо процессамъ или другимъ обстоятельствамъ, которые повлекли за собою въ свое время внимательство властей. Такъ между прочимъ о самой замѣчательной изъ этихъ экспедицій, казака Дежнева, до насъ дошли нѣкоторыя свѣдѣнія только потому, что между нимъ и однимъ изъ его спутниковъ возникъ споръ о правѣ на промыселъ за моржами на одной отмели, на восточномъ берегу Камчатки; между тѣмъ экспедиція эта была въ полномъ смыслѣ путешествіемъ съ цѣлью открытій и была предпринята, съ одобренія правительства, съ одной стороны для розысканія въ Ледовитомъ морѣ острововъ, о которыхъ была распространена масса слуховъ между промышленниками и туземцами, а съ другой стороны экспедиція имѣла цѣлью распространить русскую государственную власть на неизвѣстныя еще дотолѣ страны сѣверо-востока и обложить ихъ податью. Дежневъ отправился изъ Колымы 1 іюля 1648 г., какъ начальникъ одной изъ семи кочей *), изъ которыхъ на каждой было по 30 человекъ экипажа, и изъ совокупности которыхъ состояла экспедиція. О судьбѣ четырехъ изъ этихъ судовъ не сохранилось положительно никакихъ свѣдѣній. Вѣроятно, они, скорѣе по отплытію, возвратились назадъ, а не погибли, какъ это предполагалось разными писателями. Остальныя же три кочи, подъ начальствомъ казаковъ Дежнева и Анкудинова и промышленника Холмогорцева, счастливо достигли Чукотскаго Носа и, повидимому, по водамъ, которыя были совершенно свободны отъ льда. Здѣсь судно Анкудинова потерпѣло крушеніе, но экипажъ успѣлъ спастись и былъ переведенъ на остальныя суда, которыя скорѣе затѣмъ разъединились. Дежневъ продолжалъ свой путь вдоль береговъ Камчатки

открытіяхъ и на основаніи другихъ свѣдѣній, оцѣнка которыхъ помѣщена въ особомъ мемуарѣ. СПб., при Императорской Академіи наукъ, 1758.

*) Плоскостонныя суда, довольно широкія, длиною въ 12 сажень. Обыкновенно на нихъ плавали на веслахъ, и только при попутномъ вѣтрѣ пользовались парусами (Wrangels Reise, p. 4). Рисунокъ кочи встрѣчается въ сочиненіи Nicolaes Witsen „Noortooster gedeelte van Asia an Europa“, Amsterdam, 1705, Т. II, p. 150.

до Анадыри, куда прибылъ въ октябрѣ; Анкудиновъ же, повидимому, даже достигъ устья рѣки Камчатки, гдѣ поселился среди туземцевъ и кончилъ тѣмъ, что умеръ отъ скорбута. Въ слѣдующемъ 1649 г. Стадухинъ, отправившись изъ Колымы, плылъ въ теченіе семи дней къ востоку почти до самаго Чукоцкаго Носа, причѣмъ воды были свободны отъ льдовъ, насколько впрочемъ можно объ этомъ предметѣ судить по существующему, крайне неполному очерку этого путешествія. О мнѣніи, которое имѣлъ Дежневъ о судоходности моря между Леною и Беринговымъ проливомъ, можно составить себѣ понятіе изъ того обстоятельства, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о заготовкѣ лѣса на берегахъ Анадыри, для постройки новыхъ кочъ, послѣ того какъ судно, бывшее подъ его начальствомъ, погибло. Онъ между прочимъ имѣлъ намѣреніе на этихъ судахъ послать въ Якутскъ дорогіе мѣха, которые онъ взялъ съ туземцевъ въ видѣ дани, но отъ этой мысли онъ долженъ былъ отказаться, по невозможности достать матеріаловъ, необходимыхъ для постройки судовъ.

Онъ прибавляетъ, что море у Чукоцкаго Носа бываетъ свободно не всякій годъ. Кромѣ того, вообще послѣ основанія, въ 1644 г., Нижне-Колымска, много путешествій было предпринято изъ устьевъ большихъ рѣкъ Сибири, вслѣдствіе разсказовъ, которые ходили между береговыми туземцами, о существованіи въ Сибирскомъ Ледовитомъ морѣ большихъ обитаемыхъ острововъ, богатыхъ лѣсами, пушинымъ звѣремъ, моржами и мамонтовою костью. Слухи эти, часто подвергавшіеся сомнѣнію, но, съ другой стороны, находившіе поддержку въ разсказахъ промышленниковъ, наконецъ отчасти оправдались открытіемъ острововъ Новой-Сибири, земли Врангеля и береговъ Сѣверной Америки, расположенныхъ къ востоку отъ Берингова пролива, но во всякомъ случаѣ молва объ островахъ Ледовитаго моря была преувеличена и сложилась подъ вліяніемъ ошибочнаго приписыванія имъ счастливыхъ физическихъ условій сѣдняго Американскаго материка. Нельзя не замѣтить, что нѣтъ ничего удивительнаго въ безуспѣшности попытокъ проникнуть моремъ съ береговъ Сибири къ сѣверу. Для плохихъ судовъ, которыми располагали смѣлые сибирскіе мореплаватели, открытое море было столь же опасно и даже болѣе опасно, чѣмъ море, наполненное льдомъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда судно бывало раздавлено льдами, можно было спастись на тѣхъ же льдахъ, и тогда оставалось только перенести борьбу съ недостаткомъ пищи, холо-

лодомъ и другими трудностями, къ перенесенію которыхъ большая часть экипажа была приучена съ дѣтства. Когда же, напротивъ того, такое слабое небольшое судно, плохо построенное изъ досокъ, соединенныхъ ивовыми связями, проконопаченное смѣсью изъ глины и мху, весьма легко дававшее течь, когда оно давало течь въ открытомъ морѣ, то его уже невозможно было спасти, если нельзя было немедленно же укрыться въ гавани. Вслѣдствіе этого, вскорѣ предпочли, для отысканія острововъ, поѣздки на саняхъ по льду въ зимнее время, и такимъ образомъ наконецъ удалось открыть обширную группу острововъ, которая получила названіе Новой-Сибири. Острова эти затѣмъ были очень часто посѣщаемы промышленниками главнымъ образомъ для добычи мамонтовыхъ клыковъ, которые были находимы тамъ въ большомъ количествѣ, въ залежахъ глины и песку, вмѣстѣ съ костями мамонта, носороговъ, барановъ, быковъ, лошадей и т. п. Острова эти были вполнѣ изслѣдованы только въ позднѣйшее время экспедиціями Геденстрема въ 1809—1811 гг. и лейтенанта Анжу въ 1823 г. Геденстремъ пріѣхалъ на острова передъ вскрытіемъ моря, на саняхъ, запряженныхъ собаками, оставаясь тамъ цѣлое лѣто и возвратился по льду осенью. По вопросу о судоходности моря, экспедиціи эти имѣли отличный случай произвести надлежащіе наблюденія надъ состояніемъ льдовъ осенью, но, къ несчастію, краткое описаніе этихъ экспедицій, помѣщенное на стр. 99—119 «Путешествія Врангеля», единственный источникъ, гдѣ я могъ справиться, не заключаетъ въ себѣ ничего по означенному вопросу *). Благодаря, впрочемъ, стараніямъ г. Сибирякова, мы располагаемъ по этому вопросу свѣдѣніями громадной важности, доставленными обитателями Сѣверной Сибири, которые на означенномъ архипелагѣ занимаются добываніемъ мамонтовыхъ клыковъ. Всѣ эти свѣдѣнія согласны между собою относительно того факта, что море ежегодно бываетъ достаточно свободно отъ льда между Азіатскимъ берегомъ и островами Новой-Сибири. Крестьянинъ Иконниковъ изъ Якутска, спутникъ Геденстрема, сдѣлалъ въ 1811 г. замѣчательное открытіе. Онъ нашелъ на западномъ берегу острова

*) Путешествія Врангеля были сами совершены зимою, по льду, на саняхъ и, сколь ни интересны они во многихъ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе не даютъ никакихъ прямыхъ указаній къ ознакомленію съ состояніемъ льдовъ лѣтомъ и въ теченіи осени.

Котельнаго остатки зимняго жилища, грубо сколоченнаго около кузова корабля, совершенно отличной конструкціи отъ сибирскихъ судовъ. Изъ этого обстоятельства и изъ предметовъ, найденныхъ на берегу, Иконниковъ вывелъ заключеніе, что это былъ промышленникъ за моржами, который былъ сюда принесенъ вѣтрами отъ Шпицбергена или отъ Новой-Земли. Къ несчастію нельзя было разобратъ надпись на надгробномъ или, быть можетъ, поставленномъ по объѣгу крестѣ, который былъ найденъ по сосѣдству съ жилищемъ.

Во время Большой Сѣверной экспедиціи *) также было сдѣлано нѣсколько попытокъ проникнуть изъ Лены къ востоку. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежала лейтенанту Ласиніусу, въ 1735 г. Онъ вышелъ 21 августа изъ самаго восточнаго рукава устья Лены, прошелъ 120 верстъ къ востоку, но встрѣтилъ плавучіе льды и на ближайшемъ берегу сталъ на зимовку, окончившюся самымъ несчастнымъ для экспедиціи образомъ, такъ какъ самъ Ласиніусъ и 52 человекъ, т. е. большая часть экипажа, погибли отъ скорбута. Въ слѣдующемъ, 1736 году новая экспедиція была послана съ того же берега, подъ командою лейтенанта Дмитрія Лаптева. Въ августѣ онъ сдѣлалъ попытку проникнуть къ востоку на суднѣ Ласиніуса, но вскорѣ встрѣтилъ много пловучихъ льдовъ, такъ что въ концѣ августа долженъ былъ направить путь обратно къ Ленѣ, какъ разъ въ то время, когда навигація только должна была бы начинаться.

Въ 1739 году Лаптевъ предпринялъ свое третіе путешествіе. Онъ проникъ до Индигирки, которая замерзла 21 сентября, и зимовалъ при устьѣ этой рѣки. Въ слѣдующемъ году онъ подвинулся немного дальше устья Колымы, до мыса Большаго Баранова, точка, на которой его движеніе къ сѣверу, 26 сентября, было остановлено льдомъ. Возвратясь въ Колыму и перезимовавъ въ Нижне-Колымскѣ, Лаптевъ вновь пробовалъ проникнуть къ востоку на большихъ шлюпкахъ, построенныхъ въ продолженіи зимы, но попытка была безуспѣшна, вслѣдствіе тумана, противныхъ вѣтровъ и льда. Для этихъ плаваній былъ употребленъ, въ 1735 г., дубель-шлюпъ, построенный въ Якутскѣ, и въ 1739 г. два судна, построенныя въ

*) Это общее названіе, данное многочисленнымъ русскимъ экспедиціямъ, которыя были посланы въ теченіи 1733—1743 г. въ Сѣверное Ледовитое море съ Сѣверной Двины, Оби, Енисея, Лены и Камчатки.

Нижне-Колымскѣ. Если судить, какія это были суда, по устройству судовъ, плавающихъ въ настоящее время по рѣкамъ Сибири, то нужно скорѣе удивляться, что кто нибудь могъ отважиться на такихъ судахъ пускаться въ открытое море, чѣмъ изъ безуспѣшности сдѣланныхъ попытокъ выводить заключеніе, будто не существуетъ никакой возможности проникнуть въ Сибирскія моря на паровомъ суднѣ, которое будетъ построено по всѣмъ требованіямъ настоящаго времени.

Мнѣ остается только коснуться нѣсколькихъ попытокъ, которыя были сдѣланы, чтобы проникнуть къ западу со стороны Берингова пролива. Экспедиція Дежнева, въ 1648 г., черезъ этотъ проливъ, изъ Лены въ Анадырь оставалась неизвѣстною въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, доколѣ Миллеръ не отрылъ свѣдѣній о ней въ сибирскихъ архивахъ, гдѣ онъ нашелъ также свѣдѣнія о многихъ другихъ экспедиціяхъ вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что о большинствѣ плаваній въ этихъ водахъ не сохранилось никакого слѣда, хотя отъ времени до времени и обнаруживаются нѣкоторыя новыя свѣдѣнія по этому предмету. Въ официальныхъ донесеніяхъ экспедицій, предпринятыхъ по инициативѣ властей, часто можно встрѣтить упоминанія о томъ, что имъ попадались на встрѣчу промышленники, которые плавали въ этихъ водахъ на свой собственный счетъ. Но вообще какъ мало было обращено вниманія на эти экспедиціи, можно видѣть изъ того, что 81 годъ спустя послѣ экспедиціи Дежнева еще считали сомнительнымъ существованіе пролива между сѣверо-восточною оконечностью Азіи и сѣверо-западною Америки. Наконецъ, проливъ былъ пройденъ во второй разъ, въ 1729 г., Берингомъ, который далъ ему свое имя. Берингъ также не подвинулся далеко по сѣверному берегу Азіи (до 172° западн. долгот.), хотя, повидимому, льды ему не препятствовали. Лѣтъ 50 спустя послѣ того, Кукъ совершилъ въ этихъ водахъ рядъ блестящихъ открытій, которыми онъ обогатилъ географическую науку. Проплывъ, въ 1778 г., довольно далеко къ востоку вдоль сѣвернаго берега Америки, онъ поворотилъ къ западу и достигъ, 29 августа, 180° долготы, гдѣ встрѣча со льдами заставила его возвратиться обратно, и въ дѣйствительности его корабль не былъ, ни по конструкціи, ни по составу экипажа, годенъ для арктическаго плаванія. Затѣмъ, со времени эпохи Кука, извѣстны три экспедиціи, которыя были предприняты изъ Берингова пролива на западъ. Пер-

вая была американская экспедиція капитана Роджерса въ 1855 г. Онъ достигъ въ открытомъ морѣ долготы мыса Якана (170° вост. долготы отъ Гринича). Вторая была капитана англійскаго китоловнаго судна Лонга, который, розыскивая новыя мѣста для ловли китовъ, въ 1867 г. прошелъ по Сѣверному океану на западъ отъ Берингова пролива гораздо дальше всѣхъ предыдущихъ мореплавателей. 10 августа онъ уже достигъ долготы Чаунбая (170° вост. долг. отъ Гринича). При этомъ необходимо замѣтить, что Лонгъ имѣлъ своею задачею не географическія открытія, а ловлю китовъ. Въ краткомъ отчетѣ о своемъ путешествіи онъ выражаетъ убѣжденіе въ возможности пройти моремъ отъ Берингова пролива къ Атлантическому океану, и присовокупляетъ, что если этому морскому пути и не суждено пріобрѣсти важнаго коммерческаго значенія, то морской путь между Леною и Беринговымъ проливомъ всегда будетъ полезенъ для эксплуатаціи богатствъ Восточной Сибири *). Въ заключеніе, въ 1876 году была послана русская экспедиція, черезъ Беринговъ проливъ, къ Землѣ Врангеля. Судя по сообщеніямъ журналовъ, льды не только помѣшали ей достигнуть предположенной цѣли, но даже не дали ей пройти значительнаго разстоянія къ западу.

Благодаря обязанности г. Сибирякова, я располагаю еще нѣсколькими свѣдѣніями, собранными отъ жителей Сѣверной Сибири, о состояніи льдовъ моря, омывающаго ея берега. Въ настоящее время однакоже промыслы до такой степени уменьшились въ этихъ водахъ, что нашлось весьма немного лицъ, которыя въ состояніи были отвѣтить на предложенные вопросы. Такъ въ Якутскѣ оказался только одинъ человѣкъ (священникъ), который посѣтилъ берега Ледовитаго моря. По его словамъ, море дѣлается свободнымъ отъ льда, когда вѣтеръ дуетъ съ суши, но наполняется опять льдомъ какъ только начинается вѣтеръ съ моря. Другой такой же наблюдатель изъ мѣстныхъ жителей передаетъ, что, судя по наблюденіямъ, сдѣланнымъ во время экспедиціи Чикановскаго въ 1875 г., море при устьѣ Оленека въ томъ году было совершенно свободно отъ льда, но онъ прибавляетъ, что годъ былъ исключительный. Не только лѣтомъ, но даже иногда зимою Сѣверный океанъ бываетъ свободенъ отъ льда и на разстояніи 200 верстъ отъ берега море

*) Petermann, Mittheilungen, 1868, стр. 1, и 1869, стр. 32.

замерзаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, но величина полыньи, какъ называютъ на сѣверѣ Сибири свободное море, неизвѣстна. Это показаніе совершенно подтверждается знаменитыми путешествіями Врангеля на саняхъ, запряженныхъ собаками, въ 1821—1823 г. Затѣмъ, по словамъ еще одного лица изъ мѣстныхъ жителей, сѣверный берегъ отъ устья Лены до устья Индигирки свободенъ отъ льда отъ іюля до сентября. Сѣверный вѣтеръ приносить ледъ къ берегу, но въ небольшихъ массахъ. Судя по наблюденіямъ промышленниковъ за мамонтовыми клыками, море свободно до южнаго берега острововъ архипелага Новой Сибири. Вѣроятно, это тѣ самые острова, которые служатъ преградою противъ льда напротивъ Устьянска. Въ такомъ же положеніи находится море и напротивъ Колымы, такъ что если возможно пройти отъ Берингова пролива къ Колымѣ, то возможно также пройти и отъ Колымы къ Ленѣ.

Обстоятельство, что лѣтомъ южные вѣтры гонятъ ледъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ береговъ, но при этомъ разстояніе это не бываетъ настолько велико, чтобы ледъ не могъ возвратиться въ большемъ или меньшемъ количествѣ подъ вліяніемъ вѣтровъ съ сѣвера, вполне подтверждено другими сообщеніями, и, мнѣ кажется, вполне доказываетъ, что острова Новой Сибири и Земля Врангеля представляютъ собою звѣнья обширной группы острововъ, которая идетъ параллельно сѣверному берегу Сибири. Если, съ одной стороны, эта преграда мѣшаетъ совершенному удаленію льда изъ водъ, которыя лежатъ между нею и континентомъ, а также способствуетъ замерзанію водъ зимою, то, съ другой стороны, она охраняетъ берегъ отъ наплыва собственно полярнаго льда, который образуется сѣвернѣе означенныхъ острововъ. Почти всѣ эти свѣдѣнія относятся къ лѣтнимъ мѣсяцамъ. Между тѣмъ, безъ сомнѣнія, также какъ въ Карскомъ морѣ, которое всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось почти непригоднымъ къ судоходству, большая часть льда растаиваетъ къ осени, такъ что въ это послѣднее время года можно рассчитывать найти море довольно свободнымъ.

Большинство корреспондентовъ, которымъ мы обязаны свѣдѣніями о льдахъ полярнаго Сибирскаго моря, кромѣ того, сообщаютъ распространенный въ Сибири слухъ, съ своей стороны отвергая его самымъ положительнымъ образомъ, что будто бы видали съ берега въ западной части Сибирскихъ морей американскихъ китоло-

вовъ. Между тѣмъ слухи эти имѣютъ отчасти дѣйствительное основаніе. Я самъ говорилъ съ однимъ промышленникомъ, который въ продолженіи трехъ лѣтъ, на паровомъ рыболовномъ суднѣ, занимался торговлею съ береговыми жителями между мысомъ Яканъ и Беринговымъ проливомъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ въ возможности, въ нѣкоторые года, пройти изъ Берингова пролива въ Атлантическій океанъ. Въ одну изъ своихъ экспедицій онъ вышелъ изъ названнаго пролива только 17 октября.

Изъ всего вышеприведеннаго слѣдуетъ:

что по океану, лежащему на сѣверъ отъ Сибири, еще никогда не проходило судно, которое дѣйствительно было бы въ состояніи держаться въ открытомъ морѣ, а тѣмъ менѣе паровое судно, специально приспособленное для плаванія между плавучими льдами;

что маленькія суда, на которыхъ были дѣлаемы попытки пройти эту часть океана, никогда не рѣшались удалиться на большое разстояніе отъ берега;

что они почти всегда искали гавани для зимней стоянки именно въ то время, когда море бываетъ всего свободнѣе отъ льда, т. е. въ концѣ лѣта или осенью;

что если въ самомъ дѣлѣ никому не удалось пройти море, которое простирается отъ Челюскина мыса къ Берингову проливу, все въ одинъ разъ, то безспорно, это море было пройдено по частямъ, во время разныхъ плаваній;

что ледъ, образующійся зимою вдоль берега, не распространяется однакоже далеко въ открытое море, каждое лѣто ломается, отчего происходятъ обширныя поля плавучаго льда, которыя то гонятся къ берегу сѣверными вѣтрами, то отгоняются отъ берега въ море вѣтрами съ юга, что вполне подтверждаетъ, что дѣйствительно Сибирское море отдѣляется отъ собственно полярнаго моря цѣпью острововъ, изъ которыхъ въ настоящее время извѣстны только Земля Врангеля и большіе острова, которые образуютъ архипелагъ Новой Сибири.

Основываясь на совокупности этихъ данныхъ, я полагаю, что надежное паровое судно будетъ въ состояніи, безъ особенно большихъ затрудненій, пройти этотъ путь въ осеннее время, и такимъ образомъ не только разрѣшитъ географическую задачу, ожидающую уже цѣлые вѣка своего разрѣшенія, но еще, благодаря тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ теперь наука, изслѣдовать географію, гидрографію, геологію и естественную исторію обширнѣйшаго

*

моря, которое до сихъ поръ представляетъ еще совершенно дѣвственную почву для ученыхъ изслѣдованій. Море на сѣверѣ отъ Берингова пролива теперь посѣщается сотнями китолововъ и судоходство между этимъ моремъ и портами Америки и Европы отнынѣ будетъ все болѣе и болѣе развиваться. Между тѣмъ всего тому назадъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ тамъ не было никакого судоходства, и на путешествія Беринга, Кука, Коцебу и другихъ смотрѣли тогда какъ на смѣлыя экспедиціи, которыя одна судьба спасала отъ неизбежной гибели, и которыя представляли громадную важность для науки, но мало практической пользы. Тому назадъ полтора вѣка также смотрѣли на путешествіе Шпанберга изъ Камчатки въ Японію (1739 г.), посредствомъ котораго открытія русскихъ въ сѣверной части Тихаго океана коснулись и составили одно цѣлое съ открытіями голландцевъ и португальцевъ въ Индіи, Зондскомъ архипелагѣ и Японіи. Наконецъ еслибы нашей экспедиціи удалось достигнуть Суэцкаго перешейка, обойдя кругомъ Азію, она встрѣтила бы въ созданіи г. Лессепса какъ разъ такое осуществившееся громадное предпріятіе, которое способно скорѣе, чѣмъ всякое другое, напомнить, что часто то, что компетентные люди находятъ невозможнымъ сегодня, завтра оказывается уже исполненнымъ. Тоже самое весьма легко можетъ случиться съ плаваніемъ кругомъ Азіи. Я также убѣжденъ, что если не соединятся слишкомъ неблагоприятныя обстоятельства, плаваніе вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи не только окажется возможнымъ, но даже пріобрѣтетъ дѣйствительное практическое значеніе. Последнее, конечно, будетъ заключаться не въ томъ, чтобы затѣмъ можно было считать открытымъ новый морской путь, на сѣверо-востокъ, изъ Европы въ Китай, но въ томъ, что успѣхомъ такого плаванія положительно докажется возможность морскаго сообщенія съ одной стороны между сѣверными портами Европы и Обью-Енисеемъ, а съ другой между Тихимъ океаномъ и Леною.

Еслибы для экспедиціи оказалось невозможнымъ выполнить эту программу во всемъ ея объемѣ, то и тогда, однакоже, нельзя было бы смотрѣть на нее какъ на бесполезную. Она посѣтитъ въ этомъ случаѣ тѣ мѣста сѣвернаго берега Сибири, гдѣ потребуется произвести научныя изслѣдованія. Каждая миля, пройденная къ востоку отъ устья Енисея, будетъ однимъ шагомъ дальше къ полному знакомству съ земнымъ шаромъ, цѣль, — которая рано или поздно должна быть достигнута цѣною болѣе или менѣе значительныхъ жертвъ, и

способствовать достиженію которой всякая цивилизованная нація должна считать для себя за честь. Въ этихъ странахъ, которыя еще никѣмъ не были посѣщены, ученый найдетъ отвѣтъ на массу вопросовъ относительно прежняго и настоящаго состоянія полярныхъ земель; вопросовъ, изъ которыхъ многіе представляются сами по себѣ достаточно важными, чтобы оправдать посылку сюда морской экспедиціи. Да позволено мнѣ будетъ коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ. За исключеніемъ части Карскаго моря, изслѣдованнаго двумя послѣдними шведскими экспедиціями, о царствахъ животномъ и растительномъ остальныхъ морей, омывающихъ сѣверные берега Сибири, почти не имѣется никакихъ свѣдѣній. Мы здѣсь встрѣтимъ, вѣроятно, въ противоположность тому, что предполагалось до сихъ поръ, такое же богатство животной и растительной жизни, какъ и въ моряхъ Шпицбергена. Насколько представляется возможнымъ судить объ этомъ à priori, формы растеній и животныхъ Сибирскаго моря должны принадлежать къ ледниковому періоду, что далеко не то, что природа полярныхъ морей, куда проникаютъ воды гольфстрѣма и приносятъ съ собою и смѣшиваютъ, съ настоящими полярными типами, типы странъ болѣе южныхъ. Но полное и точное знакомство съ типами животныхъ какъ ледниковаго, такъ и атлантическаго происхожденія, представляется крайне важнымъ не только для зоологіи, животной географіи, но и для геологіи скандинавскихъ странъ. Весьма немногимъ ученымъ находкамъ удалось въ такой сильной степени сосредоточить на себѣ вниманіе какъ ученыхъ, такъ и вообще образованнаго міра, какъ открытіе въ тундрахъ Сибири колоссальныхъ остатковъ слоновъ, а иногда даже цѣлыхъ слоновъ, съ сохранившеюся кожей и шерстью. Эти находки вызвали не одну ученую экспедицію и были подвергнуты самому тщательному изслѣдованію со стороны извѣстныхъ ученыхъ. Однакоже еще остается разяснить много таинственнаго относительно массы обстоятельствъ въ связи съ періодомъ сибирскаго мамонта, который, *быть можетъ*, былъ современнымъ съ нашимъ ледниковымъ періодомъ. Наши свѣдѣнія о растеніяхъ и животныхъ, современныхъ мамонту, въ особенности отличаются чрезвычайно неполнотою, хотя не безызвѣстно, что въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Сибири, доступъ къ которымъ съ сухаго пути очень затруднителенъ, попадаются небольшіе холмики, покрытые костями мамонта и другихъ современныхъ ему животныхъ, и что тамъ же встрѣчаются обширные слои земли, заключающіе въ себѣ остатки растеній

той же эпохи. Вообще по возможности полное изученіе геологіи полярныхъ странъ представляется условіемъ *sine qua non* ознакомленія съ геологическою исторіею земнаго шара. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно будетъ вспомнить о влияніи, которое произвело на геологію открытіе въ скалахъ и рыхлой почвѣ полярныхъ земель отлично сохранившихся остатковъ растений различныхъ геологическихъ періодовъ. Даже въ этомъ отношеніи экспедиція къ сѣвернымъ берегамъ Сибири должна дать обильные плоды. Переходя затѣмъ къ метеорологіи, нельзя не замѣтить, что немногія науки общають въ будущемъ достигнуть такихъ многочисленныхъ практическихъ результатовъ, какъ она, и что значеніе ея вполнѣ доказывается значительными суммами, расходуемыми во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, на устройство метеорологическихъ станцій. Но климатъ страны находится въ такой зависимости отъ температуры, вѣтровъ, давленія воздуха и т. д. часто странъ очень отдаленныхъ, что законы метеорологическихъ явленій для извѣстной мѣстности не иначе могутъ быть установлены, какъ изъ сочетанія мѣстныхъ наблюденій съ наблюденіями, произведенными въ тѣхъ странахъ. Вѣрная оцѣнка этого обстоятельства вызвала извѣстное число международныхъ метеорологическихъ предпріятій, такъ что на метеорологическія учрежденія разныхъ странъ почти можно смотрѣть, какъ на различныя учрежденія одной и той же конторы, соединенною работою которыхъ должна быть достигнута когда нибудь цѣль, имѣющаяся въ виду. Но за мѣстностями, изъ которыхъ можно получать ежегодно рядъ наблюденій, лежатъ страны въ тысячи квадратныхъ миль или совершенно неизвѣстныя въ метеорологическомъ отношеніи, или откуда имѣется всего нѣсколько разрозненныхъ наблюденій. А между тѣмъ только въ этихъ странахъ можетъ быть найденъ ключъ къ разрѣшенію большинства метеорологическихъ задачъ, которыя еще остаются разрѣшить. Сибирское же ледовитое море, съ землями и островами, которые тамъ находятся, представляетъ собою какъ разъ именно такую совершенно неизвѣстную метеорологическую область. Представляется крайне важнымъ, для метеорологіи Европы, получить вѣрныя данныя о распредѣленіи суши и морей, о льдахъ, давленіи воздуха и температурѣ въ этой обширной части земнаго шара. Почти тоже самое можно сказать о данныхъ, которыя могутъ быть получены въ этихъ странахъ, для изученія земнаго магнетизма, сѣверныхъ сіяній и т. д. Къ этому должно присоединить еще изученіе совершенно неизвѣстныхъ флоры и фауны этихъ странъ,

этнографическія изслѣдованія, гидрографическія работы и т. д. Естественно, я долженъ былъ здѣсь ограничиться однимъ лишь перечисленіемъ тѣхъ вопросовъ, которыми экспедиція должна будетъ заняться въ продолженіе болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія своего на сѣверномъ берегу Сибири. Но одного этого перечня уже вполне достаточно, чтобы показать, что если даже гидрографическая цѣль экспедиціи не будетъ достигнута, тѣмъ не менѣе экспедиція будетъ въ состояніи достойно присоединиться къ подобнымъ уже экспедиціямъ, которыя отправились изъ Швеціи до нея. Если же однако, какъ я надѣюсь, мы будемъ въ состояніи достигнуть Берингова пролива безъ особыхъ препятствій и, слѣдовательно послѣ, относительно, короткаго плаванія, то время, которое можно будетъ удѣлить во время путешествія на ученія изслѣдованія въ сѣверномъ Сибирскомъ океанѣ, будетъ, правда, слишкомъ недостаточно для разрѣшенія многихъ изъ исчисленныхъ выше научныхъ вопросовъ. Но, независимо отъ вѣковой задачи мореплаванія, которая тогда будетъ разрѣшена нашею экспедиціею, она будетъ въ состояніи, даже въ томъ случаѣ, собрать матеріалы существенной важности для ознакомленія съ географіею, гидрографіею и естественною исторіею странъ, о которыхъ говорится. По ту сторону Берингова пролива, экспедиція посѣтитъ страны, природа которыхъ разнообразнѣе и богаче, гдѣ другіе вопросы, быть можетъ менѣе спеціальнаго для насъ интереса, но не менѣе важные для науки вообще, привлекутъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя и щедро вознаграждать его за его труды и лишения. Вотъ всѣ тѣ соображенія, которыя послужили основаніемъ для плана предполагаемой экспедиціи.

Мое намѣреніе было бы оставить Швецію въ началѣ іюня 1878 г., на паровомъ суднѣ, специально построенномъ для плаванія среди льдовъ, которое было бы снабжено всѣми необходимыми припасами на два года, и на которомъ находился бы, кромѣ ученаго штаба изъ четырехъ или пяти лицъ и четырехъ китолововъ, экипажъ, состоящій изъ морскаго офицера, врача и четырнадцати унтеръ-офицеровъ и матросовъ королевскаго флота, которые поступили бы на судно экспедиціи согласно дооровольному своему желанію. Судно сначала отправится въ одинъ изъ портовъ сѣвернаго берега Норвегіи, чтобы сдѣлать запасы угля. Оттуда судно пойдетъ прямо къ Маточкину проливу на Новой Землѣ, гдѣ будетъ ожидать благо-

приятнаго времени, чтобы выйти въ Карское море. Затѣмъ экспедиція направится къ Порту-Диксона при устьѣ Енисея, до котораго я надѣюсь дойти въ первой половинѣ августа. Какъ только позволятъ обстоятельства, экспедиція будетъ продолжать свой путь къ Челюскину мысу, по открытому каналу вдоль берега, который образуется течениемъ водъ Оби-Енисея. Быть можетъ, экспедиція возьметъ нѣсколько къ сѣверо-западу, чтобы посмотрѣть, не существуетъ ли острововъ между Сибирью и сѣверною частью Новой-Земли. У Челюскина мыса, экспедиція встрѣтитъ единственный на всемъ ея пути пунктъ, гдѣ не проходило еще ни одно судно, и который быть можетъ справедливо, считается самою трудною частью всего пути на сѣверо-востокъ. Но если, въ 1736 г., Прончищевъ, на небольшихъ судахъ крайне неудовлетворительной постройки, всего на нѣсколько минутъ не дошелъ до этой крайней сѣверо-западной точки Азіи, то казалось бы, что наше судно, снабженное всѣми усовершенствованіями настоящаго времени, не должно бы было встрѣтить особенно большихъ трудностей, чтобы обогнуть мысъ, за которымъ, далѣе, мы, вѣроятно, встрѣтимъ море болѣе или менѣе свободное до самого Берингова пролива, куда я надѣюсь прибыть до конца сентября.

Если позволятъ время и льды, было бы желательно, чтобы экспедиція во время этого перехода могла въ нѣсколькихъ точкахъ изслѣдовать части моря, лежащія къ сѣверу отъ ея пути, чтобы убѣдиться, не существуетъ ли твердой земли между Челюскинымъ мысомъ и Новою Сибирью, а также между этимъ архипелагомъ и Землею Врангеля. Изъ Берингова пролива экспедиція, дѣлая только самыя необходимыя остановки, направится во первыхъ въ одну изъ гаваней на азіатскомъ берегу, откуда она могла бы послать о себѣ свѣдѣнія на родину, а потомъ, обойдя Азію она отправится въ Суэцъ. Если же окажется невозможнымъ пройти далѣе на востокъ отъ Челюскина мыса, то въ такомъ случаѣ будетъ вполне зависѣть отъ случайностей, предвидѣть которыя невозможно, — возвратится ли экспедиція безотлагательно въ Европу, послѣ чего судно ея, его вооруженіе и экипажъ могутъ немедленно же получить какое либо другое назначеніе, или же она проведетъ зиму въ какой либо гавани Таймурскаго залива, или въ устьѣ рѣки Пясики или Енисея. Въ случаѣ же, если удастся обогнуть Челюскинъ мысъ, но льды помѣшаютъ продолжать плаваніе далѣе на востокъ,

тогда потребуется прискаты гавань на сѣверномъ берегу Сибири, откуда по наступленіи лѣта представлялась бы полная возможность къ важнымъ развѣдкамъ въ Ледовитомъ морѣ. Въ теченіе же лѣта, вѣроятно, представился бы тогда также случай достигнуть Берингова пролива, когда южные вѣтры удалять ледъ отъ берега.

А. Норденшельдъ.

Стокгольмъ, июль 1877 г.

ПИСЬМА

ПРОФЕСОРА НОРДЕНШЕЛЬДА

КЪ

Д-РУ ОСКАРУ ДИКСОНУ

I.

На пароходѣ „Вега“, на якорной стоянкѣ въ Диксоновой гавани при устьѣ Енисея, 7-го августа 1878 г.

Высокоуважаемый г. Диксонъ!

Вчера стали здѣсь на якорь «Вега», «Фразеръ» и «Экспрессъ». «Лена» осталась назади благодаря обстоятельству, о которомъ я скажу ниже, но и она ожидается съ минуты на минуту. «Вега» теперь занята перегрузкой какъ можно большаго количества угля съ «Экспресса», который, какъ вы можете быть помните, долженъ былъ взять въ Лондонѣ грузъ угля въ счетъ экспедиции. Какъ только будетъ окончена сказанная перегрузка, карабли, слѣдовавшіе до сихъ поръ однимъ и тѣмъ же путемъ, должны будутъ разлучиться, — «Фразеръ» и «Экспрессъ» поднимутся на извѣстное разстояніе въ устьѣ рѣки и принявъ грузы хлѣба или сала, отправятся затѣмъ, въ половинѣ сентября, обратно въ Европу; а «Вега» и «Лена» будутъ продолжать свой путь въ сѣверо-восточномъ направленіи. Такимъ образомъ, теперь представляется случай переслать на родину нѣкоторыя извѣстія о ходѣ экспедиции до настоящаго времени, которымъ я и пользуюсь, чтобы написать это письмо.

Какъ вамъ уже извѣстно, въ началѣ наше плаваніе совершалось медленно. Буря и противный вѣтеръ задержали насъ у Мосё до вечера 25 июля, когда наконецъ мы получили возможность поднять якорь. Для того, чтобы избѣгнуть чрезвычайно сильнаго морскаго волненія, вызваннаго страшною бурей въ предыдущіе дни, мы должны были проплыть черезъ проливъ Магерё, мимо Сѣвернаго мыса, откуда курсъ былъ направленъ къ Южному Гусиному Носу на западномъ берегу Новой Земли. Хотя первоначально я

былъ намѣренъ проникнуть въ Карское море самымъ южнымъ проливомъ, т. е. черезъ Югорскій шаръ, тѣмъ не менѣе, курсъ былъ направленъ теперь гораздо сѣвернѣе, такъ какъ опытъ показалъ, что часто до самого поздняго лѣта въ бухтѣ между западнымъ побережьемъ острова Вайгача и материкомъ остается столько плавающихъ льдовъ, что плаваніе въ этихъ водахъ оказывается затруднительнымъ, если не держаться самого западнаго берега Новой Земли, т. е. почти у Гусиной Земли, слѣдуя отсюда къ Югорскому шару вдоль западнаго побережья Новой Земли и острова Вайгача. Въ настоящемъ году такая осторожность была-бы излишня, такъ какъ мы достигли Югорскаго шара, не встрѣтивъ и слѣдовъ льда.

Послѣ крайне затруднительнаго плаванія вслѣдствіе жестокаго вѣтра и чрезвычайно бурнаго моря, завидѣли мы въ ночь на 29-е Новую Землю. Погода стояла превосходная. Мы пошли далѣе на паряхъ вдоль береговъ къ Югорскому шару, гдѣ и стали на якорѣ у у самоѣдскаго селенія Хабаровой, 30-го числа послѣ полудня. При входѣ въ проливъ мы повстрѣчались съ «Фразеромъ», вышедшимъ было въ поиски за нами на случай, еслибъ мы, вынужденные бурей, бросили якорь въ какой-нибудь другой гавани на западномъ берегу острова Вайгача; вмѣсто выбранной съ общаго согласія бухты у Хабаровой. «Фразеръ» и «Экспрессъ» еще 13-го оставили Вадсѣ и стояли здѣсь на якорѣ съ 20-го. Ими также не было замѣчено льдовъ. «Лена» все еще не приходила и насъ очень заботило, удалось-ли этому небольшому пароходу справиться съ бурей, выдержанной нами у Сѣвернаго мыса. Даже на такомъ большомъ кораблѣ, какъ «Вега», однимъ изъ валовъ залило палубу, при чемъ разбило прикрѣпленный на ней ящикъ, хотя, страннымъ образомъ, не повредивъ ничего изъ упакованныхъ въ немъ термометровъ, бутылокъ и стеклянныхъ трубокъ. Однакожь наши опасенія оказались неосновательными, такъ какъ 31-го и «Лена» стала здѣсь на якорѣ, рядомъ съ прочими кораблями. Причиною же ея замедленія было уклоненіе компаса, оказавшееся, вслѣдствіе незначительной горизонтальной интенсивности земнаго магнетизма подъ этими градусами сѣверной широты, гораздо значительнѣе въ сравненіи съ полученнымъ при опредѣленіяхъ, производившихся съ этою цѣлью передъ отплытіемъ изъ Готенбурга.

Тотчасъ по нашемъ прибытіи къ Хабаровой, докторъ Стуксбергъ выѣхалъ на лодкѣ съ неводомъ и, вернувшись затѣмъ, привезъ обильные образчики животной жизни въ проливѣ, между про-

чимъ спонгитовъ, величиною съ обыкновенною губку, множество моллюсковъ и т. под. У туземцевъ мы купили прекрасную коллекцію рыбы—сиговъ, семги, камбалы, налимовъ и пр. Д-ръ Кіельманъ сдѣлалъ новыя пріобрѣтенія по части мѣстной флоры и занимался изслѣдованіемъ морфологіи и исторіи развитія арктическихъ животныхъ,—вопросъ до сихъ поръ оставившійся безъ вниманія, но судя по начатымъ работамъ д-ра Кіельмана, весьма интересный и заслуживающій основательнаго изслѣдованія ради вѣрнаго пониманія жизни сѣвернаго растительнаго царства. Лейт. Нордквистъ старался сдѣлать пріобрѣтенія относительно здѣшной чрезвычайно скудной фауны насѣкомыхъ. Д-ръ Альмквистъ изслѣдовалъ, гольгреновымъ методомъ, цвѣтовую воспримчивость самоѣдовъ, которая въ общемъ оказалось у нихъ хорошо развитою. Лейт. Паландеръ производилъ пробы своего фотографическаго аппарата, а Говгардъ—магнетическихъ инструментовъ. Однимъ словомъ, мы старались по возможности лучше воспользоваться нашимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Для сравненія показаній хронометра въ эту поѣздку и въ плаваніе 1875 г., когда мы также провели здѣсь нѣсколько дней, была измѣрена мною и лейт. Бове высота солнца съ нашего прежняго обсервационнаго пункта—здѣшной маленькой церкви. У самоѣдовъ я купилъ по довольно дорогой цѣнѣ костюмы, домашнюю утварь и т. под. *) Наименьшею употребляемою здѣсь денежною единицею служить, повидному, бумажный рубль.

Между прочимъ, я спрашивалъ самоѣдовъ, нельзя-ли купить у нихъ чтонибудь изъ кумировъ. Сначала воспослѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, но наконецъ, какая-то самоѣдская старуха согласилась показать мнѣ нѣкоторые изъ нихъ и затѣмъ она вынула ихъ изъ мѣшка, гдѣ они были заботливо уложены въ сапогахъ изъ оленьей кожи. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ старуха продала мнѣ нѣсколько штукъ изъ нихъ за 7 рублей. Каждый изъ божковъ имѣлъ особое назначеніе и отличался особымъ видомъ. Одинъ напр. состоялъ изъ камня, которому съ помощью кой-какихъ пестрыхъ лоскутковъ былъ приданъ видъ куклы; другой былъ уже настоящею куклою съ лицомъ изъ латуни; третій состоялъ изъ миниатюрной шубы; четвертымъ была маленькая кожаная кукла,

*) Настоящая торговля здѣсь, повидному, исключительно мѣновая.

обвѣшанная серьгами и бусами. Вообще эти благоговѣнно обожаемыя самоѣдами божества походили на тѣ тряпичныя куклы, которыя у насъ устраиваются деревенскими ребятишками, помимо городскихъ игрушечныхъ лавокъ.

Лѣтомъ здѣсь въ Хабаровой живетъ десять человекъ русскихъ домохозяевъ, которые весною приходятъ сюда изъ Пустозерска, гдѣ у нихъ остаются жены и дѣти; осенью же они возвращаются домой. Во время своего пребыванія въ Хабаровой, эти русскіе ведутъ мѣншую торговлю съ самоѣдами, занимаясь также рыбною ловлей и разведеніемъ сѣверныхъ оленей, которые служатъ имъ для перевозки товаровъ изъ Пустозерска сюда и обратно. Часть самоѣдовъ, повидимому, состоитъ у русскихъ въ услуженіи. Русскіе живутъ здѣсь въ низенькихъ, крытыхъ торфомъ деревянныхъ домикахъ; самоѣды же въ особаго рода шатрахъ изъ оленьихъ шкуръ и весьма похожихъ на юрты лапландцевъ. Русскіе составили было здѣсь компанію для ловли бѣлуги (*Delphonapterus bucas*), въ 22 пая, изъ которыхъ два предназначаются въ пользу Николая-чудотворца, признаваемого за покровителя предпріятія. Однакожь въ этомъ году уловъ былъ неудаченъ: между соучастниками возникъ споръ, вслѣдствіе чего бѣднѣйшіе изъ нихъ отказали въ своемъ содѣйствіи общимъ трудамъ, такъ что пока все дѣло совершенно приостановилось.

Когда торговля дѣла съ самоѣдами у насъ были окончены, мы были приглашены однимъ изъ русскихъ на чай. Въ разговорѣ, между прочимъ, мнѣ сказали, что по ту сторону пролива находится холмъ, на которомъ самоѣды приносятъ своимъ богамъ жертвы, и нашъ хозяинъ предложилъ показать мнѣ туда дорогу. Кромѣ того онъ рассказывалъ, что самоѣды имѣютъ обыкновеніе по обѣщанію отправляться на поклоненіе въ подобныя сказанному мѣста, не смотря на то, что они считаются христіанами и ходятъ въ церковь. На вопросъ, какимъ образомъ это можетъ ввязаться съ ихъ шаманизмомъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что они считаютъ своихъ «болвановъ» за то же, за что у русскихъ считаются иконы, и самъ онъ, казалось, не былъ чуждъ вѣры въ могущество шаманскихъ божествъ.

Островъ Вайгачъ, около 70 километровъ въ длину и 40 вѣлл. въ ширину, представляетъ собою большею частью довольно ровную, къ морю весьма круто опускающуюся поверхность. Только на восточной его сторонѣ тянется, повидимому, земляная холмистая

цѣль, которая можетъ считаться самымъ сѣвернымъ отрогомъ сѣверо-западной отрасли уральскихъ горъ (Пай-Хой). На западной же сторонѣ его почва состоитъ изъ силурійскихъ известковыхъ и сланцевыхъ залежей, въ которыхъ часто во множествѣ находятся окаменѣлости. Равнина острова, относительно, довольно богата травами и считается хорошимъ пастбищемъ для оленей, почему самоѣды и пригоняютъ сюда весною по льду своихъ оленей на лѣтнее время; осенью оленей гонять обратно на материкъ, при чемъ имъ уже приходится переправляться черезъ заливъ вплавь, такъ какъ въ это время онъ бываетъ свободенъ отъ льдовъ. По видимому издавна островъ изобилывалъ мѣстами для жертвоприношеній, вѣроятно, благодаря тому, что онъ здѣсь не могли пострадать отъ нетерпимости иновѣрныхъ. Изображенія деревянныхъ истукановъ съ этихъ жертвенныхъ холмовъ встрѣчаются уже съ к. XV столѣтія въ описаніяхъ голландскихъ и англійскихъ путешественниковъ, и на старинныхъ голландскихъ и русскихъ картахъ многіе изъ мысовъ на островѣ обозначаются именемъ «Болванскій мысъ». Я, помнится, читалъ въ одномъ изъ старыхъ голландскихъ путешествій, что однажды самоѣды отняли своихъ божковъ у голландцевъ, взявшихъ было ихъ къ себѣ въ шлюпку съ одного изъ жертвенныхъ холмовъ. Мы также посѣтили въ 1875 г. на Ялмалѣ полюбный холмъ. Являясь послѣдними остатками нѣкогда у всѣхъ народовъ распространеннаго культа, эти холмы представляютъ столь большой интересъ въ этнографическомъ и психологическомъ отношеніи, что я не хотѣлъ упустить представившагося мнѣ здѣсь случая еще разъ посѣтить подобное же мѣсто съ знающимъ свое дѣло проводникомъ. Поэтому, 31-го, я совершилъ экскурсію къ вышеупомянутому жертвенному холму по ту сторону пролива, въ сопровожденіи д-ра Альмквиста, лейтенанта Говгарда, капитана Нильсона, съ «Фразера», и наконецъ того русскаго, который наканунѣ угощалъ насъ чаемъ. Наша прогулка была исполнена при самой великолѣпной погодѣ.

Жертвенный холмъ или курганъ находился на мысѣ, выдающемся съ острова Вайгача въ западное устье Югорскаго шара. Мысъ состоитъ изъ плоской возвышенности, известковаго образованія силурійской формаціи и лишь умѣренно покрытой хрящемъ и пескомъ; но тѣмъ не менѣе сказанный мысъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ году бываетъ изукрашенъ необычайнымъ богатствомъ цвѣтовъ разныхъ видовъ и оттѣнковъ. Со стороны моря плоская возвышенность образуетъ обрывистыя известковыя скалы.

которыя, растрескавшись отъ морозовъ и весеннихъ разливовъ, представляютъ красивые со сводами гроты. Самый обширный между послѣдними считается у самоѣдовъ священнымъ и первоначально около него былъ возведенъ самоѣдами и жертвенный холмъ; но лѣтъ тридцать тому назадъ послѣдній былъ разрушенъ однимъ ревностнымъ архимандритомъ, и теперь на этомъ очищенномъ водою и огнемъ мѣстѣ поставленъ греческій крестъ.

Далеко вокругъ креста по землѣ были разбросаны обломки костей жертвенныхъ животныхъ и до сихъ поръ между ними попадаются куски обожженного и заржавленнаго желѣза, принесенные на ряду съ охотничьей добычей въ жертву самоѣдскимъ богамъ. Креста самоѣды не тронули, но выбрали се ѣ по близости новое мѣсто для жертвоприношеній. На земляной насыпи, въ 3—4 фута вышиною, было воткнуто множество оленьихъ, еще плотно сидѣвшихъ въ лобной кости роговъ. Между ними мѣстами виднѣлись колья, на которыхъ торчали также олени рога, надѣтые посредствомъ четырехугольныхъ отверстій въ лобной кости. Тутъ же были во множествѣ сложены разнаго рода олени и медвѣжьи кости—въ томъ числѣ замѣчались черепъ и лапы недавно убитаго медвѣдя, рядомъ съ которыми лежали на камнѣ двѣ уже стрѣлянные пули, безъ сомнѣнїя тѣ самыя, которыми было убито животное. Сверхъ того, на мѣстѣ жертвоприношеній были разбросаны и другіе принесенные въ жертву богамъ предметы, какъ напр., старая дробь, старый обломанный топоръ, обломокъ особаго рода гармоники и т. п. На юго-западной сторонѣ острова въ огромномъ числѣ стояли небольшіе деревянные кумиры съ грубо сдѣланными на нихъ нарѣзками, обозначающими носъ, ротъ и глаза. Въ ближайшемъ разстоянїи виднѣлись остатки очага, у котораго совершается жертвенное пиршество. По рассказамъ русскихъ, при жертвоприношенїи принято угощать боговъ не только кровью приносимыхъ въ жертву животныхъ, но имъ вливаютъ въ ротъ также и водку, если ея имѣется достаточно въ запасѣ и когда желаютъ заслужить особенное ихъ благоволеніе.

Когда лейтенантъ Говгардъ срисовалъ жертвенный холмъ, мною было взято съ него нѣсколько оленьихъ роговъ, медвѣжьихъ череповъ, жертвенныхъ обломковъ желѣза, а также и кой-какіе изъ валявшихся на землѣ кумировъ; затѣмъ вся эта прекрасная добыча была заботливо упрятана въ мѣшокъ. Самый холмъ остался нетронутымъ и я думаю, что будущіе поклонники едва ли замѣтятъ, что кое-что изъ избыточной сокровищницы ихъ божковъ было намѣ-

ренно похищено. Хотя нашъ русскій проводникъ наканунѣ и выказывалъ себя большимъ скептикомъ по отношенію къ могуществу самоѣдскихъ боговъ и совѣтовалъ мнѣ захватить съ собою съ жертвеннаго кургана столько кумировъ, сколько мнѣ будетъ угодно, однакожъ теперь онъ обнаруживалъ нѣкоторую тревогу до тѣхъ поръ, пока я не исполнилъ его желанія, положивъ на холмѣ, между двухъ камней, въ видѣ примирительной жертвы богамъ, двѣ серебряныя монетки.

Замѣтно успокоенный этимъ, нашъ проводникъ повелъ меня теперь къ старинной самоѣдской могилѣ, находящейся на берегу небольшого озера, отдѣляемаго отъ моря узкимъ песчанымъ мысомъ. Я немедленно велѣлъ перенести черезъ мысъ небольшой, взятый нами съ собою, яликъ и поплылъ къ указанному мѣсту. Могила состояла изъ ящика или сруба, заботливо сложеннаго изъ балоковъ и прикрѣпленнаго къ землѣ посредствомъ кольевъ и перекладинъ. Передъ могилой стояли опрокинутыя самоѣдскія сани, а въ самой могилѣ находились, сверхъ скелета покойника, остатки его платья и въ полномъ составѣ сложенныя здѣсь тѣ изъ домашнихъ принадлежностей, которыя считаются у самоѣдовъ необходимыми на томъ свѣтѣ и т. п. Д-ръ Альквистъ собралъ, между тѣмъ, богатую жатву изъ почти неизвѣстной прежде флоры лишаевъ и богатой растительности явнотрачныхъ острова Вайгача. Кромѣ того, было опредѣлено положеніе наиболѣе замѣтныхъ мысовъ. Весьма довольный сдѣланными приобрѣтеніями, я вечеромъ вернулся въ Хабарову, при которой въ настоящее время всѣ наши корабли стоятъ на якорѣ.

На слѣдующее утро, 1 августа, наша маленькая эскадра снялась съ якоря и пустилась, подъ парами и парусами, въ восточномъ направленіи черезъ Югорскій шаръ, въ Карское море, которое оказалось совершенно свободнымъ отъ льдовъ. Погода стояла прекрасная; вѣтеръ большею частью дулъ слабо, такъ что «Фразеръ» вынужденъ былъ взять на буксиръ наше парусное судно «Экспрессъ», что нѣсколько замедлило плаваніе. Съ цѣлію по возможности наверстать время, упущенное какъ вслѣдствіе этого, такъ и по причинѣ измѣреній лотомъ и работъ съ неводомъ (дрекванія), четыре раза въ день производившихся съ «Веги» лейт. Паландеромъ, при содѣйствіи лейт. Бове и Брусевица, я поручилъ тремъ изъ участниковъ экспедиціи, д-ру Альквисту и лейт. Говгарду и Нордвисту отправиться на маленькой отличающейся скорымъ ходомъ «Лентъ»

впередъ, пристать къ берегу въ проливѣ, отдѣляющемъ Бѣлый островъ отъ Ямала и, проведши тамъ 36 часовъ съ цѣлью естественно-научныхъ изысканій, плыть далѣе къ гавани, гдѣ мы теперь стоимъ на якорѣ и которая назначалась сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ кораблей. Прочіе три корабля должны были слѣдовать заранѣе назначеннымъ курсомъ.

Долго представлялось вѣроятнымъ, что я буду имѣть возможность сообщить отсюда, что «мы прибыли къ Енисею, не встрѣтивъ ни одной льдины». Но находясь подъ градусомъ долготы Бѣлаго острова морское теченіе и вѣтеръ внезапно измѣнились такимъ образомъ, что легко было заключить по нимъ о близости льда. Дѣйствительно, вскорѣ намъ стали попадаться обширныя массы подвижнаго льда, который однакожь былъ столь хрупокъ и рыхлъ, что не составлялъ настоящаго препятствія для нашего плаванія. Болѣе неблагоприятнымъ оказался густой туманъ, помѣшавшій намъ точнѣе опредѣлить, при помощи наблюденій надъ солнцемъ, положеніе корабля въ мелководномъ фарватерѣ у Бѣлаго острова, вслѣдствіе чего происходили неоднократныя отклоненія въ слѣдованіи корабля, которыхъ иначе можно было бы избѣжать. Отъ времени до времени мы теряли своихъ товарищей вовсе изъ виду. Но едва мы вышли къ востоку отъ Бѣлаго острова, какъ море оказалось опять свободнымъ отъ льдовъ.

Въ это же время подулъ сильный вѣтеръ съ избыточными дождемъ и туманомъ, что значительно затрудняло насъ подойти къ твердой землѣ. Мы завидѣли ее 6 августа въ 3 часа утра, но вслѣдствіе густаго тумана лейт. Паландеръ счелъ неблагоприятнымъ немедленно же начать пробираться между многочисленными островами и утесами, которыми окружена настоящая гавань, доселѣ еще не нанесенная на картѣ, такъ что предварительно мы стали на якорь не въ ней, а у подвѣтренной стороны лежащаго впереди гавани острова. Въ то же время мы съ радостью замѣтили «Экспрессъ» и «Фразеръ», шедшихъ съ противоположной стороны по направленію къ мѣсту стоянки «Веги».

Послѣ того какъ, съ наступленіемъ дня, туманъ нѣсколько уменьшился и съ одной изъ корабельныхъ лодокъ были произведены необходимыя измѣренія лотомъ, всѣ три корабля были проведены между мелкими островками въ просторную гавань, которая, будучи со всѣхъ сторонъ какъ нельзя лучше защищена, и въ то же время открыта для доступа съ разныхъ направленій, образуется съ одной

стороны материкомъ, а съ другой многочисленными большей или меньшей величины утесистыми островами. Относительно природныхъ своихъ свойствъ эта гавань не оставляетъ желать ничего лучшаго, конечно, за исключеніемъ климата. Можно навѣрное предположить, что этому мѣсту, которое въ 1875 г. впервые было посѣщено настоящимъ мореходнымъ судномъ и получило названіе «Диксоновой гавани», суждено сдѣлаться въ будущемъ главнымъ пунктомъ при экспортѣ произведеній Сибири, и уже во всякомъ случаѣ должно ему отдать предпочтеніе въ смыслѣ гавани передъ другими якорными мѣстами, лежащими далѣе вверхъ по теченію рѣки.

Въ геологическомъ отношеніи мѣстность здѣсь довольно однообразна, такъ какъ всѣ утесы состоятъ изъ одной, плутоническаго происхожденія, горной породы, подобной столь часто встрѣчающейся на Шпицбергенѣ. Также скудна и животная жизнь въ здѣшней водѣ, вслѣдствіе незначительной солоноватости послѣдней. Напротивъ, для ботаниковъ, какъ я надѣюсь, здѣсь отыщется богатая жатва. Равнины и долины между скалами покрыты богатою растительностью явнотрачныхъ, носящую на себѣ уже отпечатокъ сибирской природы; даже самые утесы одѣты здѣсь въ изобиліи лишаями,—растительная группа, до сихъ поръ едва привлекающая на себя вниманіе изслѣдователей по сѣверному побережью Азіи и которая для шведскихъ натуралистовъ представляетъ особенный интересъ въ виду сравненія съ столь основательно изслѣдованной растительностью лишаевъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ Гренландіи и на Шпицбергенѣ. Вслѣдъ за нашимъ прибытіемъ сюда лейт. Паландеръ застрѣлилъ большаго и весьма жирнаго бѣлаго медвѣдя, и затѣмъ въ теченіи дня ихъ было убито еще два. На окружающихъ насъ полянахъ паслось множество дикихъ сѣверныхъ оленей, но наши стрѣлки на охотѣ за ними пока еще не имѣли большаго успѣха. Царство птицъ здѣсь далеко отстало отъ того богатства, какое мы привыкли встрѣчать въ другихъ полярныхъ странахъ.

Сейчасъ я слышалъ крикъ съ палубы: „«Лена» идетъ!“, такъ что черезъ нѣсколько минутъ опять всѣ наши корабли соберутся въ одно мѣсто, но уже завтра насъ оставятъ «Фразеръ» и «Экспрессъ» и отправятся къ ихъ мѣсту назначенія, на извѣстномъ разстояніи вверхъ по теченію рѣки; затѣмъ и «Вега» съ «Леной» должны будутъ готовиться къ отплытію. Впрочемъ, отбѣздъ отсюда я думаю отложить до утра субботы, чтобы дать возможность и время лейт. Бове сдѣлать съемку гавани, а нашимъ натуралистамъ совершить

еще нѣсколько экскурсій. Изъ за этого время не будетъ упущено, такъ какъ едвали море у сѣверныхъ береговъ Азіи можетъ быть свободно отъ льдовъ раньше конца мѣсяца.—Итакъ черезъ нѣсколько дней разрѣшится спорный вопросъ—можно или нѣтъ въ этомъ же году пройти Челюскинъ мысъ. Я продолжаю питать наилучшія надежды, подкрѣпляемыя къ тому же совершеннымъ отсутствіемъ льда на окружающемъ насъ морѣ. Но ледъ составляетъ силу, не поддающуюся вычисленію, и въ случаѣ если она окажется слишкомъ враждебною намъ, то я постараюсь устроить, чтобы экспедиція этого года, по отношенію къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ посѣщенныхъ ею странахъ, ничѣмъ не уступала прежнимъ шведскимъ изысканіямъ на крайнемъ сѣверѣ, какъ бы тамъ ни сложились обстоятельства относительно ея главной цѣли.

Съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью

А. Е. Норденшльдъ.

II.

На пароходъ „Вега“, восточнѣ миса
Челюскина, 20-го августа 1878 г.

Высокоуважаемый г. Диксонъ!

Мы только что прошли мысъ Челюскина. По видимому ледъ не помѣшаетъ дальнѣйшему плаванію, по крайней мѣрѣ, до устья Лены. Тамъ «Вега» расстанется съ своимъ вѣрнымъ до сихъ поръ товарищемъ, пароходомъ «Леной», который пойдетъ вверхъ по рѣкѣ до города Якутска. Поэтому я надѣюсь черезъ нѣсколько дней послать вамъ черезъ Якутскъ и Иркутскъ описаніе нашего плаванія отъ гавани Диксона до настоящаго мѣста. Описаніе мое съ полнѣйшимъ удовольствіемъ начинаю словами: все хорошо, на сколько возможно.

По уходѣ «Фразера» и «Экспресса» утромъ, 9-го августа, къ зимовью, расположенному немного вверхъ по рѣкѣ, я рѣшилъ остаться съ «Вегой» въ гавани Диксона еще на одни сутки, чтобы доставить лейтенанту Бове возможность окончить съемку отличнаго, со всѣхъ сторонъ закрытаго и, поэтому, важнаго въ будущемъ якорнаго мѣста. Такимъ образомъ «Вега» и «Лена» снялись съ якоря лишь 10-го августа утромъ. Курсъ проложили на самые западные изъ острововъ Каменныхъ, лежащихъ впереди входной губы р. Пязины. Небо было облачное; температура воздуха достигала $+10^{\circ},4$ Ц.; температура воды сначала $+10^{\circ}$, потомъ $+8^{\circ}$; соленость воды незначительная. Въ теченіи всего дня не видѣли вовсе льда. Пользуясь хорошимъ юго-восточнымъ вѣтромъ, «Вега» имѣла возможность начать плаваніе подъ всѣми парусами. Съ теченіемъ дня море однако начало покрываться туманомъ. Это заставило насъ идти впередъ съ большою осторожностью, тѣмъ болѣе, что въ те-

ченіи дня мы прошли мимо множества мелких острововъ, которые не нанесены на картѣ.

Хорошая погода и отсутствіе льда на морѣ сопровождало наше плаваніе и на слѣдующій день. Но туманъ становился столь густымъ, что уже утромъ намъ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ около одного изъ встрѣчныхъ небольшихъ островковъ. Островокъ состоялъ изъ низкой гнейсовой скалы, весьма скудно покрытой землею, которая была частью совершенно голая, частью покрыта крайне бѣдною растительностью, состоявшею изъ сморщенныхъ мховъ и явнотрачныхъ. За то господствующая въ этихъ мѣстахъ въ лѣтнее время сырая погода вызвала на камняхъ и горныхъ склонахъ роскошную лишайную растительность, которая дала богатую жатву доктору Альмквисту.

Морская вода имѣла ничтожную соленость, по крайней мѣрѣ, на поверхности, и поэтому замѣчено почти полное отсутствіе водорослей, но за то со дна моря, помощью драги, достали для зоологовъ довольно большое количество чисто морскихъ формъ.

Послѣ полудня (11-го августа) погода нѣсколько прояснилась, такъ что мы могли продолжать дальнѣйшее плаваніе. Стали попадаться тутъ и тамъ куски льда, а ночью количество льда увеличилось въ значительной степени, однако не на столько, чтобы онъ могъ вліять невыгодно на плаваніе. Скорѣе ледъ даже помогалъ, потому что онъ устранялъ всякій слѣдъ волненія, — обстоятельство, которое было особенно благоприятно для изслѣдованій температуры воды на различныхъ глубинахъ и добыванія образчиковъ грунта, которыя производились съ судна ежедневно по два раза.

Ледъ состоялъ почти исключительно изъ прибрежнаго льда, до такой степени проточеннаго, что онъ скорѣе походилъ на сплоченное сало, чѣмъ на настоящій ледъ. Ясно было, что черезъ нѣсколько дней этотъ ледъ совершенно исчезнетъ. Несмотря на спускавшійся по временамъ на воду такой густой туманъ, что пароходамъ приходилось показывать свои мѣста помощью паровыхъ свистковъ, мы продолжали наше плаваніе къ сѣверо-востоку, по неизвѣстному пути, наполненному островами и, вѣроятно, также подводными мелями; подчасъ, когда туманъ дѣлался слишкомъ густымъ, мы останавливались около какой нибудь обмелѣвшей льдины, болѣе значительнаго ледянаго поля или котораго нибудь изъ большихъ или малыхъ острововъ, образующихъ шхеры вдоль морскаго берега между гаванью Диксона и мысомъ Челюскина. Что мы на

этомъ пути ни разу не стали на мель, служить прекраснымъ доказательствомъ того искусства, съ которымъ лейтенантъ Паландеръ управлялъ судномъ, и того вниманія, съ которымъ стояли вахту его помощники, лейтенанты Брусевицъ и Говгардъ.

По немногу соленость воды стала увеличиваться, и ея температура—падать. Одновременно было замѣчено и увеличеніе богатствъ органической жизни дна, такъ что, напримѣръ: докторъ Стуксбергъ, въ ночь съ 13-го на 14 августа, когда пароходъ стоялъ ошвартовавшись около льдины, досталъ драгою множество роскошныхъ, чисто океанскихъ типовъ, такъ напримѣръ; большіе экземпляры замѣчательной *crinoidea* *Alecto Eschrichtii*, множество морскихъ звѣздъ (*Asterias Linckii* и *panopla*), *rusnogonidea*, и т. п. Доктору Кіельману также начинали попадаться ближе къ берегу различныя морскія водоросли значительной величины. Напротивъ, высшая растительная и животная жизнь на берегу еще такъ бѣдна, что прибрежье образуетъ здѣсь совершенную пустыню въ сравненіи съ скалистыми берегами Шпицбергена и западной части Новой Земли. Морскіе попугаи, чегравы и т. п. птицы, которыя встрѣчаются тысячами около Шпицбергена, здѣсь совсѣмъ отсутствуютъ. *Lestris*, которыхъ пискъ и крикъ о пищѣ постоянно оглашаетъ воздухъ около Шпицбергена, встрѣчаются здѣсь довольно рѣдко, и, кажется, будто онѣ здѣсь гораздо меньше ссорятся. Только свѣжные воробьи, шесть или семь видовъ болотной птицы и нѣсколько видовъ гусей попадаютъ на берегу въ относительно большемъ количествѣ. Если къ этому прибавить одну, другую куропатку, одну горную сову (*Strix noctea*) и одинъ видъ кречета, то всѣ пернатая животныя края будутъ перечислены, по крайней мѣрѣ, насколько мы могли разобрать ихъ. Изъ теплокровныхъ животныхъ въ близъ лежащемъ морѣ намъ попались только два моржа, нѣсколько экземпляровъ *Phoca barbata* и куча *Ph. hispida*. Рыба же встрѣчается здѣсь дѣйствительно въ очень большомъ количествѣ.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной особенно замѣчательной находкѣ. Въ то время, когда пароходъ былъ ошвартовленъ около одной изъ немногочисленныхъ плавающихъ льдинъ, которая оказалась достаточно большою и крѣпкою, чтобы выдержать на себѣ до десяти человѣкъ, я спустился вмѣстѣ съ поручикомъ Нордквистомъ на льдину, чтобы посмотрѣть, не найдется ли на ней какого нибудь признака той замѣчательной пыли космическаго происхожденія, какову я видѣлъ въ 1872 году на льду около сѣвернаго

берега Шпицбергена. Но ничего подобнаго я не нашель. За то ручицъ Норджвистъ обратилъ мое вниманіе на нѣсколько желтыхъ пятенъ на снѣгу; полагая, что пятна происходятъ отъ какого нибудь изъ diatomaceae, я просилъ моего спутника собрать ихъ и отдать на изслѣдованіе одному изъ ботаниковъ нашей экспедиціи. Произведенное изслѣдованіе показало, однако, что мы имѣли дѣло не съ какимъ нибудь органическимъ веществомъ, а что это былъ крупнозернистый песокъ, который состоялъ исключительно изъ весьма красиво сформировавшихся кристалловъ, въ поперечномъ разрѣзѣ до нѣсколькихъ миллиметровъ. Я не имѣлъ еще времени и случая изслѣдовать ихъ, но какъ опытный минералогъ могу сказать, что этотъ песокъ не есть какой нибудь обыкновенный земной минералъ, а быть можетъ представляетъ вещество, выкристаллизованное изъ морской воды подъ вліяніемъ сильныхъ зимнихъ морозовъ.

Съ 14-го по 18 августа, въ ожиданіи ясной погоды, мы стояли на якорѣ въ прекрасной гавани, образуемой въ проливѣ между Таймырскимъ островомъ и материкомъ. Гавань эту я назвалъ гаванью Актиній, по случаю того, что со дна добыли очень большое количество моллюсковъ, называемыхъ actinia.

Земля была безъ снѣга и покрыта сѣро-зеленою растительностью, состоящею изъ густой смѣси различныхъ видовъ травы, мховъ и лишайныхъ. Число видовъ явнотрачныхъ растений было крайне ограниченное; за то было достаточное обиліе мховъ и въ особенности лишайныхъ растений. Все это вмѣстѣ представляетъ гораздо лучшій кормъ для оленей, чѣмъ каковой имѣется въ богатыхъ оленями долинахъ—въ Бельзундѣ, Исфьордѣ и Стурфьордѣ на Шпицбергенѣ. Едва ли русскіе промышленники посѣщали эти мѣста въ теченіи послѣдняго столѣтія, и все-таки мы видѣли тутъ лишь нѣсколько оленей, къ сожалѣнію, слишкомъ боязливыхъ для нашихъ ретивыхъ охотниковъ. Капитанъ Іоганнесенъ, кажется, совершенно вѣрно приписывалъ это обстоятельство присутствію по близости волковъ. Онъ говорилъ, что даже видѣлъ волчій слѣдъ п одного оленя, недавно затравленнаго волками.

На имѣющей у насъ паровой шлюпкѣ лейтенантъ Паландеръ, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Говгардомъ, ходилъ нѣсколько разъ для изслѣдованія пролива, который отдѣляетъ островъ Таймыръ отъ материка. Проливъ этотъ оказался слишкомъ мелкимъ и засореннымъ, а направляющееся къ западу теченіе слишкомъ сильнымъ

для того, чтобы пароходъ «Вега» могъ съ увѣренностью идти этимъ путемъ къ Таймырскому заливу. Но за то, если у мыса Челюскина нельзя будетъ устроить станцію для наблюдений, то я могу рекомендовать гавань Актиній, какъ мѣсто для метеорологическихъ наблюдений, каковыя, по предложенію Вейнпрехта, слѣдуетъ производить одновременно во многихъ мѣстахъ отдаленнаго сѣвера. Дѣйствительно, гавань представляетъ со всѣхъ сторонъ закрытую бухту и хорошее якорное мѣсто.

Стоявшій туманъ еще не расходился. Тѣмъ не менѣе «Вега» и «Лена» снялись опять съ якоря 18-го августа, чтобы продолжать свой путь до мыса Челюскина. Опытность, которую мы въ послѣдствіи приобрѣли относительно обстоятельствъ погоды въ этихъ мѣстностяхъ, показала, что мы поступили хорошо; весьма вѣроятно, что пришлось бы ждать ясной погоды до тѣхъ поръ, когда море снова покрылось бы льдомъ.

Мы пошли подъ парами вдоль западнаго берега Таймырскаго острова. Онъ окруженъ множествомъ островковъ, которые не показаны на картѣ, и, вѣроятно, самъ дѣлится проливами на нѣсколько частей. Вообще же кажется, что сѣверная оконечность острова Таймыра не выдается такъ далеко къ сѣверу, какъ это обозначено на картѣ. Ледъ мы встрѣтили лишь въ небольшомъ количествѣ и то только прибрежный, до такой степени проточенный, что, казалось, не было ни одной льдины достаточно крѣпкой, чтобы поднять двухъ человѣкъ. Весь этотъ ледъ долженъ скоро растаять. Самый Таймырскій заливъ былъ почти совсѣмъ чистъ отъ льда. Проходя по заливу, намъ пришлось испытать даже лежучую зыбь.

19-го августа мы продолжали идти подъ парами и парусами вдоль берега полуострова Челюскина; туманъ продолжалъ быть очень густымъ, и только изрѣдка прочищался на столько, что можно было различать контуръ берега. Днемъ мы прошли мимо обширнаго поля неразломаннаго льда, который занималъ бухту на западной сторонѣ полуострова Челюскина. Въ туманѣ, и благодаря миражу, происходившему отъ преломленія лучей у горизонта, ледъ казался крупнымъ и высокимъ, но когда мы подходили къ сѣверо-восточной окраинѣ льда, то обнаружилось, что и этотъ неподвижный ледъ былъ также проточенъ, какъ и тѣ подвижныя ледяныя массы, которыя по временамъ попадались намъ въ морѣ.

Туманъ мѣшалъ намъ видѣть далеко, и я уже начиналъ опасаться, что самый сѣверный мысъ Азии будетъ такъ окруженъ, что

намъ не придется высадиться на него. Но скоро опять показался къ сѣверо-востоку мысъ, свободный отъ льда. Тутъ же была небольшая, свободная отъ льда бухта, въ которую входъ былъ съ сѣвера. Здѣсь мы бросили якорь въ 6 часовъ вечера 19-го августа, причемъ салютовали флагомъ и выстрѣломъ изъ одной изъ пушекъ, находящихся на пароходѣ «Вега».

Мы достигли первой цѣли нашего плаванія—самой сѣверной оконечности стараго свѣта.

Воздухъ прочистился и передъ нами находился мысъ, освѣщенный солнечными лучами и свободный отъ снѣга. Подобно тому какъ въ 1875 году, у Енисея, насъ встрѣтилъ здѣсь большой полярный медвѣдь, котораго мы замѣтили прежде, чѣмъ якорь былъ брошенъ въ воду. Медвѣдь прогуливался взадъ и впередъ по берегу, по временамъ взглядывалъ и понюхивалъ на заливъ, вѣроятно съ цѣлью узнать, какіе непрошенные гости приближались къ мѣсту, гдѣ онъ до сего времени хозяйничалъ безъ всякаго соперничества. Испуганный салютомъ, онъ, однако, скоро далъ тягу и тѣмъ избѣгнувъ пули нашихъ охотниковъ.

Для опредѣленія астрономическаго пункта на этомъ важномъ мѣстѣ, а также для предоставленія возможности нашимъ зоологамъ и ботаникамъ сдѣлать нѣсколько экскурсій, я рѣшилъ остаться на якорѣ до слѣдующаго дня.

Мысъ Челюскинъ представляетъ низменную оконечность, раздѣленную на двѣ части тѣмъ заливомъ, въ которомъ пароходы стали на якорь. Горная возвышенность съ медленно спускающимися склонами тянется отъ восточнаго берега параллельно береговой линіи къ югу. По приблизительному вычисленію, сдѣланному на основаніи астрономическихъ наблюденій и триангуляціи, западный мысъ расположенъ въ широтѣ, $77^{\circ}36'37''$ сѣв. и въ долготѣ $103^{\circ}25',5$ восточной отъ Гринвича; восточный же мысъ находится нѣсколько сѣвернѣе, а именно въ широтѣ $77^{\circ}41'$ сѣв. и долготѣ $104^{\circ}1'$ восточной. Внутрь страны горная возвышенность, по видимому, медленно поднимается до высоты 1000 футъ. Какъ эта возвышенность, такъ и равнина были почти свободны отъ снѣга. Только кое гдѣ виднѣлись большія, бѣлыя снѣжныя поля въ углубленіяхъ горныхъ склоновъ или въ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ, узкихъ трещинахъ равнины. У самаго берега ледъ, однако, оставался еще въ большинствѣ мѣстъ. Почва на равнинѣ состоитъ изъ глиняныхъ пластовъ, которые частью почти голы и растресканы на болѣе или

менѣ правильные шестиугольники, частью покрыты травой, мхомъ или лишайными, образующими растительность, подобную той, какую мы встрѣчали въ предшествовавшіе дни. Горная порода не была однако гранитомъ; то были вертикально расположенные, неокаме- нѣлые пласты плитняка, богатые кристаллами сѣрнаго колчедана. На крайнемъ мыскѣ пласты плитняка перекрещивались огромными полосами кварца. Изъ числа явнотрачныхъ докторъ Кіельманъ могъ отыскать только 24 вида, большая часть которыхъ отлича- лась замѣчательною склонностью образовывать плотныя, полушар- ные кочки. Даже лишайная растительность, по мнѣнію доктора Альквиста, была однообразна, хотя отлично развита. Казалось будто растительность полуострова Челюскина старалась двигаться далѣе къ сѣверу, и только встрѣтивъ море, остановилась на са- момъ крайнемъ мыскѣ. Дѣйствительно, здѣсь, на весьма небольшомъ пространствѣ, можно было найти почти всѣ виды растений, какъ явнотрачныхъ, такъ и тайнотрачныхъ, какія существуютъ на полу- островѣ, и многіе изъ этихъ видовъ было бы напрасно искать да- лѣе вверхъ по равнинѣ.

Животная жизнь полуострова соперничала съ высшею раститель- ною жизнью въ бѣдности. Изъ числа птицъ мы видѣли массу пла- вунчиковъ, нѣсколько видовъ турухтана, одну гагару, чрезвычайно многочисленную стаю *Anser bernicla*, нѣсколько гагъ и остатки одной горной совы. На смѣжномъ морѣ, которое было свободно отъ льда, если не считать нѣсколько случайно движущихся кусковъ его, можно было видѣть только одного моржа, два стада бѣлугъ (*Delphi- narcterus leucas*) и нѣсколько небольшихъ тюленей (*Phoca hispida*); вообще было ясно, что это море крайне бѣдно теплокровными жи- вотными. Но за то драга доставала со дна много и довольно большихъ водорослей (*Laminaria Agardhi* и др.) и множество высшихъ живот- ныхъ, между которыми были очень большіе экземпляры *Idothea entomon*, одинъ видъ *isopoda*, который также встрѣчается въ Бал- тійскомъ морѣ и въ нашихъ большихъ озерахъ, и который счи- тается какъ бы доказательствомъ существовавшаго сообщенія между озерами и Ледовитымъ моремъ во время ледниковаго періода.

Сборъ водорослей обратилъ на себя тѣмъ большее вниманіе, что онъ представлялъ новое доказательство относительно несправед- ливости долго господствовавшаго мнѣнія, будто бы Сибирское Ле- довитое море не содержитъ въ себѣ вовсе высшихъ водорослей.

На пути между мысом Челюскина и р. Оленекъ, 21—26-го августа.

Когда «Вега», около полдня 20-го августа, снялась съ якоря, то море въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ самою сѣвѣрною оконечностью Азіи было на столько чисто отъ льда, что я надѣялся на дальнѣйшій свободный путь не только вдоль берега, который не подалеку отъ мыса Челюскина загибается къ югу, но и прямо на востокъ, по направленію къ Ново-Сибирскимъ островамъ. Поэтому, и согласно программѣ плаванія экспедиціи, курсъ былъ взятъ на истинный румбъ OtS , между прочимъ, въ надеждѣ встрѣтить на этомъ пути западное продолженіе группы острововъ Новой Сибири.

20-го и 21-го августа мы шли подъ парами въ упомянутомъ направленіи, среди плавающего льда, который продолжалъ быть очень разсѣяннымъ, но образовывалъ болѣе обширныя и крупныя поля, чѣмъ встрѣчавшіяся намъ раньше. Къ сожалѣнію плаваніе затруднялось такимъ густымъ туманомъ, что ледяныя поля и льдины можно было видѣть только въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пароходами. Поэтому оказалось не возможнымъ составить себѣ какое нибудь понятіе объ общемъ положеніи и распространеніи льдовъ.

Пройдя въ ночь на 22-е число сквозь довольно плотное ледяное поле, мы уже днемъ не могли идти далѣе въ восточномъ направленіи. Курсъ проложили нѣсколько южнѣе, но и тутъ намъ скоро помѣшали льды, покрайней мѣрѣ на сколько можно было судить въ такомъ густомъ туманѣ. Чтобы выждать болѣе ясной погоды, мы около полдня остановились у одной большой льдины. Съ нѣкотораго разстоянія эта льдина казалась большою и крѣпкою; но когда мы подошли къ ней, то выяснилось, что она сильно проточена и въ скоромъ времени должна совершенно растаять. Чуть не много прояснило, мы пошли далѣе, но опять таки не на долго—пришлось бросить ледяныя якоря и придержаться у другаго ледянаго поля. Иначе можно было опасаться, что мы до такой степени запутаемся въ лабиринтѣ льдовъ, что шведскую экспедицію постигнетъ участь, одинаковая съ австро-венгерскою экспедиціею шесть лѣтъ тому назадъ.

Рано утромъ 23-го августа воздухъ немного прочистился. Ледяные якоря, которыми мы задерживались, были взяты на суда, и мы начали двигаться между ледяными полями, чтобы отыскать свободный проходъ. Но несмотря на большую слабость окружающихъ насъ льдовъ, ясно свидѣтельствовавшую о близости границы плавающихъ льдовъ, мы не могли отыскать свободного пути ни къ востоку, ни къ югу, до такой степени опять увеличилась густота тумана.

Чтобы однако выйти, намъ оставалось искать въ сѣверномъ или сѣверо-западномъ направленіи того прохода, по которому мы вошли въ окружающіе насъ льды. На это ушелъ почти цѣлый день, такъ что мы очутились на свободѣ только 23-го августа, въ 6¹/₂ часовъ вечера. Глубина, которая во время нашего рысканія во льдахъ измѣнялась отъ 33 до 35 сажень, стала теперь уменьшаться, что служило признакомъ близости берега. Мы дѣйствительно и увидѣли его въ 2 ч. 45 м. послѣ полудня.

То была сѣверо-восточная оконечность восточной части Таймырскаго полуострова, находившаяся приблизительно въ широтѣ 76°30' сѣв. и долготѣ 113° восточной отъ Гринича. На разстояніи около 15—16 миль отъ берега, море было совершенно свободно отъ льдовъ. Въ 6 миляхъ отъ берега глубина измѣнялась отъ 6 до 12 сажень.

Воздухъ прояснился. Сѣверо-западной вѣтерокъ легко гналъ судно, безъ помощи пара, по совершенно покойному морю. Вскорѣ очертанія берега стали возвышаться; обозначились своеобразной пирамидально-конической формы берега, подобные тѣмъ, которыми отличается восточный берегъ Енисея между Мезенкиной и Яковлевой. Красивыя горы, вышиною не менѣе 2,000 и 3,000 футъ, показались не вдалекѣ отъ берега. Подобно береговой полосѣ, склоны, возвышенности и верхушки горъ были вполнѣ свободны отъ снѣга; только изрѣдка видѣлись незначительныя массы льда, сосредоточенныя въ горныхъ расщелинахъ. Казалось, что существуютъ и небольшіе глетчеры, но они оканчивались приблизительно на высотѣ отъ 800 до 1,000 футъ выше уровня моря.

Органическая жизнь начинаетъ быть очень богатою. Еще когда мы стояли ошвартовавшись у ледянаго поля, докторъ Стуксбергъ досталъ помощью сѣти, съ глубины 35 сажень, неожиданно большое количество роскошныхъ формъ морскихъ животныхъ, между ними

три экземпляра *crinoideae* на стебелькахъ, молодые, по видимому, образчики *Alecto Eschrichtii*, которые попадались во множествѣ и взрослыми экземплярами, массы морскихъ звѣздъ (напр. *Solaster papposus*, *endeca*, *furcifer*, *Pteraster militaris*, *Asterophyton eucnemis*); затѣмъ были вообще крайне рѣдкіе экземпляры *Molpadia borealis*, двѣ каракатицы, одинъ колоссальный *Pycnogonid* въ 180 миллиметровъ въ поперечномъ разрѣзѣ и т. д. Не менѣе богата, хотя частію въ другихъ формахъ, была низшая органическая жизнь на меньшихъ глубинахъ.

Всѣ попадающіяся здѣсь животныя ясно представляютъ чистыя формы Ледовитаго моря, безъ всякой примѣси формъ южныхъ; какъ это, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто въ фаунѣ около Шпицбергена. Поэтому коллекціи ихъ будутъ имѣть большое научное значеніе для тѣхъ изслѣдованій, которыя съ давнихъ поръ производились сѣверными естествоиспытателями касательно попадающихъ около нашихъ береговъ живыхъ и ископаемыхъ животныхъ формъ ледниковаго періода, и которыя затрагиваютъ вопросы, имѣющіе большое значеніе для знакомства съ послѣднею эпохою исторіи земнаго шара.

Часто съ судна нельзя было видѣть никакихъ слѣдовъ льда. Подобно тому, какъ мы прежде встрѣчали землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на картахъ показано море, мы теперь, какъ видно на прилагаемой картѣ, проходили по мѣстностямъ, которыя на картахъ обозначены берегами.

Въ 11 часовъ утра, 24-го августа, мы увидѣли берегъ передъ носомъ съ лѣвой стороны. Это, видимо, былъ тотъ островъ, который, подъ именемъ острова Преображенія, нанесенъ на картахъ у входа въ заливъ Хатанга. Онъ однако расположенъ на четыре градуса по долготѣ, т. е. болѣе чѣмъ на 40 миль, къ западу, сравнительно съ положеніемъ его на картѣ.

Когда мы подошли ближе, берегъ острова обнаружилъ утѣсы, состоящіе изъ горизонтальныхъ пластовъ, въ которыхъ я надѣялся найти окаменѣлости. Частію поэтому, частію для того, чтобы доставить гг. Кіельману и Альмквисту случай совершить береговую экскурсію въ этой, до сего времени не посѣщенной ни однимъ ученымъ мѣстности, я приказалъ пароходамъ стать на нѣсколько часовъ на якорь около означеннаго берега.

Сѣверо-восточный утѣсъ, согласно опредѣленію лейтенанта Норквиста, оказался въ 300 футъ вышины; эта окраина острова слу-

жить пристанищемъ весьмааго числа морскихъ молузовъ и *Larus tridactylus*; когда же бросили якорь, то увидѣли внизу, на сагошь берегу двухъ медвѣдей, которые въ короткое время были убиты, одинъ лейтенантомъ Брусевицемъ, другой капитаномъ Югантесеномъ. Обросшіе травой южные склоны острова были покрыты весьма роскошною полярною растительностью и поэтому представляли богатую жатву нашимъ ботаникамъ. Кроме морскихъ молузовъ и вышеупомянутыхъ *Larus tridactylus*, видѣли нѣсколько горныхъ совъ и другихъ птицъ. Изъ насекомыхъ были собраны одинъ видъ *Staphylinus*, три экземпляра одного вида *Chrysomela*; а также нѣсколько штукъ *diptera*, *rodura* и *arachnida*. Моя же надежда найти окаменѣлости въ известковыхъ пластахъ оказалась, напротивъ обманутою. Нашли только одинъ белемнитъ, показывающій, что островъ состоитъ изъ тѣхъ же напластованій вторичнаго періода, какія образуютъ обширныя части равнинъ сѣверо-западной Сибири.

Гори нетерпѣиємъ продолжать дальнѣйшее плаваніе, мы снялись съ якоря въ 10 часовъ вечера. Теперь мы находимся въ широтѣ 73—74° сѣв.; и ночи начинаютъ становиться темными, что побуждаетъ лейтенанта Паландера къ большой осторожности въ управленіи судномъ, особенно въ виду того, что берегъ неясно нанесенъ на картѣ и смежное море такъ мелко, что при послѣдующемъ переходѣ до устья Лены мы встрѣчали глубины только отъ 5 до 8 сажень. За то уже съ вечера 23-го насъ сопровождала отличная погода и море было совершенно чисто отъ льдовъ.

Судя по опыту, добытому нами въ теченіи этихъ дней, надо полагать, что сѣверный берегъ Сибири въ повдѣнную часть гѣта не болѣе затрудненъ льдами, чѣмъ напримѣръ Бѣлое море въ серединѣ гѣта. Причину этого, какъ я уже указывалъ въ програмѣ плаванія, надо искать въ той массѣ теплой воды, которая гѣтомъ выносятся большими сибирскими рѣками въ море. Эти обстоятельства еще ближе выяснились произведенными во время экспедиціи гидрографическими изслѣдованіями.

Независимо отъ измѣренія температуръ воды около ея поверхности, которая производилась въ связи съ обыкновенными метеорологическими наблюденіями по шести разъ въ сутки, мы опредѣляли ежедневно, отъ двухъ до трехъ разъ, температуру воды и ея соленость на различныхъ глубинахъ. При этихъ изслѣдованіяхъ, производившихся по преимуществу гг. Паландеромъ и Бове, употреблялся водоподъемный аппаратъ (батометръ) профессора Экмана,

на котором изолируется влияние окружающего тепла. Аппарат этого работает очень хорошо, но крайней мѣрѣ на тѣхъ небольшихъ глубинахъ, на которыхъ намъ удалось испытать его. Результаты были следующие:

Если глубина достигаетъ не менѣе 30 метровъ, то температура колеблется на днѣ отъ $1^{\circ},0$ до $-1^{\circ},4$ Ц. Въ этихъ мѣстахъ удѣльный вѣсъ воды доходилъ до 1,026—1,027, что соответствуетъ содержанию соли немного меньшему противъ воды Атлантическаго океана. На поверхности же воды температура была, напротивъ, крайне разнообразна. Такъ, напримѣръ, $+10^{\circ}$ у гавани Диксона, $+5^{\circ},4$ нѣсколько южнѣ Таймырскаго пролива, $+0^{\circ},8$ среди плавающихъ льдовъ тотчасъ противъ того же пролива, $+3^{\circ},0$ противъ Таймырскаго залива, $-0^{\circ},1$ у мыса Челюскина, $+4^{\circ},0$ противъ залива Хатанга, $+1^{\circ},2$ до $+5^{\circ},8$ между заливомъ Хатанга и Леной. Удѣльный вѣсъ поверхностной воды въ широкой полосѣ вдоль берега ни разу не превышалъ 1,023, часто доходилъ только до 1,01 или даже того менѣе. Последнее число соответствуетъ смѣси приблизительно изъ одной части морской воды и двухъ частей рѣчной. Эти числа неопровержимо доказываютъ, что теплое и мало соленое поверхностное теченіе изъ устьевъ Оби и Енисея идетъ сначала вдоль берега къ сѣверо-востоку и затѣмъ, подъ влияніемъ вращенія земли, склоняется далѣе къ востоку. Другія однородныя теченія образуются Хатангою, Анабаромъ, Оленекомъ, Леной, Яной, Индигиркой и Колымой, которыя всѣ наливають, во время жаркаго сибирскаго лѣта, болѣе или менѣе нагрѣтую воду въ Ледовитое море и тѣмъ содѣйствуютъ освобожденію этого моря, по близости береговъ, почти вовсе отъ льдовъ. Такимъ образомъ это обстоятельство было мною обсуждено вѣрно, когда я составлялъ планъ настоящей экспедиціи.

До сихъ поръ все совершалось согласно едѣннымъ раньше предположеніямъ. Желательно, чтобы расчеты сбывались и впредь, чтобы я еще нынѣшнею осенью получилъ возможность прислать въ Швецію телеграмму изъ какого нибудь порта въ Тихомъ океанѣ.

Всѣ участники экспедиціи оживлены этою великою цѣлью и стараются, каждый на своемъ мѣстѣ, содѣйствовать ея осуществленію.

Съ полнымъ уваженіемъ и признательностью

А. Е. Норденшѣльдъ.

11 миль сѣвернѣ устья Лены,
27-го августа 1878 года.

P. S. Мое первоначальное желаніе было стать на якорь у устья Лены. Но попутный вѣтеръ и свободное отъ льдовъ море представляютъ такое прекрасное удобство для продолженія плаванія, что я не считаю себя въ правѣ упустить его. Поэтому мы расходимся съ «*Леной*» въ ночь съ 27-го на 28-го августа; отсюда идемъ прямо на островъ Фаддеева, гдѣ я разполагаю остановиться на нѣсколько дней. Оттуда будемъ продолжать путь прямо къ Берингову проливу и въ Японію. Надежды на успѣхъ самыя лучшія. Все благополучно на пароходѣ. Судно въ отличномъ состояніи. Запасъ угля достаточный.

А. Е. Н.

III.

На корабль „Вега“ затертомъ льдами близъ береговъ Сибири, въ недалекомъ разстояніи отъ Берингова пролива, подъ 67°,6' сѣверной широты, 183°15' долготы, на западъ отъ Тринвича. 25 ноября (18 ноября) 1878 г.

Милостивый Государь!

Полагая, что въ теченіе зимы представится случай отправить письмо на родину, я уже теперь принялся за продолженіе того разсказа, который я въ послѣдніе дни августа отправилъ съ капитаномъ Югансеномъ отъ устья Лены. По моему разсчету капитанъ Югансенъ пріѣхалъ въ Якутскъ на пароходѣ «Лена» раньше половины сентября и письма, посланные съ нимъ, должны были дойти въ Швецію черезъ два мѣсяца послѣ того (т. е. въ ноябрѣ).

Если этотъ разсказъ съ приложенной картой дѣйствительно доставленъ, то вамъ извѣстно, что поѣздка отъ Енисея кругомъ мыса Челюскина до устья Лены не встрѣтила особенныхъ препятствій отъ льда и что оба судна, которыя во время этой части экспедиціи были въ моемъ распоряженіи, благополучно достигли той части Полярнаго моря, гдѣ они, по плану экспедиціи, должны были разойтись. Также полагаю, что изъ посланныхъ писемъ видно, что мы всѣ тогда были убѣждены въ возможности доѣхать до Японіи уже въ нынѣшнемъ году. Послѣ продолжительной борьбы со льдомъ, „Вега“ была совсѣмъ затерта въ концѣ сентября на мѣстѣ, обозначенномъ въ надписи этого письма, въ разстояніи менѣе 200 километровъ отъ Берингова пролива. Судно невредимо, тепло и удобно; зимняя гавань его, образуемая изъ неподвижныхъ льдовъ, вѣрна и покойна; запасы продовольствія и угля болѣе чѣмъ достаточны; здоровье экипажа какъ нельзя лучше. Кромѣ вышесказанной неудачи, наше положеніе ничего не оставляетъ желать лучшаго, и я надѣюсь быть въ состояніи двинуться дальше въ началѣ будущаго лѣта.

Взянувъ на карту Азіи, мы видимъ, что рѣка Лена изливается въ море многочисленными рукавами, текущими по обширной дельтѣ,

печи въ срединѣ сѣвернаго берега Азии. Расстояние отсюда до Ютораканаго Шара почти такое же, какъ до Берингова пролива. Но берега по обѣ стороны этой рѣки совершенно различны. На западѣ материкъ на сѣверѣ доходитъ почти до 78° широты, т. е. до такого градуса, черезъ который мореплаватели по Ледовитому океану, вслѣдствіе неодолимыхъ препятствій, въ видѣ громадныхъ массъ льда, перешли въ весьма немногихъ мѣстахъ. Къ востоку же берегъ постепенно направляется къ югу, такъ что проливъ, соединяющій Тихій океанъ съ Ледовитымъ моремъ, лежитъ въ югу отъ полярнаго круга, почти на одной широтѣ съ городомъ Хамаранда. На западной сторонѣ прибрежье образуетъ обширную безлѣсную тундру; напротивъ, между Леною и Беринговымъ проливомъ граница лѣсовъ доходитъ почти до самаго берега. Нынѣ въ первый разъ вдоль западной части этого берега, гдѣ прежде не проходили и лодки, появились корабли. Но уже болѣе 200 лѣтъ тому назадъ одно судно было отправлено изъ Лены къ Берингову проливу, и если такое путешествіе не повторилось, то по крайней мѣрѣ много разъ были предприняемы поѣздки вдоль частей сѣверо-восточнаго берега Сибири, между Леною, Колымой, Яной, Индигиркой и Беринговымъ проливомъ. *На западной сторонѣ отъ Лены берега означены на картѣ съ очень несправильно; мы въ томъ моремъ почти 500 километровъ шламъ, идя на юго-востокъ картѣ Сибири значится земля. На восточной же сторонѣ мы не нашли значительныхъ ошибокъ въ обозначеніи направленія береговъ.* На западной сторонѣ отъ Лены берегъ, сколько намъ извѣстно, открытъ и не имѣетъ никакой защиты отъ полярныхъ льдовъ; на восточной-же сторонѣ настоящее полярное море отдѣляется отъ береговой части посредствомъ острововъ Новой Сибири и Земли Врангеля. Поэтому мы полагали, что, достигнувъ Лены, мы одолѣли самыя главныя затрудненія нашего путешествія; но до начала экспедиціи я, все-таки, выразилъ опасеніе, что настоящія препятствія начнутся къ востоку отъ Колымы, такъ какъ въ этой части берега въ море впадаютъ только менѣе значительныя рѣки, вслѣдствіе чего здѣсь нельзя рассчитывать на то теплое береговое теченіе, которое на западѣ отъ названной рѣки въ концѣ лѣта освобождаетъ море отъ льда. Къ сожалѣнію, это опасеніе сбылось, хотя мы о немъ забыли въ первое время нашего путешествія, — тогда когда все у насъ увѣчивалось успѣхомъ. Вы, милостивый государь, увидите изъ моего разсказа, что обстоятельства положи-

ли различную печать на различных частях нашего путешествия: между Норвегиею и Югорскими Шарами не было льда, между Югорскими Шарами и Енисейскъ льда было въ незначительномъ количестве, между Енисейскъ и Медвѣжьи острова (лежащими на 71° северной широты, около 1,000 километровъ отъ устья Лены), вдали береговъ, его почти совсемъ не было; на востокъ-же отъ Медвѣжьи острова лёдъ, попадавшійся все въ большихъ массахъ, но жарты того, какъ мы подошлись впередъ, слѣдуетъ со льдомъ, намерзавшимъ за ночь, затеръ насъ наконецъ на сѣверъ границъ Тихого Океана, воды котораго постепенно свободны отъ льда.

По первоначальному плану я хотѣлъ, чтобы „Вега“ сопровождала пароходъ „Лену“ до какой нибудь пристани при устьѣ рѣки Лены и разсталась бы съ нимъ только тогда, когда послѣдній благополучно отправится вверхъ по теченію рѣки. Однако попутный вѣтеръ, безпрепятственное плаваніе по морю, свободному отъ льдовъ, а равно и мое желаніе не подвергать глубоко сидящую „Вегу“ опасностямъ мелкаго фарватера, какиѣ бы послѣдній, вѣроятно, оказался близъ дельты этой рѣки, — всё эти причины вынудили меня разстаться съ своимъ спутникомъ въ открытомъ морѣ около 20 километровъ или двухъ шведскихъ миль отъ сѣверной оконечности дельты Лены. Я тѣмъ легче рѣшился на этотъ шагъ, что не предвидѣлъ никакой опасности для „Лены“, при отысканіи, безъ нашего содѣйствія, судоходнаго рукава. Этотъ пароходъ былъ нарочно построень такимъ плоскодоннымъ, что могъ плавать вездѣ, даже тамъ, гдѣ льды измѣнили видъ морскаго дна, т. е. вездѣ почти до самаго берега. Ко всему этому должно прибавить, что г-нъ Сибиряковъ, при благосклонномъ содѣйствіи якутскаго епископа и губернатора, выстроилъ сигнальную башню, въ родѣ маяка, на одной возвышенности при устьѣ рукава, наиболѣе удобнаго для судоходства. Чтобы доставить возможность попасть въ фарватеръ въ ночное время, уговорили одного якута поддерживать на этомъ мѣстѣ высокопылающій огонь въ темные осенніе вечера; его обязанность состояла также въ измѣреніи ночнаго фарватера для безопаснаго плаванія судна до Якутска, да, сверхъ того, въ отысканіи удобной зимней пристани, если зимовка была бы необходима. Если бы пароходъ „Лена“, при входѣ въ рѣку, и попалъ на мель, то судно это было до того легко, что заботливый капитанъ безъ особыхъ затрудненій могъ бы освободить его посредствомъ якорей и другихъ принадлежностей, которыми онъ

запася для этой цѣли; относительно же громадной и тяжелой „Веги“ это было бы сопряжено съ гораздо большими затрудненіями.

Пароходъ „Лена“, разставшись съ нами, отправился къ берегу, а мы направили путь на сѣверовостокъ къ самому южному изъ острововъ Новой Сибири.

Эти острова, на которые я прежде обратилъ ваше вниманіе, весьма замѣчательны въ научномъ отношеніи. Остатки мамонта и другихъ животныхъ тѣхъ отдаленныхъ временъ встрѣчаются на этихъ островахъ въ гораздо большихъ количествахъ, чѣмъ на тундрахъ материка. Эти остатки неожиданно разъяснили намъ свойства того животнаго царства, которое въ допотопныя времена населяло сѣверную Азію. Нѣкоторыя морскія мѣли до того наполнены костями и клыками мамонтовъ, что собиратели слоновой кости, въ теченіе многихъ лѣтъ посѣщавшіе каждую весну эти острова, возвращались по льду, осенью, съ весьма богатой добычей, въ саняхъ, запряженныхъ собаками. Склады этихъ костей, надо полагать, или заносились дальше на берегъ осенними бурями и плавающими льдами, или же вымывались водою изъ песчанаго грунта берега. Геденстремъ (чиновникъ, служившій въ Сибири, и, судя по фамиліи, шведскаго или финляндскаго происхожденія) — единственный образованный человѣкъ, который подробнѣе изслѣдовалъ эти острова въ лѣтнее время; онъ говоритъ, что далѣе отъ береговъ встрѣчаются цѣлыя курганы, покрытыя остатками костей мамонта, носорога, лошади, зубра, бизона, овцы и пр.

Вслѣдствіе недоступности края, никто еще до сихъ поръ не предпринималъ основательнаго научнаго изслѣдованія этой страны, почему и представляется здѣсь обширное поле для изслѣдованій, крайне важныхъ для исторіи земнаго шара. Въ теченіе немногихъ дней нашего здѣсь пребыванія, конечно, самое поверхностное изслѣдованіе было бы невозможно даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но для научной экспедиціи въ этотъ край, которая въ скоромъ времени, вѣроятно, состоится, мнѣ казалось весьма важнымъ предварительное изслѣдованіе, даже такое, которое ограничилось бы одними измѣреніями глубины моря у береговъ и опредѣленіемъ состоянія льда во время лѣта, почему я и рѣшился пристать къ одному изъ острововъ на нѣсколько дней, или по крайней мѣрѣ лавировать или плавать между ними. Воздухъ былъ тихъ, погода большею частью пасмурна, температура до + 4 по Ц., мо-

ре свободно отъ льдовъ; благодаря всему этому, плаваніе шло скоро. Не когда-мы, послѣ обѣда 28 августа, увидѣли западныя изъ изъ этихъ острововъ, Семеновской и Столбовой, то море оказалось такъ мелко, что мы вынуждены были подъ парами переплыть значительное пространство, гдѣ море не имѣло болѣе $3\frac{1}{4}$ и 4 сажень глубины. Мѣстами встрѣчался раздробленный ледъ. Эти обстоятельства заставили насъ обходить эти препятствія, вслѣдствіе чего „Вега“ не могла идти полнымъ ходомъ, и мы потеряли много времени. Не ранѣе 20 августа, около полудня, мы дошли до острова Ляховскаго, гдѣ я намѣреюсь выйти на берегъ. Но западный берегъ его былъ окруженъ раздробленнымъ ледомъ и море такъ мелко, что мы нашли только 4 сажени глубины на разстояніи 15 верстъ отъ берега. Хотя ледъ не составлялъ серьезнаго затрудненія для „Веги“, однако онъ былъ неприятнымъ препятствіемъ для такого значительнаго переѣзда на лодкѣ или паровой шлюпкѣ съ судна на берегъ, не говоря уже о томъ, что внезапный морозъ могъ бы запереть насъ здѣсь на цѣлую зиму. Кромѣ того неожиданная буря въ этой мелкой водѣ была бы опасна для судна, ставшаго на якорь на открытомъ рейдѣ. Значеніе пребыванія въ теченіи нѣсколькихъ дней на этомъ островѣ, не смотря на его очевидную пользу, уступило опасности не достигнуть главной цѣли экспедиціи.

И такъ, намѣреніе выйти на берегъ было оставлено, и путь былъ направленъ на югъ, къ тому проливу, который отдѣляетъ острова Новой Сибири отъ материка.

Подробное научное изслѣдованіе всѣхъ острововъ, лежащихъ на сѣверъ отъ сибирскаго материка, должно быть предпринято какъ можно скорѣе для опредѣленія очертанія земель до періода послѣдней формаціи, для болѣе тщательнаго изученія тѣхъ позвоночныхъ животныхъ, которыя существовали при первомъ появленіи человѣка на земномъ шарѣ, для отысканія новыхъ источниковъ къ разъясненію труднаго вопроса о возможности для предковъ индѣйскихъ словъ жить въ ледяныхъ степяхъ Сибири, для ознакомленія съ растеніями и морскими животными, существовавшими во время допотопныхъ геологическихъ переворотовъ, и для расширенія области нашихъ познаній о свойствахъ Сибирскаго Ледовитаго моря. Всѣ эти вопросы будутъ, по видимому, имѣть великое значеніе для мореплавателей.

Предразсудки, касательно Ледовитаго моря, существовавшіе до

сихъ поръ, нынѣ устранины и уничтожены, почему морская экспедиція изъ Якутска на небольшомъ пароходѣ, по видимому, достигнетъ дѣли всего вѣрнѣе. Для этого, кажется, пароходъ „Лена“ представляетъ самая большія удобства.

Онъ сидитъ въ водѣ весьма неглубоко, почему и подходитъ почти къ самому берегу безъ затрудненія; онъ поворотливъ, можетъ выдерживать бури, бывающія въ этихъ водахъ, и бока его, состоящія изъ бессемеровской стали, предохраняютъ его отъ льда такъ хорошо, на сколько можно требовать этого отъ судна такой незначительной величины. Этотъ пароходъ снабженъ переборками, пропускающими воду, и едва ли погибнетъ въ случаѣ подводнаго поврежденія; онъ имѣетъ кромѣ того паровую пилу на случай необходимости употреблять плавающія дрова для топки и т. д.

Проливъ между самымъ южнымъ островомъ Новой Сибири и материкомъ только около 30 верстъ въ ширину. Границу его со стороны материка составляетъ мысъ, который прежде былъ конечною точкою береговыхъ путешествій отъ устьевъ Лены на востокъ; этотъ мысъ, который трудно обойти вслѣдствіе буръ и льдинъ, получилъ названіе Святаго Носа, на подобіе другихъ у русскаго сѣвернаго берега.

Неустрашимый русскій путешественникъ Лаптевъ заявилъ въ 1736 году о невозможности обогнуть этотъ мысъ, основывая свое мнѣніе на словахъ якутовъ, живущихъ въ этомъ краю; они единогласно утверждали, что окружающія мысъ льдины никогда не таютъ. Однако черезъ 3 года (въ 1739) Лаптевъ самъ обошелъ этотъ мысъ — новое доказательство, что многія «невозможности возможны». Тотъ же путь совершилъ въ 1761 году сибирскій купецъ Шалоуровъ, по водамъ довольно свободнымъ, какъ кажется, отъ льдовъ.

По моему убѣжденію, море въ этихъ мѣстахъ судоходно не только для пароходовъ, но и для обыкновенныхъ судовъ, предполагая, что экипажъ состоитъ изъ людей, знающихъ свое дѣло и привыкшихъ къ морской службѣ.

Мы также нашли море у Святаго Носа довольно свободнымъ отъ льдовъ и могли поэтому пройти черезъ проливъ уже 31 августа, до обѣда, безъ всякихъ затрудненій, при тихой и хорошей погодѣ. На окружающихъ берегахъ снѣга не было.

Къ востоку отъ этого мѣста море близъ береговъ было свободно отъ льда. Вода содержала въ себѣ весьма незначительную долю соли, и температура ея доходила до $+4^{\circ}$ Цельсія.

1-го сентября погода стояла хорошая при южномъ вѣтрѣ и температурѣ воздуха $+5^{\circ},6$, въ тѣни около полудня. Но ночью на 2-е сентября подулъ сѣверный вѣтеръ, и термометръ палъ до -1° . Въ слѣдующую ночь выпалъ въ большомъ количествѣ снѣгъ, покрывшій нашу палубу и Медвѣжьихъ острова, которыхъ мы достигли 3-го сентября, въ полдень. Медвѣжьими островами называются нѣкоторые небольшіе, гористые острова, лежащіе въ недалекомъ разстояніи отъ берега, подъ 71° сѣверной широты и 160° восточной долготы, на востокъ отъ Гринвича, около 360 верстъ отъ южной оконечности Ляховскаго острова. Это разстояніе мы проѣхали въ трое сутокъ; мы прошли, слѣдовательно, 120 верстъ въ сутки, что доказываетъ, какъ мало препятствій представляли намъ льды, принимая въ соображеніе время, потраченное на измѣренія лотомъ, изслѣдованіе морскаго дна, опредѣленіе температуры воды и содержанія въ ней соли на различныхъ глубинахъ, равно и осторожность, необходимую для плаванія въ совершенно неизвѣстныхъ водахъ. Конечно, тамъ и самъ встрѣчали мы нѣсколько плавающихъ льдинъ, а дальше къ сѣверу видны были даже плавающія ледяныя поля, препятствовавшія намъ идти отъ устья Колымы на сѣверъ, чтобы узнать, нѣтъ ли твердой земли или острововъ между Ляховскимъ островомъ и землею Врангеля.

Отъ самаго восточнаго изъ Медвѣжьихъ острововъ мы пытались направиться прямо на востокъ къ мысу Шелагскому, но должны были отказаться отъ этого намѣренія вслѣдствіе сплошнаго льда, который мы встрѣтили верстахъ въ 40 или 50 къ востоку отъ Медвѣжьихъ о—вовъ. Мы вынуждены были отыскивать открытый фарватеръ близъ берега, но и этотъ путь суживался все болѣе и болѣе. Мы держались берега, не смотря на то, что глубина фарватера, къ крайнему нашему горю, постепенно уменьшалась. Впрочемъ, о болѣе продолжительныхъ остановкахъ не могло еще быть и рѣчи. Мы прошли мимо устья Чаунской губы въ ночь на 6-е сентября и достигли мыса Шелагскаго 6 числа, въ 4 часа утра. Разстояніе между этимъ мысомъ и Медвѣжьими о—вами—180 верстъ прямымъ путемъ. Вслѣдствіе лавировки между льдинами, мы употребили на этотъ путь болѣе $2\frac{1}{2}$ сутокъ, слѣдовательно проходили среднимъ числомъ 72 версты въ сутки, или 3 версты въ часъ—скорость, которую можно считать весьма удовлетворительною въ водахъ большею частью усѣянныхъ плавающими льдами.

Намъ извѣстны только два мореплавателя вдоль этого берега,

именно: Дежневъ—въ 1648 г. и Шалоуровъ—въ 1760—64 г. Приключенія этого послѣдняго такъ поучительны, при сравненіи средствъ прежнихъ временъ съ тѣми, которыми располагаютъ нынѣ для плаванія по Ледовитому морю, и самое предпріятіе этого мореплавателя представляетъ такую прекрасную картину стойкости и мужества, которыми русскіе путешественники прошлаго столѣтія замѣняли недостатки въ снаряженіи экспедицій и, быть можетъ, привычку къ морю,—такъ что я считаю долгомъ сообщить краткое описаніе его путешествія.

Шалоуровъ былъ богатый сибирскій купецъ, который, повидимому, поставилъ цѣлью своей жизни изслѣдованіе сѣвернаго берега Сибири къ востоку отъ устьевъ р. Лены. Въ 1760 году онъ отправился изъ Лены на суднѣ, тамъ же построенномъ.

Въ теченіе перваго года онъ дошелъ только до рѣки Яны, лежащей къ востоку въ недалекомъ разстояніи; отсюда же началось настоящее плаваніе въ іюлѣ 1761 года. Въ томъ же году ^{6/17} сентября ему удалось обогнуть опасный Святой Носъ, а въ концѣ того же мѣсяца онъ достигъ Медвѣжьихъ острововъ. Но здѣсь встрѣтилъ онъ ледъ, который остановилъ его утлое судно; кромѣ того позднее время года препятствовало ему идти далѣе. По этому Шалоуровъ отыскалъ безопасное зимовье при устьѣ рѣки Колымы и построилъ тамъ изъ сплаваго лѣса избу, для защиты которой возведены были изъ снѣга укрѣпленія, вооруженныя двумя маленькими пушками. Въ слѣдующемъ году, когда берегъ очистился отъ льда, онъ отправился отсюда, продолжая путь, но не могъ идти далѣе западной стороны мыса Шелагскаго вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ и другихъ неудачъ. Онъ вернулся къ прежнему зимовью съ твердымъ намѣреніемъ продолжать свое путешествіе въ будущее лѣто. Но экипажъ, утомленный трехлѣтнимъ плаваніемъ по Ледовитому морю, отказался слѣдовать за нимъ. Путешествіе поэтому прекратилось, и Шалоуровъ самъ, котораго капиталы теперь были израсходованы, вынужденъ былъ отправиться въ Москву, для доставленія средствъ къ продолженію предпріятія. Получивши достаточныя средства, онъ нанялъ новыхъ людей, съ которыми въ 1764 году опять отправился въ Сибирское ледяное море. Но тамъ постигла его участь Франклина.

Пятьдесятъ девять лѣтъ прошло и никто не зналъ, гдѣ и какимъ образомъ онъ погибъ, пока одинъ изъ спутниковъ Врангеля

въ 1823 году на морскомъ берегу къ востоку отъ мыса Шеларскаго не нашелъ старую избу, построенную изъ славянскаго лѣса и остатковъ погибшаго судна. Судя по рассказамъ туземцевъ, эта изба была построена Шалеуровымъ. Человѣческія кости, найденныя у избы, доказали, что этотъ неутомимый и мужествомъ мореплавателя погибъ вмѣстѣ со своими спутниками, вѣроятно, отъ цинги. Они употребили нѣсколько лѣтъ на то разстояніе, которое мы при помощи пара прошли въ 4 или 5 сутокъ!

Ночи стали такъ темны и море наполнилось льдомъ до такой степени, что мы вынуждены были въ ночное время останавливаться обыкновенно у твердыхъ неподвижныхъ льдинъ. Утромъ 6-го числа, когда стало свѣтло, мы были окружены льдомъ до того, что путешествіе прямо на востокъ было немислимо. Нужно было отыскать фарватеръ, болѣе свободный отъ льда или къ сѣверу, или же вдоль берега по узкой полыньѣ, свободной отъ льда, но весьма мелкой. Мы выбрали послѣднее. Но не малыя затрудненія представились намъ при попыткѣ подойти къ берегу между ледяными массами, величины которыхъ мы не могли замѣтить по темнотѣ ночи.

Едва мы приблизились къ берегу, какъ увидѣли двѣ лодки, построенныя на подобіе умяковъ или женскихъ лодокъ эскимосовъ; эти лодки были полны туземцами, —единственными жителями, которыхъ мы встрѣтили послѣ нашего отправленія отъ Югорскаго Шара. Мы остановились, чтобы дать имъ возможность прійти къ намъ на палубу. Они были приняты нами очень дружелюбно, но къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не умѣлъ говорить по русски, или на какомъ нибудь намъ понятномъ языкѣ. Только одинъ мальчикъ умѣлъ считать по англійски до десяти, что можетъ служить доказательствомъ, что здѣшніе туземцы имѣютъ, какъ видно, болѣе частыя сношенія съ американскими китоловами, чѣмъ съ русскими купцами. Послѣ того мы ежедневно встрѣчались съ туземцами у берега, но до сихъ поръ не встрѣчали ни одного, который умѣлъ бы сказать что нибудь на какомъ либо европейскомъ языкѣ, даже въ числѣ тѣхъ чукчей, которые на своихъ оленяхъ совершаютъ большія путешествія. За то лейтенантъ Нордквистъ съ усердіемъ и успѣхомъ занимался ихъ языкомъ и намѣренъ со временемъ подробно изслѣдовать эту часть Сибири, если представится къ тому случай. Я даже освободилъ одного изъ экипажа, Ионсена, отъ всѣхъ занятій съ тѣмъ, чтобы онъ какъ можно чаще искалъ случая обращаться между чукчами для изученія ихъ языка и нравовъ. Я

надѣюсь послѣ сообщить вѣрную картину образа жизни этого народа и представить богатую коллекцію снарядовъ и костюмовъ, которые я собралъ для родины; это все должно быть тѣмъ болѣе интересно, что чучки и до сихъ поръ частью употребляютъ снаряды изъ камня и костей. *Живя на перепутьи между старымъ и новымъ свѣтомъ, это племя носитъ въ одно и также время несомнѣнный отпечатокъ монгольска старина свѣта и эскимосовъ и индѣйцевъ новаго.*

По другую сторону мыса Шелагскаго, 6-го и 7-го числа, мы плыли по узкой, открытой и свободной отъ льда полыньѣ вдоль берега, но весьма медленно и осторожно по незнанію фарватера, который часто оказывался весьма мелкимъ. Ночью на 8-е сентября пристали, какъ обыкновенно, къ неподвижному льду. Мы выставили рыбацкии снаряды, которые доставили намъ рыбу въ изобиліи.

Утромъ мы опять увидѣли пароходъ на столько окруженнымъ льдомъ и туманомъ, что, послѣ неудачной попытки идти далѣе, по необходимости остановились у большой льдины, очень близко къ берегу.

Когда туманъ поднялся и пароходъ можно было видѣть съ берега, насъ тотчасъ же посѣтили много туземцевъ, которые разными знаками приглашали насъ сойти на берегъ. Такъ какъ мы ни въ какомъ случаѣ не могли подвинуться на пароходъ далѣе впередъ, то я велѣлъ спустить лодку и выѣхать съ большинствомъ товарищей вышель на берегъ.

Въ этомъ мѣстѣ, между небольшой береговой лагуной и моремъ, тянется низкая песчаная коса; далѣе, во внутрь края, берегъ постепенно возвышается, образуя горныя плато, обнаженные, свободныя отъ снѣга, или же покрытыя весьма тонкимъ слоемъ снѣга, вынаваго въ послѣдніе дни. Образование лагунъ въ родѣ той, которую мы встрѣтили здѣсь въ первый разъ, имѣетъ особенную важность на сѣверовосточномъ берегу Сибири. Чучки строятъ обыкновенно свои селенія на самой косѣ, отдѣляющей лагуну отъ моря.

Жилища ихъ состоятъ изъ большихъ, просторныхъ палатокъ, заключающихъ помѣщеніе для одной или двухъ кроватей. Эти помѣщенія образуютъ, такъ сказать, отдѣльныя палатки изъ теплыхъ оленьихъ шкуръ и получаютъ свѣтъ и теплоту отъ лампы съ рыбьимъ жиромъ. Кромѣ того лѣтомъ, но не зимою, наружную палатку отапливаютъ дровами, для чего проделано отверстіе въ ея крышѣ.

Туземцы приняли насъ очень хорошо и угощали, чѣмъ Богъ послалъ. Запасы провiанна были у нихъ въ это время обильны. Въ одномъ чумѣ варили оленье мясо въ большомъ чугунномъ котлѣ. Въ другомъ разрѣзали на куски двѣ недавно убитыя олени, изъ которыхъ вынимали внутренности. Въ третьемъ одна старуха была занята извлеченiемъ изъ оленьихъ кишекъ внутренняго содержанiя зеленого цвѣта, похожаго на шиннать, которое она складывала въ мѣшокъ, сдѣланный изъ тюленьей шкуры, съ явною цѣлью хранить эту зелень до зимы. Зелень эта считается лакомствомъ какъ здѣсь, такъ и у эскимосовъ въ Гренландiи. Кромѣ этого противнаго блюда чукчи собираютъ лѣтомъ значительный запасъ листьевъ и молодыхъ почекъ разныхъ растений (между прочимъ изъ рода ивы), которыя послѣ броженiя и заморозиванiя они ѣдятъ безъ дальнѣйшаго приготовленiя вмѣстѣ съ мясомъ, или варятъ ихъ въ видѣ зеленого супа. Чукчи ѣдятъ также корни, по крайней мѣрѣ, двѣхъ родовъ тамошнихъ растений; одинъ корень образуетъ круглыя утолщенiя нѣскольکو больше обыкновенныхъ орѣховъ и схожiя съ ними по вкусу; другой имѣетъ сходство съ толстыми конусообразными кореньями *Phasa frigida*. Къ нимъ можно причислить, вѣроятно, и третiй родъ именно корень *Umbelliferae*.

Но обратимся къ нашимъ хозяйкамъ.

Мы видѣли у нихъ мѣшки изъ тюленьихъ шкуръ, наполненные рыбимъ жиромъ. Въ эти мѣшки не проникаетъ ни воздухъ, ни вода. Они состоятъ изъ цѣлой шкуры, за исключенiемъ части съ головы, которая отрѣзывается у шеи. Когда мѣшокъ назначенъ для храненiя жидкостей, онъ завязывается крѣпко у шеи и у другихъ отверстiй шкуры, а вмѣсто крана прикрѣпляется ко внутренней сторонѣ одной изъ переднихъ ногъ кусокъ дерева или кости, въ которой продѣлана дырочка. У одного шатра лежали двѣ головы недавно убитыхъ моржей съ великолѣпными клыками. Дѣтей было много; съ ними обращались кротко; всѣ они имѣли видъ здоровый. Ихъ носили на плечахъ не только женщины, но и мужчины; дѣти были такъ тщательно окутаны, что походили на кожаные мячики. Внутри шатра они, напротивъ, были совсѣмъ голы, что нѣсколько не мѣшало имъ бѣгать между шатрами безъ обуви или одежды по мерзлой землѣ, при температурѣ ниже нуля. Мѣною я приобрѣлъ здѣсь множество вещей для хозяйства, разное оружье и чукотскiе костюмы.

Мы пробовали утромъ 9 сентября идти далѣе подъ парами, но

скоро принуждены были, по причинѣ продолжительнаго и густаго тумана, пристать къ стоящему на мели льду, на глубинѣ 6-ти сажень. Когда туманъ нѣсколько разбѣлся, мы увидѣли, что этотъ ледъ остановился очень близко отъ берега. Мы простояли тамъ до 10-го сентября. Сдѣлали нѣсколько экскурсій на берегъ. Берегъ состоитъ здѣсь изъ песку, который тотчасъ за чертой прилива покрытъ роскошною травою. Далѣе во внутрь страны видны довольно высокія горы, а за ними, на значительномъ разстояніи, снѣговія вершины. Низменность состоитъ изъ песчаныхъ и глинистыхъ слоевъ, очевидно, недавно возвысившихся надъ поверхностью моря. Замѣчательно, что здѣсь вовсе не встрѣчалось тѣхъ подвижныхъ земляныхъ глыбъ, которыя составляютъ такую отличительную черту рыхлыхъ слоевъ сѣверной Европы и сѣверной Америки—обстоятельство, какъ видно, указывающее на то, что ледяныя массы не играли за послѣднія времена важной роли въ образованіяхъ этой части сѣвернаго полушарія. Судя по совершенному отсутствію отдѣльныхъ глыбъ земли вдоль нынѣшняго морскаго берега, надо полагать, что въ настоящее время въ морѣ, къ сѣверу, не находится ледяныхъ странъ, подобныхъ Гренландіи.

Мѣстами твердая скала выступаетъ къ берегу и образуетъ крутые, высотой въ 50—60 футъ, утесы, состоящіе изъ болѣе или менѣе кремнистой извести, или изъ тальковаго и кремнистаго шифера.

Почти отвѣсные слои тянутся съ сѣвера на югъ, но они не держатъ окаменѣлостей. Слѣдовательно въ геологическомъ отношеніи эти скалы имѣли мало интереса. Но за то онѣ доставили доктору Альмквисту обильный матеріалъ къ дополненію свѣдѣній о мхахъ этой мѣстности, флорѣ, почти совершенно неизвѣстной до сихъ поръ. Напротивъ, по причинѣ поздняго времени года, сборъ высшихъ растений на сушѣ былъ незначителенъ, и докторъ Кельманъ напрасно занимался ловлею водорослей. Фауна страны была также бѣдна: въ морѣ видѣли только одного кита и нѣсколько тюленей, на сушѣ не видѣли никакихъ млекопитающихъ, но много норъ и проходовъ пеструшки перекрещивали землю по всѣмъ направленіямъ. Изъ птицъ всего чаще встрѣчались кулики (родъ *Phalopus*).

Близъ мѣста стоянки судна въ настоящее время не было ни одного жилища строенія, но во многихъ мѣстахъ по берегу видны были слѣды покинутыхъ, старыхъ построекъ. У устья рѣчки, не

совсѣмъ еще высохшей или высушенной, докторъ Стуксбергъ открылъ множество могилъ съ пережженными костями. Сожженіе было такъ полно, что только нѣкоторые остатки могли быть признаны докторомъ Стуксбергомъ за челоѣческія кости. Послѣ сожженія остатки и зола были собраны въ яму и покрыты сперва дерномъ, а потомъ маленькими плоскими камнями.

Наше судно было первое, пристававшее къ этому берегу. Оттого приходѣ нашъ былъ очень важнымъ для туземцевъ событіемъ, и молва о томъ, должно быть, распространилась быстро. Не смотря на то, что въ окрестностяхъ совершенно не было юрты; туземцы посѣщали насъ довольно часто. Замѣчательно сходство между домашней утварью чукчей и гренландцевъ. Это сходство наблюдается часто въ самыхъ мельчайшихъ частностяхъ, какъ это видно изъ орудій и домашней утвари, вымѣненныхъ мною.

Въ 1875—1876 годахъ я не могъ употреблять, привезенныхъ съ собою мелочей, для мѣны съ туземцами, принимавшими, напротивъ того, очень охотно бумажныя деньги, поэтому я, при отправленіи нашей экспедиціи изъ Швеціи, къ сожалѣнію, не взялъ ничего подобнаго. Русскія деньги у меня были съ собою, но они не имѣютъ здѣсь никакого значенія: 25 рублевая бумажка цѣнится чукчами менѣ красивой обертки отъ мыла, а золотая и серебряная монета ниже оловянныхъ и мѣдныхъ пуговиць. Одну, двѣ серебряныя монеты мы могли сбыть только въ качествѣ серегъ, просверливши въ нихъ отверстія.

Въ назиданіе будущимъ путешественникамъ упомяну, что наибольшій запросъ на слѣдующіе товары: толстыя штопальныя иглы, ножи, преимущественно большіе, топоры, пилы, буравы и другіе металлическіе инструменты; холщевыя и шерстяныя рубашки—лучше пестрыхъ цвѣтовъ, но также и бѣлыя, платки и табакъ. Сюда надо, натурально, причислить, и водку—монету, въ которой, разумеется, у меня нѣтъ недостатка, но которую я считаю не вправѣ употреблять за таковую. За нее туземцы пожертвуютъ всѣмъ, чѣмъ угодно. Они, впрочемъ, смысленные и расчетливые торговцы и, можно сказать, съ дѣтства приучены къ этому мѣнвою торговлею, производящеюся между Америкою и Сибирью.

Между бобровыми мѣхами, привозимыми въ Ирбитъ на ярмарку, встрѣчаются шкуры и американскихъ бобровъ, переходившія изъ рукъ въ руки между американскими и сибирскими дикарями и попавшія, наконецъ, въ руки русскихъ купцовъ. Для этой мѣ-

новой торговли существуетъ нѣчто въ родѣ ярмарки на островѣ Илирѣ въ Беринговомъ проливѣ. Илирѣ, впрочемъ, только одна изъ промежуточныхъ станцій. Говорятъ (по показанію одного русскаго путешественника), что на самомъ отдаленномъ торговомъ пунктѣ полярной Америки за бобровую шкуру, иногда, платится только одинъ листъ табаку!

Табакъ здѣсь во всеобщемъ употребленіи. Всѣ мужчины (а также и женщины, когда имъ представится случай) курятъ изъ особенныхъ трубокъ, которыя мужчины всегда имѣютъ при себѣ вмѣстѣ съ огнивомъ и кисетомъ. Трубки эти очень малы. Употребляемое на куреніе вещество иногда табакъ, иногда какой-то суррогатъ, образецъ котораго захваченъ нами. Огниво состоитъ изъ стали, агата и трута; послѣдній, однако, иного сорта, чѣмъ тотъ, который употребляется у насъ.

Для растопки имѣются обыкновенно плетенки изъ древесныхъ волоконъ, приготовляемыя разжевываніемъ стеблей какихъ нибудь дровяныхъ или кустарныхъ растений. Табакъ, или замѣняющій его суррогатъ, употребляется также на жвачку. Жвачку эту кладутъ потомъ сушиться за ухо и высушенную курятъ. Соль здѣсь не употребляется, но сахаръ всѣ любятъ. Вкуса кофе не понимаютъ;—охотно пьютъ его, если только сильно подсластить. Чай для нихъ большое лакомство. Докторъ Альмквистъ изслѣдовалъ у многихъ туземцевъ способность познавать цвѣта и нашелъ почти у всѣхъ нормальное зрѣніе. Съ цѣлью привлечь ихъ, онъ давалъ, подвергшимся испытаніямъ, по рюмкѣ коньяку—сначала величиною въ 1½ кубическихъ дюйма. Многие отъ этого хмѣли, дѣлались веселы и не тверды на ногахъ, но не шумливы.

У нѣкоторыхъ на шеѣ висѣли маленькія амулеты; у одного даже православный крестъ. Онъ, кажется, былъ крещенъ, но христіанской вѣры въ немъ было не много: онъ крестился при насъ очень усердно передъ солнцемъ, и вообще признаковъ религіи или религіозныхъ обрядовъ въ немъ мы не могли открыть. Мужская одежда состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ оленьихъ «песковъ», похожихъ на лапландскія. Во время дождя и снѣга сверхъ нихъ надѣвается еще рубаха изъ брюшины, или для красоты изъ бумажной матеріи, называемой туземцами «Калико». Головной уборъ состоитъ изъ плотно-сидящей, украшенной бисеромъ, шапки; однако, какъ мужчины, такъ и женщины ходили еще съ непокрытой головой. Зимю на голову натягивается зашитый подъ подбо-

родкомъ мѣжовой чепчикъ, спускающійся по плечамъ подь наружнымъ «пескомъ». Обувь состоитъ изъ «монкасиновъ», съ подошвами изъ китовой кожи, зимою, иногда, изъ медвѣжьей, въ послѣднемъ случаѣ волосами наружу. Женская одежда состоитъ изъ «песка» очень широкаго, сшитаго снизу такимъ образомъ, что образуеъ широкія штаны длиною до колѣнъ. Зимой, кромѣ того надѣвается верхній «пескъ», похожій на мужской. Нижняя часть рукавовъ этого костюма широка и открыта, подобно тому, какъ у модныхъ женскихъ платьевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Внутри палатки женщины ходятъ, не считая узкаго пояса, совершенно голыми; по всей вѣроятности это воспоминаніе о костюмѣ, носимомъ племенемъ въ болѣе тепломъ климатѣ. Онѣ носятъ длинныя косы съ проборомъ. У мужчинъ, по большей части, волосы сбиты или выстрижены до корня,—за исключеніемъ внѣшняго ряда волосъ, который оставляется длиною въ дюймъ и спереди зачесывается на лобъ. Тотъ же обычай 200 лѣтъ тому назадъ до того господствовалъ между индѣйцами центральныхъ частей сѣверной Америки, что извѣстный миссіонеръ Геннепинъ могъ поставить себя на хорошую ногу съ женщинами племени и добывать себѣ пропитаніе бритьемъ дѣтскихъ макушекъ. Почти всѣ мужчины носятъ въ ушахъ бусы и другія украшенія. Женщины татуированы по обѣимъ сторонамъ лица, отъ глазъ до подбородка, двумя изогнутыми во внутрь темносиними полосками, четырьмя сходящимися у рта полосками на подбородкѣ и нѣсколькими своеобразными рисунками на щекахъ. Мужчины, иногда, но не всегда, разрисованы на щекахъ черными или окрашенными какимъ-то краснобурнымъ веществомъ, прямоугольными, наискось расположенными, крестами.

Въ ночь на 10-е сентября море покрылось довольно толстымъ слоємъ, вновь образовавшагося льда. Но плавающій ледъ, казалось, немного разошелся и поэтому мы снялись съ якоря. Сначала пришлось сдѣлать обходъ къ западу, чтобы обогнуть двигающееся ледяное поле; но и здѣсь скоро намъ преградило путь скопленіе старыхъ льдинъ, такъ крѣпко связанныхъ льдомъ, образовавшимся за ночь, что только послѣ двухъ часовой работы топорами и ломами мы могли провести черезъ него канаву.

Далѣе была опять вода, довольно свободная отъ льда, но за то туманъ сгустился до того, что мы, во избѣжаніе быть окончательно затертыми, пристали къ неподвижной льдинѣ, ставшей далѣе въ морѣ, но болѣе къ западу отъ прежняго мѣста стоянки.

Ночью, около 11-ти часовъ, ледъ пришелъ въ сильное движеніе. Къ счастью нашему, погода нѣсколько прояснилась, почему мы могли продолжать путь между льдинами, а въ сумеркахъ пристали, по обыкновенію, къ неподвижному льду. Въ слѣдующій день 12-го числа, миновавши Иркайпи, или Сѣверный мысъ, мы встрѣтили до того скученный ледъ, что не было никакой возможности идти далѣе. Мы были снова вынуждены вернуться и проложивши съ большимъ трудомъ себѣ путь къ берегу, бросили якорь у льдины, приставшей къ выдающейся части мыса.

Море здѣсь очень глубоко до самаго мыса, но сильная буря такъ гоняла льдины взадъ и впередъ около мѣста нашей стоянки, что мы были вынуждены передвинуться далѣе во внутрь маленькой открытой бухты, образуемой изъ двухъ, выступающихъ къ сѣверу утесовъ. Къ сожалѣнію мы, въ ожиданіи переменъ состоянія льда, оставались здѣсь до 18-го сентября. На картахъ мысъ, гдѣ мы теперь стояли на якорѣ, обыкновенно называется «Сѣвернымъ мысомъ», именемъ довольно сбивчивымъ, такъ какъ во многихъ странахъ встрѣчаются мысы того же названія. Это и не вѣрно, потому что мысъ этотъ вовсе не самая выдающаяся точка всей Сибири или даже значительной части ея. Самый сѣверный мысъ сибирскаго материка—мысъ Челюскинъ; самый сѣверный къ востоку отъ Лены—Святой-Носъ; самый сѣверный къ востоку отъ Чаунской губы—Шелагскій и т. д. Названіе это (данное мысу по той причинѣ, что это самая сѣверная точка Сибирскаго материка, видѣнная около ста лѣтъ тому назадъ Кукомъ во время его путешествія) слѣдовало бы замѣнить мѣстнымъ названіемъ—«Иркайпи».

На перешейкѣ, соединяющемъ Иркайпи съ материкомъ, находится деревня изъ 18-ти юртъ. И здѣсь также развалины!—остатки множества древнихъ построекъ, принадлежащихъ народу, жившему нѣкогда въ этихъ мѣстахъ и изгнанному чукчами нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, согласно ихъ преданію, на какіе-то острова, лежащія далеко въ полярномъ морѣ. По Врангелю, народъ этотъ назывался «онкилонами» и онъ приводитъ очень романтическія сказанія чукчей о послѣднихъ стычкахъ на этихъ прибрежныхъ обрывахъ. Лейтенантъ Нордквистъ и докторъ Альмквистъ производили раскопки на мѣстахъ древнихъ жилищъ и собрали нѣсколько штукъ различнаго оружія изъ камня и кости. Жилища были скучены по нѣскольку штукъ вмѣстѣ. Онѣ были построены, по крайней мѣрѣ, частью изъ китовой кости и сплаваго лѣсу, покрыты

*

сверху землею и соединялись между собою и съ поверхностью земли длинными ходами. Стиль постройки ихъ, какъ кажется, напоминаетъ рисунокъ жилища племени «Индгелесъ» при Нордстонъ-Сондѣ, приведенный Вимперомъ въ его описаніи путешествія по Аляскѣ. Кучи морскихъ отбросовъ, по сосѣдству этихъ старыхъ построекъ, содержатъ кости обоихъ видовъ кита, тюленя, сѣвернаго оленя, медвѣдя, собаки, лисицы, частичковыхъ рыбъ, нѣсколькихъ видовъ птицъ и вмѣстѣ съ ними оружіе изъ камня и кости. Не смотря на то, что эти предметы пролежали болѣе 250 лѣтъ въ землѣ, понадалось каменное оружіе еще зацепленнее въ ихъ рукояткахъ и даже сохранились ремни, прикрѣпляющіе каменный топоръ къ деревяшкѣ. Какъ у нынѣшнихъ чукчей, китовый усъ доставлялъ тогдашнимъ обитателямъ этихъ мѣстъ матерьялъ, замѣнявшій въ нуждѣ желѣзо, для приготовленія луковъ, стрѣлъ, удочекъ, кирокъ и пр. Въ большомъ количествѣ употреблялись также китовыя и, по всей вѣроятности, мамонтовыя кости. Многія изъ прежнихъ построекъ онкилоновъ были употреблены чукчами на погребъ для храненія ворвани; въ морскихъ остаткахъ, казалось, производились раскопки для добыванія китоваго уса.

Выше осыпавшихся грудъ камней на островѣ Иркайгѣ, мы нашли два мѣста прежнихъ построекъ, которыя, вѣроятно, были построены во время послѣдняго періода борьбы передъ окончательнымъ изгнаніемъ онкилоновъ. Во многихъ мѣстахъ по склонамъ горы видны были большія, поросшія мхомъ, накопленія костей; накопленія эти состояли частью изъ кучъ медвѣжьихъ череповъ, сложенныхъ правильными кольцами—носами во внутрь, частью изъ грудъ оленьихъ, медвѣжьихъ, китовыхъ череповъ, перемѣшанныхъ между собою въ менѣе регулярномъ порядкѣ; внутри ихъ были заложены въ отвѣсномъ положеніи олени рога. Вмѣстѣ съ рогами сѣвернаго оленя мы нашли также рога и кости обыкновеннаго оленя, или какого-то другаго большаго животнаго этой породы. Около этихъ костей лежало кучками множество височныхъ частей тюленьихъ череповъ. Другихъ остатковъ этого животнаго почти не было; это доказываетъ, что височныя части не были остатками истлѣвавшихъ череповъ, но особо приносимыми въ жертву обломками костей. Такъ какъ вблизи мы не нашли человѣческихъ остатковъ, и такъ какъ, по словамъ чукчей, кости эти остались отъ временъ онкилоновъ, то, очевидно, что эти мѣста были мѣстами древнихъ жертвоприношеній.

Между жителями вышеупомянутаго чукотскаго лагеря и нами скоро завязались самыя дружественныя отношенія. Рослый, крѣпкій, хорошо сложенный мужчина, по имени Чепуринъ, казалось, былъ главный въ деревнѣ. Мы его угощали нѣсколько разъ въ каютѣ-компаніи, причеиъ, для упроченія дружбы, мѣнялись съ нимъ подарками. Чепуринъ былъ падокъ до украшеній, и мѣной съ нами могъ удовлетворить свое тщеславіе въ такой степени, какъ ему и не снилось до этихъ поръ. Когда въ послѣдніе дни онъ посѣщаль «Веги», онъ былъ одѣтъ сверхъ верхняго платья въ красную шерстяную рубашку; въ обонхъ ухахъ у него висѣло по вызолоченной часовой цѣпочкѣ, съ монетами на концахъ. У него было двѣ жены, согласно живущія въ одной и той же юртѣ, снабженной двумя отдѣленіями для спанья.

Господствующій въ странѣ камень принадлежитъ къ габрообразной породѣ вулканическаго происхожденія. Съ западной стороны Иркайпи порода эта раздѣляется промежуточными слоями чернаго шифера, съ признаками окаменѣлостей,—вѣроятно, граптолитовъ. Кельману удалось получить нѣсколько водорослей; зоологическая же добыча была незначительна, по причинѣ неблагопріятнаго состоянія морскаго дна.

Между другими экскурсіями, я посѣтилъ расположенную близъ нашей стоянки гору, имѣющую около 400 футъ вышины. Отсюда былъ обширный видъ впередъ на море; оно было вездѣ сплошь покрыто льдомъ. Только близъ берега видна была полынья, во многихъ мѣстахъ загороженная льдинами. Плутоническая порода, образующая гору, дѣйствиелью мороза была до такой степени разрушена и распалась на куски, что поверхность горы превратилась въ огромную груду угловатыхъ обломковъ.

Съ навѣтренной стороны стѣны были покрыты стеклообразной, легко отстающей ледяной корой, очевидно, образуемой охлаждающимся туманомъ, т. е. туманомъ, капли котораго охладились значительно ниже точки замерзанія, не будучи превращены въ воду. Это случается только тогда, когда онъ придетъ въ соприкосновеніе со льдомъ или со снѣгомъ, или съ какимъ нибудь шероховатымъ твердымъ тѣломъ. По этой же причинѣ въ слѣдующіе дни реи «Веги» покрылись такою массою льда, что при паденіи на палубу онъ легко могъ бы причинить несчастія.

Еще 18-го сентября состояніе льда было совершенно въ томъ же положеніи. Во избѣжаніе зимовки было опасно оставаться здѣсь

дольше. Поэтому мы подняли якорь и «Вега» поплыла под парами далѣе по полыньѣ вдоль берега на глубинѣ отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ сажень. «Вега» сидитъ въ водѣ на 16—17 футовъ. Мы имѣли, слѣдовательно, только нѣсколько футь воды подъ вилемъ,—и это между льдами, въ совершенно намъ незнакомыхъ водахъ!

Въ 10' или 12' отъ якорной стоянки, мы встрѣтили массу оставившагося льда, черезъ который пробрались съ большимъ трудомъ и то благодаря ряду сильныхъ ударовъ, выдержанныхъ крѣпкимъ носомъ «Веги». Далѣе мы продолжали путь, часто на еще меньшей глубинѣ чѣмъ прежде, до тѣхъ поръ, пока судно въ 8 часовъ наткнулось на примерзшую къ мели льдину. Вода шла на убыль и мы могли поэтому освободиться только не раньше слѣдующаго утра, вырубивъ топорами и ломами часть промерзшаго льда, на который усѣлась «Вега». Нѣсколько попытокъ взорвать ледъ порохомъ не удались. Для этой цѣли динамитъ гораздо дѣйствительнѣе пороха, и это взрывчатое вещество слѣдовало-бы всегда имѣть съ собою тамъ, гдѣ можетъ встрѣчаться надобность переломать льдины.

19-го «Вега» по прежнему шла вдоль берега въ массѣ колотаго льда и, по большей части, въ мелкой водѣ, между высокими, стоящими на мели, льдинами, имѣвшими часто самыя разнообразныя и живописныя формы. Настоящихъ ледяныхъ горъ не было. Нѣсколько позднѣе, мы встрѣтили довольно ровный ледъ, образующійся обыкновенно въ рѣкахъ или запертыхъ губахъ и вошла въ мало-соленую воду, имѣвшую температуру нѣсколько выше 0° Ц.

Проведя ночь у стоявшей на мели льдинѣ, мы продолжали 20 сентября путь среди низкаго, грязнаго льда, не успѣваго сильно уплотниться за прошедшую зиму. Льдины эти лежатъ менѣе глубоко, чѣмъ синій, обмелѣвшій ледъ и оттого могутъ ближе подвигаться къ берегу — большое неудобство для нашего глубоко сидящаго судна. Скоро мы пришли къ мѣсту, гдѣ ледъ былъ такъ плотно придвинутъ къ берегу, что свободнымъ отъ него остался у самаго берега проходъ 12-ти—15-ти футовъ глубины. Мы поэтому были принуждены, проплывъ нѣсколько часовъ, пристать къ неподвижному льду, въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ условий. Вѣтеръ перешелъ теперь изъ W къ N и къ NW. Температура повысилась и погода стала дождливая—знакъ того, что къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ насъ находились большія, свободныя отъ льдовъ, пространства. Въ ночь на 21-е шелъ сильный дождь при

NNW и температурѣ $+2^{\circ}$ Ц. Мы сдѣлали попытку найти далѣе въ морѣ мѣсто, гдѣ можно было-бы пробраться сквозь скученный ледъ. Но это не удалось по причинѣ сильнаго тумана.

22-го числа я сдѣлалъ съ поручикомъ Поландеромъ экскурсію на паровомъ катерѣ, съ цѣлью сдѣлать промѣръ по направленію къ востоку. Скоро намъ удалось отыскать довольно глубокое и не очень наполненное льдомъ русло, и 23-го «Вега» опять продолжала свой путь сквозь очень густой, пловучій ледъ, часто такъ близко къ берегу, что судно имѣло подъ килемъ только 1 футъ воды. Однако же она шла впередъ только медленно.

Земля представляетъ здѣсь богатую травой и еще свободную отъ снѣга равнину, возвышающуюся во внутрь отлогими холмами. Берегъ покрытъ не малымъ количествомъ сплаваго лѣса. Здѣсь и тамъ видны остатки жилищъ онкилоновъ. Въ ночь на 24-е мы опять пристали къ ставшему льду, въ довольно большомъ отверстіи въ ледяномъ полѣ. Въ продолженіи ночи это отверстіе закрылось и поэтому насъ задержало до 26, когда мы опять могли двинуться дальше, сначала съ трудомъ, потомъ въ довольно открытой водѣ до мыса, отмѣченнаго на картѣ мысомъ Онманъ, именемъ, которымъ называли его и туземцы, пришедшіе на судно. Встрѣченный въ тотъ-же день ледъ былъ больше прежняго прозраченъ и синеватаго цвѣта.

27-го мы продолжали путь по довольно свободной отъ льда водѣ до Колючинской бухты, потомъ сдѣлали въ ней большіе изгибы до ея восточнаго берега, около крайняго мыса котораго кинули якорь за два часа до заката солнца. Мы сдѣлали экскурсію на берегъ; лейтенанта Говарда на паровомъ катерѣ послали дѣлать промѣры пути. Одному изъ собирателей коллекцій поручили съ близъ лежащей горы осмотрѣть положеніе льда. И тотъ, и другой возвратились съ хорошими извѣстіями. Къ несчастью ночью сдѣлалось затишье, температура пала до 2° Ц. Не смотря на незначительный холодъ, вода покрылась вновь образовавшимся льдомъ, который, конечно, на болѣе открытыхъ мѣстахъ могъ задержать, но не преградить путь корабля, но который, однако, такъ крѣпко сковалъ скопившіяся у берега плавающія льдины, что судно съ помощью пара только съ трудомъ могло пробираться сквозь нихъ. Когда мы, на слѣдующій день, плыли мимо мыса, ограничивающаго съ запада Колючинскую бухту, полоса воды, свободная отъ стараго льда, но замершая за ночь, оказалась мелкой. Она стала слишкомъ мелка

для «Веги», которая поэтому принуждена была искать себѣ путь вѣ бухты между остановившимися и плавающими ледяными полями. Морозъ во время ночи связалъ ихъ такъ крѣпко, что сдѣлалось невозможнымъ протиснуться далѣе. Мы пристали къ остановившейся льдинѣ въ полной увѣренности, при первой перемѣнѣ вѣтра, опять освободиться и пройти тѣ нѣсколько миль, отдѣлявшихъ насъ теперь отъ открытой воды Берингова пролива, покидаемой китоловами часто только въ срединѣ октября.

Между тѣмъ эта надежда не сбылась. Съ 28-го сентября по день, когда я кончаю это письмо, властвовала здѣсь вначалѣ сильный, а затѣмъ нѣсколько слабѣвшій сѣверный вѣтеръ, нагонявшій все болѣе и болѣе громадныя льдины и понизившій температуру до—26° Ц. Вновь образовавшійся теперь ледъ, въ два фута толщиною, уничтожилъ всякую надежду освободиться отсюда раньше будущаго лѣта.

Зимняя гавань «Веги», какъ видно изъ приложенной карты, расположена на самой сѣверной части Берингова пролива въ соседствѣ съ лѣтнимъ кочевьемъ гинтленовъ, въ 3' отъ мѣста, которое на востокъ граничитъ Колючинскою бухтою, на 1' отъ берега и только 115' отъ выхода изъ Берингова пролива въ Тихій океанъ. Когда насъ затерло льдомъ, въ нѣсколькихъ минутахъ, далѣе къ востоку была свободная отъ льдовъ вода. При полномъ ходѣ для «Веги», вѣроятно, было-бы достаточно одного часа, чтобъ пройти это разстояніе, и если бы мы пришли сюда сутками раньше, ледъ не помѣшалъ-бы нашему проходу далѣе. Быть затертымъ такъ близко отъ цѣли путешествія было самымъ большимъ для меня несчастіемъ, съ которымъ я никогда не могъ примириться во все время моихъ путешествій. Но я долженъ утѣшиться благоприятнымъ, почти безпримѣрнымъ въ исторіи путешествій по Ледовитому морю, результатомъ, который уже достигнуть, тѣмъ, что мы имѣемъ хорошую гавань и увѣренность продолжать нашъ путь будущимъ лѣтомъ. Метеорологическія и магнетическія наблюденія, геологическія, ботаническія и зоологическія изслѣдованія, произвести которыя намъ представился случай, вполне искупаютъ всѣ непріятности невольной зимовки.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало видно, что мы должны будемъ здѣсь перезимовать, я искалъ случая послать нарочнаго изъ туземцевъ на какойнибудь почтовый пунктъ Сибири. Мнѣ удалось заставить чукчу, случайно посѣтившаго насъ, доставить нѣсколько писемъ

въ Анадырскъ. Я, однакожь, опасаясь, что эти письма дойдутъ до мѣста назначенія только черезъ годъ. Намъ поэтому пріятно было, когда одинъ житель деревни Пидлинъ, на восточной сторонѣ Колочинской бухты, предложилъ недавно доставить двоихъ изъ насъ въ Анадырскъ или Нижне-Колымскъ. Предложеніе тотчасъ было принято. Лейтенанты Нордквистъ и Бове вызвались предпринять это, несомнѣнно пріятное, по причинѣ времени года, путешествіе Они уѣдутъ завтра.

Это путешествіе состоялось такъ неожиданно, что я принужденъ былъ отложить до болѣе удобнаго случая отправить окончаніе письма, въ которомъ я собираюсь доказать всю важность путешествія «Веги» для будущихъ плаваній вдоль сѣвернаго берега Азіи, и кончить отчетъ о нашихъ ученыхъ трудахъ, зимовкѣ на Вегѣ и т. д. Я еще разъ повторяю, что для нашихъ домашнихъ нѣтъ никакой причины беспокоиться; что зимняя гавань безопасна; здоровье всѣхъ отлично; запасы пищи, топлива, зимней одежды достаточны, на кораблѣ тепло, удобно и все хорошо снаряжено. О попыткѣ подать намъ помощь, понятно, не можетъ быть и рѣчи.

Почтительно и съ благодарностью

А. Е. Норденшѣльдъ.

IV.

Сѣверная часть Берингова пролива, зимовка „Веги“, 7-го января 1879 г. (26-го декабря 1878 года).

Высокоуважаемый г. Диксонъ!

Путешествіе лейтенантовъ Бове и Нордквиста въ Нижне-Колымскъ не могло состояться по той причинѣ, что приглашенный для сопровожденія путешественниковъ чукча, пообѣдавъ хорошенько и выпивъ полбутылки рому, рѣшительно заявилъ о невозможности отправиться въ путь въ это темное время года, тѣмъ болѣе, что и онъ, и его собаки будутъ сильно страдать отъ холода. Онъ готовъ былъ исполнить свое обѣщаніе, но не ранѣе будущей весны. Не смотря на всѣ наши увѣщанія, сопровождавшіяся заманчивыми для туземца предложеніями награды, въ видѣ табаку, ножей, иголокъ, оружія, пороха, свинца, рома и пр., чукча оставался непреклоненъ. Попытка раздобыться другою запряжкой собакъ также не удалась и мысль о путешествіи пришлось оставить до болѣе благопріятнаго времени.

Лейтенантъ Нордквистъ, который предпринималъ нѣсколько небольшихъ экскурсій во внутрь страны для изученія чукотскаго языка и нравовъ этого племени, уговорилъ все-таки одного туземца отправиться съ нимъ въ Анадырскъ. Разстояніе отсюда до Нижне-Колымска по прямой линіи 120 шведскихъ миль, а до Анадырска отъ 80 до 60 миль.

Этимъ случаемъ я воспользовался для пересылки вамъ описанія нашего путешествія до 28 сентября, отъ устья Лены до залива Колочина, а также и выписки изъ журнала наблюденій надъ погодю и земнымъ магнетизмомъ за мѣсяцы: октябрь, ноябрь и декабрь. Когда нѣтъ перемѣнъ въ здоровьи экипажа или въ положеніи льда, тогда перемѣны въ погодѣ составляютъ единственные важныя событія въ нашемъ тѣсномъ кругу.

Для успокоенія нашихъ родныхъ, оставшихся дома, считаю долгомъ сообщить, что все у насъ обстоитъ благополучно. Веѣ наши люди сохраняютъ привычную бодрость; наши отношенія къ туземцамъ какъ нельзя болѣе дружественны, не только въ Интленѣ и Питлекаѣ, близъ нашей зимней стоянки, но и къ жителямъ всего этого края. Въ прежнія времена чукчи были опасны и вступали въ довольно серьезныя столкновенія съ значительными русскими отрядами, но это время уже прошло давно; теперь-же все чукотское население не устояло-бы противъ экипажа «Веги», если дѣло дошло бы до схватки. Наше судно не потерпѣло никакихъ поврежденій, оно здѣсь стоитъ также покойно, какъ въ какой-либо гавани сѣверной части Ботническаго залива, имѣя такую-же вѣроятность освободиться отъ льда. То обстоятельство, что судно наше замерзло на разстояніи менѣе чѣмъ на одну шведскую милю отъ открытаго моря, довело мнѣ столько неприятныхъ минутъ, сколько не переживалъ я во всю свою жизнь. Во всякомъ случаѣ мнѣ остается то утѣшеніе, что мы выполнили едвали не важнѣйшую часть нашей задачи относительно пути въ Полярномъ морѣ; *мы настолько-же твердо убѣждены въ возможности обойти Азію Сѣвернымъ океаномъ, на сколько мореплаватели, отправляющіеся изъ Балтійскаго моря въ Китай, уверены достигнуть цѣли своего путешествія.*

Это меня наводитъ на мысль объ историческомъ значеніи вопроса, за рѣшеніе котораго мы взялись. Еще болѣе 2,000 лѣтъ назадъ, по приказанію Александра Великаго, была снаряжена экспедиція изъ Индуса въ Персидскій заливъ вдоль берега извѣстной уже тогда части азіатскаго материка. Это путешествіе извѣстно подъ названіемъ «*Nearchi periplus*». Удачное исполненіе этого порученія Александръ сравнилъ съ самою блестящею побѣдою надъ неприятелемъ. Замѣчательно то, что Неархъ, во время своего путешествія, встрѣтилъ на юго-западномъ берегу Азіи народъ, который въ образѣ жизни имѣлъ много сходнаго съ тѣми племенами, которыя нынѣ населяютъ часть сѣверо-восточной Азіи *).

*) Для полученія вѣрнаго историческаго взгляда на нашъ путь рекомендуемъ: W. Stevenson: Historical sketch of the progress of discovery, navigation and commerce. Edinburgh 1824. (Это сочиненіе составляетъ 18-й томъ „Collection of Voyages and Travels (Kerr). I. Barrou: A chronological history of the purpose of discovery a North—East, Nord—West and Polar passage between the Atlantic and Pacific. London. 1818.

Въ настоящее время я опасаясь особенно, чтобъ наша зимовка не подала повода къ какому нибудь предпріятію для отысканія насъ. Это было-бы совершенно излишне.

А. Е. Норденшѣльдъ.

20 февраля.

Р. С. Одинъ чукча отправляется сейчасъ въ Нижне-Колымскъ. Съ нимъ я посылаю письма. Предполагаемое путешествіе въ Анадырскъ не состоялось. Все обстоитъ благополучно. Чукча не хочетъ ждать. Въ торопяхъ.

А. Е. Н.

ОТЧЕТЪ ОБЪ ЭКСПЕДИЦИИ 1878 — 79 г.

I.

Съ 27-го сентября 1878 г. по 1-е апрѣля 1879 г.

Какъ я сообщалъ уже въ моемъ предъидущемъ отчетѣ, 27-го сентября «Вега» подошла къ внутренней сторонѣ мыса, который къ востоку образуетъ границу Колючинскаго залива. Хотя въ теченіе дня намъ нѣсколько разъ пришлось ходить по вновь образовавшемуся на водѣ льду, но онъ нигдѣ еще не былъ на столько крѣпокъ, чтобы могъ окончательно служить препятствіемъ для нашего плаванія. Погода была тихая и прекрасная, при температурѣ немного ниже нуля. Ничто слѣдовательно не предвѣщало, что уже въ ближайшіе дни море не на шутку явится заключеннымъ въ свои зимнія оковы.

Когда «Вега» приблизилась къ восточному берегу Колючинскаго залива, то съ марса можно было видѣть, что плавающіе льды лежали такъ близко отъ оконечности мыса, что только у самаго берега оставался небольшой узкій протокъ. День уже клонился къ вечеру, и можно было опасаться, что фарватеръ около мыса окажется недостаточно глубокимъ для нашего корабля, осадка котораго была нѣсколько велика для береговаго плаванія въ Ледовитомъ океанѣ Сибири. Поэтому мы бросили якорь, чтобы въ теченіе вечера съ бота измѣрить лотомъ глубину ближайшаго отъ берега протока. Самъ я вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сопровождающихъ меня натуралистовъ съ большой охотой воспользовался этимъ случаемъ для прогулки на материкъ, представляющій здѣсь въ научномъ отношеніи почти совершенно невѣдомый край. Когда стемнѣло, боть вернулся съ извѣстіемъ, что фарватеръ вдоль берега достаточно глубокъ, и что съ возвышенности на мысѣ можно было замѣтить до-

вольно пространный протокъ и дальше вдоль береговъ. Поэтому всѣ легли спать съ надеждою, что на слѣдующій день можно будетъ пройти большую часть того незначительнаго разстоянія, которое еще отдѣляло насъ отъ Тихаго океана.

28-е сентября наступило при постоянно ясной и прекрасной погодѣ. Въ ночь море покрылось свѣжимъ слоемъ льда, толщиной въ 5 сантиметровъ, который самъ по себѣ еще не представлялъ никакого препятствія для дальнѣйшаго плаванія «Веги». Якорь былъ поднятъ, и мы продолжали свой путь. Все шло довольно удачно, пока мы не отошли на нѣсколько километровъ отъ вышеупомянутаго мыса. Начиная отсюда, вода на нашемъ пути все становилась мельче. Болѣе глубокаго фарватера приходилось искать далѣе отъ берега между плавающими льдинами, но онѣ были такъ плотно связаны между собою образовавшимися въ истекшія сутки льдомъ, что всѣ попытки пробиться дальше остались безуспѣшны, такъ что, какъ это случалось уже нѣсколько разъ и прежде въ послѣдней части пройденнаго нами пути, намъ пришлось остановиться при какой нибудь неподвижной льдинѣ, чтобы выждать болѣе удобнаго расположенія ледяныхъ массъ. Зная, что южный вѣтеръ можетъ въ нѣсколько часовъ разогнать льды, загораждающіе намъ путь, и успокоивъ себя тѣмъ, что нерѣдко китолоты оставляли эти края не ранѣе половины октября, я въ началѣ мало заботился объ остановкѣ, которою мы, какъ сказано, воспользовались для экскурсіи на сушу и для ознакомленія съ туземными жителями. Однако-жъ сутки проходили за сутками, не принося никакой перемѣны, и для меня сдѣлалось ясно, что мы должны готовиться къ зимовкѣ. Это было неожиданнымъ препятствіемъ, которое казалось тѣмъ болѣе несноснымъ, что было очевидно, что мы могли бы избѣгнуть его, прибывши нѣсколькими часами ранѣе къ восточной сторонѣ Колючинскаго залива, тѣмъ болѣе, что не разъ представлялся случай наверстать упущенное время.

Между тѣмъ положеніе корабля было отнюдь небезопасно, такъ какъ «Вега» во время замерзанія стояла не на якорѣ въ гавани, а, въ ожиданіи благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго плаванія, была только привязана сзади къ огромной льдинѣ, которая остановилась на глубинѣ $9\frac{1}{2}$ метр., въ разстояніи 1,400 метровъ отъ берега, на рейдѣ совершенно открытомъ съ сѣвера. Для нея не было здѣсь другой защиты отъ сильнаго давленія льдовъ, которое зимнія бури производятъ обыкновенно въ полярныхъ моряхъ, кромѣ

пригнанной проливомъ ледяной глыбы, которую море легко могло потопить и отнести прочь. Впрочемъ положеніе «Веги» могло бы быть еще хуже: именно, въ началѣ, она была привязана къ нѣсколькимъ другимъ ледянымъ глыбамъ, остановившимся на разстояніи 200 метрами ближе къ материку, но во время была отведена оттуда вслѣдствіе того, что у ней подъ килемъ было всего нѣсколько дюймовъ воды. Еслибы «Вега» затерло на этомъ мѣстѣ, то намъ пришлось бы худо, ибо новообразовавшійся ледъ былъ во время осеннихъ бурь притиснуть поверхъ ледяныхъ глыбъ, такъ что ледяной слой, имѣвшій до $\frac{1}{2}$ метра въ толщину, былъ раздробленъ на тысячи частей, которыя громоздились на лежащей подъ нимъ льдинѣ въ видѣ колоссальнаго тороса или вала изъ угловатыхъ ледяныхъ обломковъ. Корабль, ошвартовавшійся въ этомъ мѣстѣ, съ наступленіемъ осени навѣрно былъ бы разбитъ въ дребезги.

Ледяная же глыба, къ которой была теперь привязана «Вега», имѣла около 40 метр. длины и 25 метр. ширины. Самая верхняя точка ея находилась на вышинѣ 6 метр. надъ уровнемъ воды. Она была слѣдовательно не очень велика, но все-таки представляла хорошую защиту для корабля. Конечно эта льдина вмѣстѣ съ кораблемъ и съ образовавшимся по ея другую сторону льдомъ подвинулась во время сильныхъ осеннихъ бурь нѣсколько ближе къ берегу; частый трескъ въ остовѣ корабля показывалъ, что послѣдній подвергался давленію льдовъ, но впрочемъ до сихъ поръ никакого особаго вреда «Вега» оттого не потерпѣла, равно какъ и отъ сильнаго холода, съ наступленіемъ котораго только безпрестанно слышавшійся на ней трескъ возвѣщалъ намъ, что раздалась какая нибудь старая трещина вслѣдствіе замерзанія проникшей въ нее воды.

Мѣсто нашей зимней стоянки подъ $67^{\circ}7'$ сѣв. ш. и $173^{\frac{1}{2}}{}^{\circ}$ вост. д. гринв. мерид., у азиатскаго берега сѣверной части Берингова пролива.

Ближайшая къ нему земля образуетъ слегка волнообразную равнину, къ югу ограничиваемую постепенно возвышающимися холмами, которые, по разсказамъ туземцевъ, достигаютъ далѣе вглубь страны значительной высоты. Эта плоскость большею частью покрыта обширными лагунами, которыя отдѣляются отъ моря низкими дюнами, образовавшимися вслѣдствіе натиска льда и прибоя волнъ. При нашемъ прибытіи почва хотя уже промерзала и была покрыта инеемъ, но снѣгу еще не было, такъ что наши ботаники имѣли возможность составить себѣ понятіе о неизвѣстной до сихъ поръ

флорѣ здѣшняго края. У самаго берега они встрѣтили густыя массы *Elamius*'а переплетенныя съ *Halianthus perloides*; а далѣе слѣдовала тощая песчанистая равнина, покрытая только черными, слоеобразными лишаями (*Gyrophora proboscidea*) и рѣдкими цвѣтущими растеніями, изъ которыхъ *Artemia sibirica* была наиболѣе обыкновенна. Далѣе къ югу простиралась мѣстность, покрытая лагунами и небольшими озерами, берега которыхъ были покрыты роскошнымъ растительнымъ ковромъ, состоящимъ изъ разныхъ породъ травъ и осоки. Но только на окрестныхъ возвышенностяхъ, гдѣ вывѣтрившіеся слои гнейса и долорита образовали болѣе богатую почву чѣмъ тощія песчаныя насыпи, намытыя моремъ,—растенія принимаютъ болѣе разнообразный характеръ. Здѣсь встрѣчаются, кромѣ ивняка, обширныя густо-разросшіеся ковры изъ *Empetrum nigrum* и *Andromeda tetragona* и большія кочки, покрытыя однимъ изъ видовъ *Artemisia*. Между ними выростаеъ лѣтомъ, судя по засохшимъ и замерзшимъ остаткамъ растеній, осенью собраннымъ д-ромъ Кіельманомъ, пестрая семья породъ, отчасти хорошо знакомыхъ намъ на родинѣ, какъ напр., брусника, морошка и одуванчики (*Taraxacum officinale*), а также и другія растенія, свойственныя странамъ крайняго сѣвера.

На непріютныхъ песчаныхъ перешейкахъ, отдѣляющихъ лагуны отъ моря, находится два чукотскихъ поселенія. То изъ нихъ, которое находилось ближе къ мѣсту зимней стоянки «Веги», называлось Питлекай. Первоначально оно состояло изъ семи юртъ, но вслѣдствіе недостатка въ пищѣ жители его мало по малу выселились (послѣдніе въ февралѣ) въ мѣстность, прилегающую къ Берингову проливу и болѣе богатую рыбой. Выселяясь, они взяли съ собой лишь самое необходимое, такъ какъ намѣревались вернуться въ то время года, когда ихъ промыселъ опять сдѣлается болѣе прибыльнымъ.

Другое поселеніе, Йинретленъ, лежало ближе къ мысу, выступающему въ сторону Колючинскаго залива, и при нашемъ прибытіи въ немъ было также семь юртъ, жители которыхъ казались болѣе зажиточными, нежели въ первомъ поселкѣ. Осенью ловъ у нихъ былъ удачнѣе, и они собрали больше запасовъ; такъ что только не многіе изъ нихъ принуждены были выселиться въ продолженіе зимы. Слѣдующія чукотскія жилия мѣста были расположены на болѣе отдаленномъ разстояніи отъ нашей стоянки, но все же достаточно близко, чтобы намъ было возможно довольно часто посѣ-

щать ихъ обитателей. Это были—Пидлинъ, на восточной сторонѣ Колючинскаго залива, 4 юрты; Колючинъ, на остр. того же имени, 25 юртъ; Рирайтинопъ, лежащій въ 6 километрахъ къ востоку отъ Питлекая, 3 юрты; Иргуннукъ, лежащій въ 7 километрахъ также къ востоку отъ Питлекая, 10 юртъ, изъ которыхъ однако въ февралѣ осталось только четыре. Жители же остальныхъ шести въ это время уже искали на зиму лучшихъ мѣстъ для лова, далѣе по направлению къ востоку.

Число лицъ, приходящихся на каждую юрту, было не легко опредѣлить, такъ какъ чукчи, охотники до болтовни и сплетенъ, безпрестанно гостятъ другъ у друга; среднимъ числомъ однакожъ можно положить отъ 3 до 6 человѣкъ. Такимъ образомъ, если считать и жителей Колючинскаго острова, число жившихъ въ нашемъ сосѣдствѣ туземцевъ можно считать около 200 душъ.

Когда мы были затерты льдами, слой льда у самаго берега былъ еще слишкомъ тонокъ, чтобы сдержатъ пѣшехода, такъ что переправа съ берега на корабль, при тѣхъ средствахъ, которыми для этого располагали чукчи, была сопряжена съ значительными затрудненіями. Лишь только замѣтили насъ жители, то ими овладѣло самое напряженное любопытство. Мужчины и женщины, дѣти и собаки, съ озабоченнымъ и растеряннымъ видомъ, бѣгали взадъ и впередъ по берегу. Они, какъ было замѣтно, боялись, какъ бы не упустить отличный случай вымѣнять себѣ табакъ и водки. Они нѣсколько разъ пытались спустить на воду свои лодки, но безуспѣшно, пока наконецъ имъ не удалось спустить въ сосѣдній съ кораблемъ, почти свободный ото льда протокъ кожаную байдару, и набившись въ нее биткомъ, они немедленно направились къ кораблю, несмотря, на очевидную опасность, сопряженную съ переправою въ такомъ углу челибъ сквозь новообразовавшийся ледъ. Эта наша первая встрѣча отличалась самымъ сердечнымъ характеромъ и послужила исходною точкой для отлично хорошихъ отношеній, неизмѣнно сохранявшихся между нами во все время нашего здѣсь пребыванія. Молва о прибытіи невиданныхъ доселѣ чужеземцевъ вѣроятно быстро растространилась, потому что вскорѣ насъ стали посѣщать даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, и «Вега» наконецъ сдѣлалась станціей, куда направляли своихъ собакъ проѣзжіе, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ найти удовлетвореніе своему любопытству или выпросить добрымъ словомъ либо въ обмѣнъ на какой нибудь болѣе существенный товаръ теплой пищи, немного табакъ и, когда стояла

*

суровая погода, рюмку водки, называемой у чукчей «рамъ». Нашимъ посѣтителемъ предоставлялась полная свобода разгуливать по загроможденной множествомъ разныхъ предметовъ палубѣ; между тѣмъ намъ ни разу не пришлось пожаловаться на пропажу даже ничтожнѣйшей изъ вещей. Честность казалось была здѣсь столь же укоренившеюся, какъ у нашихъ лопарей. Хотя съ другой стороны чукчи иногда невыносимо докучали своимъ попрошайничествомъ, не сдерживаемымъ ни малѣйшимъ чувствомъ самоуваженія. Какъ можно болѣе воспользоваться при обмѣнѣ товаровъ глубокою, по ихъ мнѣнію, непрактичностью европейцевъ считалось у нихъ не порокомъ, а заслугой. Иногда напр. они продавали два раза одну и ту же вещь; обыкновенно они бывали щедръ на обѣщанія, которыхъ вовсе не думали потомъ исполнять, и часто грѣшили противъ правды при продажѣ своего товара. Снявши шкуру и отрѣзавъ голову и лапы у лисицы, не рѣдко они продавали ее за зайца, и забавно было видѣть, какъ они бывали изумлены, когда мы немедленно же уличали ихъ въ обманѣ.

Совершенное незнакомство чукчей съ деньгами и собственный нашъ небольшой запасъ предметовъ по ихъ вкусу принуждали, впрочемъ, и насъ держаться высокой цѣны при запросѣ по крайней мѣрѣ за нѣкоторые изъ нашихъ товаровъ. Обычный предметъ сбыта полярныхъ странъ—мѣха и жиръ—къ немалому изумленію туземцевъ, не покупались на «Вегѣ». Напротивъ вымѣнивались въ полномъ составѣ вооруженіе, платье и хозяйственные принадлежности. Все это пріобрѣталось исключительно на счетъ и въ пользу экспедиціи, и вообще собраніе естественно-научныхъ и этнографическихъ предметовъ на собственный счетъ было строго запрещено.

Когда чукчи постепенно вошли во вкусъ нашей пищи, то стали ежедневно таскать къ намъ на палубу, особенно когда у нихъ ловъ оказывался неудаченъ, бревна пловучаго лѣса, позвонки и инныя китовыя кости, вымѣнивая ихъ на хлѣбъ, причемъ за возъ изъ 5-ти бревенъ лѣсу, отъ 4 до 5 дюйм. въ поперечникѣ и въ 1 саж. длиною, они обыкновенно получали 2—3 сухаря (т. е. около 250 граммъ хлѣба), за китовый позвонокъ столько же и т. д. въ томъ же родѣ.

Мало по малу нѣкоторые изъ молодыхъ туземцевъ усвоили себѣ обыкновеніе ежедневно являться къ намъ на корабль для исполненія—разумѣется не слишкомъ ревностнаго—разнаго рода служительскихъ обязанностей. Поваръ сдѣлался ихъ патрономъ и взаимнѣ

своихъ услугъ они получали отъ него на свою долю, изъ остатковъ нашего стола. Частью такимъ образомъ, частью въ видѣ подарковъ у насъ израсходовалось столь значительное количество съѣстныхъ припасовъ, что мы конечно въ замѣтной 'степени способствовали облегченію голодовки, которая въ срединѣ зимы грозила было возникнуть въ средѣ мѣстнаго населенія. Никто изъ туземцевъ, жившихъ по сосѣдству съ «Вегой», не исповѣдывалъ христіанства, также какъ никто изъ нихъ не говорилъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, хотя инне между ними и знали по нѣскольку англійскихъ словъ или умѣли произнести по русски привѣтствіе. Это обстоятельство было весьма непріятно, такъ какъ затрудняло насъ во многихъ отношеніяхъ. Лейтенантъ Нордквистъ началъ заниматься ихъ языкомъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ могъ уже довольно хорошо объясняться съ ними. Плодомъ этихъ занятій, какъ я надѣюсь, будетъ изданіе обширнаго сборника словъ этого малоизвѣстнаго языка вмѣстѣ съ очеркомъ его грамматическаго строя.

Когда льдами затерло нашъ корабль, море у береговъ, какъ было уже замѣчено, покрылось новообразовавшимся льдомъ, слой котораго былъ слишкомъ тонокъ, чтобы сдержатъ пѣшехода, но достаточной толщины, чтобы не давать боту двигаться впередъ. Далѣе же отъ берега въ морѣ, насколько было видно глазу, лежали плавающие льды такой густой массой, что даже «Вега», при всей крѣпости своей носовой части, не могла бы себѣ проложить здѣсь пути. Уже 2-го октября можно было съ надлежащею осторожностью ходить по замерзшему около корабля льду, а 3-го октября чукчи уже пѣшкомъ пришли съ берега на корабль. Но еще 10-го тамъ и сямъ между кораблемъ и берегомъ ледъ былъ недостаточно проченъ, а синеватая полоса, виднѣвшаяся къ востоку, указывала на присутствіе полои воды въ томъ направленіи. Съ цѣлью доставить себѣ понятіе объ открытой части моря, д-ръ Альмквистъ предпринялъ 13-го октября экскурсію пѣшкомъ по льду, по направленію къ сѣверо-востоку, идя по слѣдамъ чукчей, отправившихся на охоту за моржами. Послѣ странствованія на протяженіи около 20 километровъ, чрезвычайно затрудняемаго неровною поверхностью льда, намерзшаго поверхъ густо сплоченныхъ пловучихъ льдинъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга изрѣдка небольшими пространствами свѣжаго ледянаго слоя, онъ возвратился назадъ, не достигнувъ открытой воды, до которой казалось еще было далеко. Было очевидно, что

«Вегу» окружалъ широкій поясъ смершихся между собою плавающихъ льдовъ, такъ что для осуществленія долго питаемой мною надежды, что еще осенью разобьются льды, оказывалось теперь слишкомъ мало шансовъ. Новый ледъ былъ отъ времени до времени измѣряемъ лейтенантомъ Брусевитпомъ, причемъ получены слѣдующіе результаты:

Толщина льда	1-го декабря—	56 сантиметр.	
>	>	1-го января—	92 >
>	>	1-го февраля—	108 >
>	>	15-го >	—120 <
>	>	1-го марта	—123 >
>	>	1-го апрѣля—	127 >

Въ этомъ могучемъ ледяномъ слоѣ въ теченіе зимы часто появлялись трещины или проруби, простиравшіяся иногда на весьма значительное разстояніе. Онѣ тянулись безъ перерыва какъ сквозь новые льды, такъ и между старыми высокими ледяными глыбами. Одна изъ наиболѣе значительныхъ трещинъ образовалась въ ночь на 15-е декабря какъ разъ противъ носа корабля. Она была 2—3 футовъ въ ширину и притомъ чрезвычайно длинна. Обыкновенно же трещины имѣли въ ширину не болѣе нѣсколькихъ дюймовъ, но тѣмъ не менѣе представляли большое неудобство, такъ какъ сквозь нихъ во время прилива вода заливала верхнюю поверхность льда, разрыхляя покрывавшій ее снѣгъ. Трещины эти возникали или оттого, что сильный вѣтеръ измѣнялъ прежнее положеніе льдовъ, или же вслѣдствіе сжатія льда подъ вліяніемъ сильнаго холода. Надтрескивание льдовъ сопровождается обыкновенно болѣе или менѣе сильнымъ шумомъ и совершается, судя по раздающемуся треску, чаще, чѣмъ можно бы было это замѣтить по внѣшнему виду снѣгомъ покрытыхъ льдинъ. Даже при сильномъ морозѣ ледяной покровъ моря, повидимому связанный въ одну сплошную массу, остается раздробленнымъ на безчисленные куски, однакоже плотно прилегающіе другъ къ другу, причемъ они иногда слабо связываются между собою тонкою полосой льда, мало по малу образовавшеюся подъ снѣгомъ, благодаря проникающей сквозь трещину водѣ. Даже на разстояніи 6 километровъ отъ берега ледъ лежалъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе зимы, совершенно неподвижно, за исключеніемъ уже упомянутыхъ незначительныхъ трещинъ. Дальше въ морѣ напротивъ льды находились въ безпрестанномъ движеніи. Свободная отъ льдовъ вода

или такъ называемыя «полыньи» остаются тамъ вѣроятно круглый годъ, и при удобномъ направленіи вѣтра можно было видѣть, при южной окраинѣ ледянаго пространства, синеватый паръ отъ воды, въ направленіи отъ NW къ O. Южный вѣтеръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, настолько приблизилъ къ кораблю открытый фарватерь или полынью, что потребовалось всего нѣсколько часовъ, чтобы дойти туда. Эта полынья здѣсь кишѣла тюленями, что доказываетъ, что она стояла въ связи съ открытымъ моремъ. Отъ такого сосѣдства съ моремъ зависѣло можетъ быть и то обстоятельство, что намъ вовсе не приходилось замѣчать тюленихъ норъ на льдахъ, окружавшихъ корабль.

1-го января 1879 г, лейтенантъ Бове, въ сопровожденіи охотника Ионсена, совершилъ экскурсію къ открытой водѣ. Объ этомъ онъ самъ рассказываетъ слѣдующее: «Я оставилъ корабль утромъ и пришелъ къ мѣсту. полыньи послѣ неторопливой четырехчасовой ходьбы. Глубокій и рыхлый снѣгъ дѣлалъ ее очень затруднительной, чему способствовали и лежавшія тремя рядами ледяныя глыбы неправильной формы или «торосы», окруженные къ тому же трещинами, частью прикрытыми снѣгомъ. Одна изъ такихъ глыбъ достигала вышины въ 10 метровъ. Величина ледяныхъ глыбъ показывала, какія могучія силы дѣйствовали при ихъ образованіи. Эти ледяные валы представляли собою теперь весьма желанную защиту для «Веги» въ ея ненадежномъ зимнемъ пристанищѣ. Почти на половинѣ пространства, отдѣлявшаго полую воду отъ корабля, путь пресѣкался трещинами, шедшими въ направленіи отъ востока къ западу и ясно показывавшими, что полынья расширилась бы до разстоянія одного километра отъ корабля, если бы сильная буря въ декабрѣ продолжилась на лишніе 12 часовъ, а это угрожало бы значительною опасностью для корабля. Ледъ по окраинамъ открытой воды былъ до такой степени ровенъ, какъ будто его пересѣкло какимъ-то исполинскимъ ножомъ, и такъ крѣпокъ, что на краю его можно было ходить, какъ на краю какого нибудь утеса. Даже съ вершины ледяной глыбы вышиною въ 5 метровъ нельзя было разглядѣть, въ направленіи къ NO и N, предѣловъ подлой воды. Частью на этомъ основаніи, частью изъ разстоянія, на которое простирались въ сказанномъ направленіи синеватыя полосы воды, я дѣлаю заключеніе, что ширина открытой воды въ морѣ была по крайней мѣрѣ въ 35 километровъ. Границу же къ востоку составляла направлявшаяся къ сѣверу ледяная стѣна, которая на 9—10 километровъ дальше, какъ

казалось, сама поворачивала къ востоку. Можно думать, что по другую сторону связаннаго «тороса» находился другой, еще болѣе восточный, водный бассейнъ. Глубина у краевъ льда была 12 сажень, температура же—2° Ц. Течение воды шло, при значительной скорости, прямо отъ берега (въ направленіи SSO), и такъ какъ берегъ тянулся почти по прямой линіи, то сказанное течение, повидимому, зависѣло отъ прилива и отлива. По рассказамъ Ионсена, открытое море кишѣло тюленями какъ крупной (*Phoca barbata*), такъ и мелкой породы (*Phoca hispida*); но за то вовсе не появлялось ни бѣлыхъ медвѣдей, ни моржей и ни птицъ.

Чукчи надѣялись, что открытая вода по сосѣдству съ берегомъ продержится еще нѣкоторое время и въ январѣ, но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, вслѣдствіе чего у нихъ оказался такой недостатокъ въ пищѣ и прежде всего въ рыбьемъ жирѣ, что всѣ жители, ближайшаго отъ насъ, поселенія Питлекая были вынуждены переселиться далѣе къ востоку, несмотря на то, что ежедневно значительное количество пищи раздавалось имъ съ корабля для облегченія въ ихъ нуждѣ.

Во время продолжительныхъ суровыхъ морозовъ въ январѣ мѣсяцѣ, при которыхъ температура не разъ надала ниже точки замерзанія ртути, море казалось совсѣмъ замерзшимъ на большомъ разстояніи отъ берега; но уже 7-го февраля опять наступила болѣе мягкая погода съ восточными и южными вѣтрами. Въ этотъ же день была замѣчена узкая полоса воды по направленію къ NO, а съ вершинъ холмовъ на берегу виднѣлась и свободная отъ льдовъ вода, доходившая до него на довольно близкое разстояніе тамъ, гдѣ находится мѣсто поселенія Иргуннукъ. На нѣсколько километровъ далѣе къ востоку даже у самаго берега не было болѣе льда, а съ береговыхъ холмовъ наши моряки, какъ имъ казалось, даже замѣтили сильное морское волненіе въ синеватой полосѣ воды, ограничивавшей горизонтъ. Поэтому можно полагать, что открытая вода занимала весьма обширное пространство. Очень возможно, что рассказы туземцевъ о томъ, что она доходила до самаго Беринговаго пролива, были и справедливы; но мы не могли на нихъ положиться, послѣ того какъ имѣли неосторожность награждать ихъ небольшими подарками за нѣкоторыя ихъ предсказанія о погодѣ, обѣщавшія намъ скорое освобожденіе.

Чукчи пользовались теперъ богатымъ ловомъ и лакомились, по обыкновенію при избыткѣ не заботясь о будущемъ. Какъ былъ ве-

ликъ уловъ—видно напр. изъ того, что въ одной изъ юртъ нами было замѣчено до сорока пяти мелкихъ тюленей (*phoca hispida*), кромѣ въ изобиліи пластами наложеннаго жиру. Дѣти, за послѣднія недѣли нѣсколько отошавшія (хотя лишь по сравненію съ упитанными чукотскими дѣтьми, а отнюдь не съ нашими европейскими), начали вскорѣ принимать прежній ожирѣлый видъ, равно какъ и взрослые. Однакожъ палуба нашего корабля продолжала быть сборнымъ мѣстомъ для цѣлой кучи чукчей — какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей. Многіе изъ нихъ проводили здѣсь, веселые и довольные, при температурѣ 40° Ц. ниже нуля, большую часть дня. Хотя они не терпѣли болѣе ни въ чемъ недостатка, тѣмъ не менѣе они по прежнему оставались падкими до европейской пищи. Ради полученія ея, они даже подвергали себя нѣсколько болѣе усиленному труду и вымѣнвали на хлѣбъ и иную пищу такіа произведенія собственнаго искусства, которыя они считали наиболѣе любопытными для иностранцевъ. Кромѣ предметовъ, интересныхъ въ собственно этнографическомъ отношеніи, я однимъ такимъ способомъ приобрѣлъ большое количество образчиковъ, какъ обыкновеннаго рисунка, такъ и рѣзной работы на кости, которые могутъ съ пользою служить для характеристики искусства въ изображеніи предметовъ и вкуса у этого народа, еще стоящаго на степени каменнаго періода, такъ какъ у чукчей до сихъ поръ въ употребленіи каменные орудія. Я обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, такъ какъ вообще желательно бы найти надежную точку исхода при изученіи палеолитическихъ рисунковъ, въ такой степени заинтересовавшихъ въ послѣднее время ученый міръ. Я доставлю нашему этнографическо-географическому обществу дополнительныя объясненія, съ приложеніемъ рисунковъ, какъ относительно составленной мною упомянутымъ способомъ коллекціи, такъ и обычаевъ замѣчательнаго полярнаго народа, съ которымъ намъ пришлось здѣсь находиться въ сношеніяхъ.

Лейтенантъ Нордквистъ собралъ съ заходившихъ къ намъ чукчей разнаго рода показанія относительно положенія льдовъ между Чаунскимъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ въ разное время года. Въ виду чрезвычайнаго значенія этого вопроса въ чисто-практическомъ отношеніи, я дословно приведу приобретенныя имъ такимъ образомъ свѣдѣнія.

«Показанія, полученныя отъ туземныхъ чукчей о положеніи льдовъ между мысомъ Яканомъ и Беринговымъ проливомъ.

1) Чукча изъ Якананенмичикана, близъ мыса Якана, говорилъ, что тамъ бываетъ обыкновенно открытая вода въ морѣ все лѣто.

2) То же подтвердилъ чукча изъ Кинманкана, лежащаго къ западу отъ мыса Якана.

3) Чукча съ Якана рассказывалъ, что море тамъ освобождается отъ льдовъ въ концѣ мая или началѣ июня. Напротивъ того, зимою вода тамъ никогда не бываетъ открытой.

4) Татанъ изъ Якана передавалъ, что море тамъ остается открытымъ съ конца мая или начала июня до послѣднихъ дней сентября или начала октября, когда льды начинаютъ приносить къ материку.

5) Рикіонъ съ Ванкаремы сказывалъ, что море тамъ бываетъ покрыто льдами зимою, но свободно отъ нихъ лѣтомъ.

6) Олений чукча Рочетленъ, живущій почти на 12 англ. миль отъ мѣста зимней стоянки «Веги», говорилъ, что Колючинскій заливъ, называемый у чукчей Пидлиномъ, бываетъ лишенъ льда во все лѣто.

7) Уртридлинъ изъ Колючина сказалъ, что ни вблизи этого острова, ни вообще въ Колючинскомъ заливѣ вовсе нѣтъ льдовъ въ лѣтнее время.

8) Ранау изъ Йинретлена также сообщилъ, что Колючинскій заливъ постоянно бываетъ открытъ лѣтомъ.

9) Этгуй изъ поселенія Неттея, между Иргуннукомъ и Беринговымъ проливомъ, рассказывалъ, что море при Неттеѣ лишено льдовъ лѣтомъ независимо отъ вѣтровъ, зимою же исключительно при южномъ вѣтрѣ.

10) Ванкаттэ изъ Неттея говорилъ, что море тамъ освобождается ото льдовъ въ мѣсяцѣ «Таутиядлинъ», т. е. въ послѣдней части мая и началѣ июня, и опять покрывается льдами въ мѣсяцѣ «Кучкау» или въ октябрѣ и ноябрѣ.

11) Кеплепя изъ селенія Иргуннука, лежащаго въ 5 англійскихъ миляхъ къ востоку отъ зимней стоянки «Веги», при Питлекаѣ, увѣрялъ, что море на этомъ промежуточномъ пространствѣ лишено льда все лѣто, кромѣ времени, когда господствуетъ сѣверный вѣтеръ. Съ другой стороны онъ присовокупилъ, что далѣе къ западу, т. е. при Иркайпи, почти всегда можно съ берега видѣть ледъ.

12) Капатльинъ изъ Кенгичкуна, поселенія между Иргуннукомъ и Беринговымъ проливомъ, рассказывалъ 11-го января, что тогда

противъ сказаннаго мѣста стояла открытая вода въ морѣ. Онъ прибавилъ, что Беринговъ проливъ зимою при южномъ вѣтрѣ наполненъ льдами, при сѣверномъ же свободенъ отъ нихъ. Въ тотъ же день передавали чукчи изъ Неттей-Кенгичкуна (также между Иргуннукомъ и Беринговымъ проливомъ), что противъ этого селенія въ морѣ лежалъ ледъ. Онъ подтвердилъ показаніе Капатлына касательно Берингова пролива.

13) Квано, изъ Уэдлэу близъ Берингова пролива, говорилъ, что море тамъ всегда свободно отъ льдовъ съ мая по сентябрь включительно».

Утромъ 6-го октября намъ былъ сдѣланъ визитъ начальникомъ оленныхъ чукчей Василиемъ Менкой. Это былъ низенькій, смуглый мужчина, довольно тощій на видъ; одѣтъ онъ былъ въ красивый изъ бѣлаго оленьяго мѣха кафтанъ, подъ которымъ виднѣлась синяя фланелевая рубашка. Съ цѣлью внушить намъ при самомъ прибытіи болѣе уваженія и, можетъ быть также, чтобы не подвергать своей жизни кознямъ лукаваго бога морей, Менка приказалъ тащить себя къ кораблю по льду, казавшемуся еще не совсѣмъ надежнымъ, на саняхъ, запряженныхъ не собаками, а собственными его подданными. По своемъ пріѣздѣ, онъ немедленно представилъ намъ имѣвшіяся у него полномочія на свое начальническое достоинство, вмѣстѣ съ свидѣтельствами о полученной съ него дани (ярмарочныя подати? ясакъ?), заключавшейся въ небольшомъ количествѣ шкуръ красной лисицы, оцѣненныхъ въ 1 р. 80 к. и въ нѣсколькихъ шкурахъ песцовъ, по 40 к. за штуку.

Читать и писать онъ не умѣлъ и объяснялся крайне недостаточнымъ и малопонятнымъ русскимъ языкомъ. За то онъ безъ труда уразумѣлъ показанную ему географическую карту и съ большою точностью указалъ на ней множество замѣчательныхъ мѣстъ сѣверо-восточной Сибири. О существованіи русскаго Императора этотъ первый мѣстный русскій чиновникъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но зналъ, что очень могущественное лицо имѣетъ свое пребываніе въ Иркутскѣ. Сначала онъ усердно крестился на фотографіи и рисунки, развѣшанные въ каютѣ, но потомъ пересталъ, замѣтивъ, что мы этого не дѣлали. Менку сопровождали два не столь хорошо одѣтые туземца, съ очень косыми глазами, повидимому его слуги или рабы.

Послѣдніе при самомъ прибытіи Менки вручили намъ, не безъ нѣкоторой торжественности, вмѣстѣ съ привѣтствіемъ отъ него такъ

же, въ видѣ подарка, два зажаренныхъ куска оленьяго мяса. Въ обмѣнъ на его подарокъ, я предложилъ ему шерстяную рубашку и нѣсколько пачекъ табаку. Менка сообщилъ между прочимъ, что собирается надняхъ въ Маркову, русское селеніе на р. Анадырѣ, по сосѣдству съ старымъ Анадырскомъ. Хотя я еще не отказался окончательно отъ надежды выбраться изъ льдовъ въ теченіе осени, однако же я пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы доставить на родину извѣстія о положеніи «Веги», объ общемъ состояніи экипажа и т. д.; поэтому было составлено по-русски открытое письмо, адресованное къ генераль-губернатору Восточной Сибири въ Иркутскъ, съ просьбою довести о его содержаніи до свѣдѣнія его величества короля Оскара. Вмѣстѣ съ нѣсколькими запечатанными, частными письмами, оно было вложено между двухъ дощечекъ и вручено Менкѣ для доставленія русскому начальству въ Марковой. Теперь я имѣю поводъ думать, что оно было передано по назначенію; но сначала какъ будто казалось, что Менка увидѣлъ въ этомъ письмѣ нѣчто въ родѣ важнаго документа для него самаго. Такъ, вернувшись на берегъ, онъ собралъ около себя, въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ насъ, дѣльный кругъ чукчей и, съ достоинствомъ усѣвшись по срединѣ, развернулъ бумагу (мы замѣтили, что онъ держалъ ее вверхъ ногами), дѣлая видъ, что вычитываетъ изъ нея свои длинныя рѣчи на чукотскомъ языкѣ, которымъ въ благоговѣйномъ изумленіи передъ ученостью Менки внимали окружавшіе его слушатели. На слѣдующее утро великій ученый повелитель чукчей вторично посѣтилъ насъ, причемъ снова послѣдовалъ взаимный обмѣнъ подарковъ. Мы какъ можно лучше угостили Менку, и подъ конецъ онъ даже пустился плясать подъ звуки органчика, отчасти solo, отчасти съ нѣкоторыми изъ насъ, къ немалой потѣхѣ присутствовавшихъ при этомъ азіатовъ и европейцевъ.

Такъ какъ въ расположеніи льдовъ все еще не замѣчалось никакихъ измѣненій, то я и воспользовался представившимся случаемъ, чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ внутренностью страны. Поэтому я охотно далъ позволеніе офицерамъ Нордквисту и Говгарду принять участіе въ поѣздкѣ Менки обратно въ свои юрты. Они отправились туда утромъ 8-го октября и представили потомъ о своей экскурсіи слѣдующіе два отчета:

Лейтенантъ Нордквистъ пишетъ: «Во вторникъ, 8-го октября, въ 10^{1/2} часовъ утра, лейтенантъ Говгардъ, начальникъ чукчей

Менка и я отправились из Питлекая на саняхъ, запряженныхъ собаками, внутрь страны въ направленіи SSO. У меня съ Говгардомъ было по одному чукчѣ, чтобы править собаками, а Менка имѣлъ съ собой слугу, который все время бѣжалъ впереди въ качествѣ проводника. Въ сани моего товарища, болѣе тяжелыя нежели остальные, было запряжено 10 собакъ, въ мои—8, а сани Менки, которыя были меньше другихъ и гдѣ онъ сидѣлъ одинъ,—вели всего только 5 собакъ. Вообще кажется чукчи запрягаютъ отъ 4 до 5 собакъ въ сани съ однимъ сѣдокомъ.

«Тундра, усѣянная озерами и рѣчками, въ первой половинѣ нашей дороги представляла лишь весьма слабыя неровности; но тѣмъ дальше мы подвигались внутрь страны, тѣмъ болѣе она становилась неровной, и когда мы на слѣдующее утро, въ 8 часовъ, достигли цѣли нашего путешествія, то увидѣли себя въ долину, окруженную горами, изъ которыхъ нѣкоторыя возвышались на тысячу футовъ надъ ея уровнемъ. Сивозъ тонкій слой снѣга еще можно было различать растительность тундры. Самыми обыкновенными растениями на сухихъ мѣстахъ были *Aiga alpina* и *Poa alpina*; а въ болѣе низменныхъ мѣстахъ росли *Glyceria*, *Pedicularis* и *Ledum palustre*. Вездѣ встрѣчались *Petasites frigida* и одинъ изъ видовъ *Salix*. Послѣдній росъ въ особенности по склонамъ горъ густыми массами, покрывая пространство на множество квадратныхъ футовъ. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ кустарникъ достигалъ вышины 3—4 футовъ надъ поверхностью почвы. Преобладающею горною породою, казалось, былъ здѣсь гранитъ. Дно долины состояло изъ послѣ-третичныхъ формацій, часто заключающихъ въ пескѣ и каменьяхъ эрратическаго происхожденія, какъ это на примѣръ замѣчалось въ большой долину, гдѣ были расположены юрты брата Менки.

«Когда мы въ 9 часовъ утра достигли резиденціи, навстрѣчу намъ вышло нѣсколько наиболѣе почетныхъ между чукчами лицъ. Они поздоровались съ Менкой на русскій ладъ, т. е. сперва поцѣловались съ нимъ въ обѣ щеки, а потомъ и въ губы. Однакожь они стѣснялись повидимому при исполненіи этой церемоніи и почти не прикасались другъ къ другу при поцѣлуѣ въ губы. Съ нами они раскланялись обыкновеннымъ образомъ, подавши руку. Послѣ этого насъ повели въ юрту брата Менки, передъ которою собралось поглазѣть на насъ все мѣстное населеніе. Резиденція состояла изъ 18 юртъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, протек-

кавшей по долинь. Въ юртахъ жили оленные чукчи, ведущіе мѣновой торгъ съ русскими въ Колымѣ и съ племенемъ, обитающимъ по ту сторону Берингова пролива, которое у чукчей зовется Йекаргаулами. Между юртами можно было замѣтить множество какъ нагруженныхъ, такъ и пустыхъ саней. Они были частью легкія и низкія, съ загнутыми саади и спереди къ верху полозьями; частью же болѣе тяжелыя, назначавшіяся для перевозки товаровъ, изъ грубаго дерева и съ полозьями, загибавшимися только на передкѣ. Нѣкоторыя изъ легкихъ саней были снабжены гонтовымъ верхомъ, покрытымъ оленьей шкурой; кромѣ того были и наглухо закрытыя сани, только спереди имѣвшія для входа въ нихъ отверстіе.

Ножи, топоры, буравы и т. п. видѣнные мною инструменты были изъ желѣза и стали и очевидно приобрѣтены отъ американцевъ или русскихъ. Домашняя утварь въ юртѣ Менкина брата состояла изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ чайниковъ или котелковъ, въ которыхъ они кипятятъ воду, изъ альфенидовой кружки съ англійской надписью, изъ 2—3 паръ чайныхъ чашекъ съ блюдцами и наконецъ изъ нѣсколькихъ плоскихъ деревянныхъ корытъ. Костюмъ оленныхъ чукчей похожъ на костюмъ береговыхъ чукчей, съ тою только разницей, что первые употребляютъ для него исключительно оленьи шкуры, послѣдніе же тюленьи. При нашемъ приѣздѣ нѣкоторыя изъ чукчей одѣлись въ пестрые суконные камзолы, вѣроятно русскаго шитья. Изъ украшеній слѣдуетъ упомянуть о стеклянныхъ бусахъ, которыя нанизываются на шнурки изъ жилъ и носятя преимущественно женщинами въ ушахъ и на шеѣ. Женщины здѣсь татуируются точно такимъ же образомъ, какъ и у береговыхъ чукчей. Однако я замѣтилъ здѣсь одну пожилую женщину, у которой, кромѣ татуировки на лицѣ, были татуированы и плечи, и другую, которая на вѣшной сторонѣ рукъ имѣла продольныя параллельныя линіи, пересѣкаемыя третьею поперечною. Между мужчинами татуированныхъ не было. Двое или трое изъ нихъ носили кресты съ славянскими надписями; другіе же вмѣсто того имѣли развѣтвлявшіеся надвое кусочки дерева; были ли то изображенія ихъ божествъ или амулеты—мнѣ неизвѣстно.

«Такъ какъ мы не могли здѣсь приобрѣсть оленей, которыхъ намъ нужно было купить на счетъ экспедиціи, то мы на собакахъ отправились въ тотъ же день послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Менкою, въ мѣстопробываніе его зятя, куда и прибыли въ 8 часовъ вечера.

Насъ приняли очень радушно, и мы остались переночевать. Лица, живущія въ одной и той же юртѣ, спятъ все вмѣстѣ въ особой спальнѣ, которая въ длину не болѣе 7—8 фут., въ ширину отъ 6 до 7 фут., а въ вышину 4—5 фут. Прежде чѣмъ лечь спать, они ужинаютъ. Мужчины и женщины спятъ совершенно раздѣтые, сохраняя на себѣ лишь «*cingulum pudicitiae*», шириною въ $\frac{1}{4}$ аршина. Утромъ прежде другихъ встала хозяйка и сварила немного мяса, которое было принесено въ спальный покой, прежде чѣмъ остальные лица успѣли одѣться. Потомъ хозяйка, разрѣзавъ мясо въ особой деревянной посудѣ на ломтики, стала раздавать его каждому по очереди. Въ то же утро мы смотрѣли, какъ чукчи ловятъ и закалываютъ своихъ оленей. Два человекъ входятъ въ стадо и, выбравъ одного изъ оленей, накидываютъ ему на разстояніи 20—30 фут. на рога арканъ. Животное кидается изъ стороны въ сторону, желая освободиться изъ петли, причемъ увлекаетъ за собою того, который держитъ арканъ; между тѣмъ, другой старается приблизиться къ оленю и, ухвативъ его за рога, повалить его на землю, и затѣмъ убиваетъ его ударомъ ножа въ заднее бедро. Послѣ того олень предоставляется женщинамъ, которыя, сдѣлавъ надрѣзъ съ боковъ, вынимаютъ внутренности. Желудокъ оленя опоражнивается и потомъ наполняется про запасъ кровью. Наконецъ, съ оленя снимаютъ шкуру.

«Около 10 часовъ утра мы пустились въ обратный путь. Съ наступленіемъ ночи наши проводники искали себѣ и намъ крова въ жалкой юртѣ, стоявшей на берегу озера Учунуча. Она была частью врыта въ одинъ изъ попадающихся вдоль озера небольшихъ холмовъ, заключавшихъ въ себѣ повидимому остатки старинныхъ жилищъ онкилоновъ. Теперешними обитателями юрты были двое пожилыхъ мужчинъ и одна старая женщина; внутреннее устройство въ ней было слѣдующаго рода: по срединѣ цилиндрически вырытой ямы, въ 3 фута глубины на 12—15 фут. ширины, былъ укрѣпленъ вертикальный столбъ, къ верхнему концу котораго сходилось множество косо расположенныхъ длинныхъ жердей, которыя опирались на верхніе края ямы и были обтянуты кожами. Обычная у чукчей отгородка для спальни имѣлась также и здѣсь. Впрочемъ все жилище носило характеръ бѣдности и неопрятности. Занятіе этихъ людей, какъ казалось, состояло въ рыбномъ промыслѣ, по крайней мѣрѣ на это намекали, кромѣ поданной намъ рыбы, развѣшанныя около юрты сѣти. Кое-какое платьѣ, желѣзный

горшокъ, нѣсколько деревянной посуды и шаманскій бубенъ составляли единственные предметы, которые я могъ замѣтить въ юртѣ.

„На слѣдующее утро мы продолжали нашъ путь. По другую сторону озера Чаунуча мы видѣли два жилища, которыя состояли на просто изъ опрокинутыхъ лодокъ, завѣшанныхъ нѣсколькими кожами. Въ остальной части пути мы проѣхали мимо селенія Найчкая и черезъ Иргуннукъ, гдѣ насъ принимали чрезвычайно дружелюбно. Въ 7¹/₄ час. вечера 11-го октября мы снова уже были на «Верѣ»“.

Изъ донесенія лейтенанта Говгорда, касающагося преимущественно топографіи пройденной мѣстности, слѣдуетъ привести его замѣчанія относительно необыкновенной выносливости въ дорогѣ какъ самихъ чукчей, такъ и ихъ собакъ. Такъ, «въ продолженіе переѣзда, длившагося двадцать одинъ часъ съ половиною, проводникъ Менки безостановочно бѣжалъ впереди саней, и даже когда мы дѣлали остановки, онъ оставался дѣятельнымъ, то отыскивая дорожный слѣдъ, то хлопоча около собакъ и т. под. Даже когда мы ночевали въ юртахъ, онъ проводилъ ночь безъ сна и между тѣмъ былъ не менѣе бодръ на слѣдующій день. Во все время путешествія онъ ни разу не пилъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, согласно буквальному приказу Менки, объяснившему намъ, что иначе ему не выдержать бы такой бѣготни. Въмѣсто того онъ изжевалъ невѣроятное количество табаку. Собаки въ свою очередь ни разу не выпрягались изъ саней, и утромъ мы ихъ находили спящими передъ санями и на половину занесенными снѣгомъ. Мы также ни разу не видѣли, чтобы чукчи давали имъ кормъ; единственно, что онѣ получали, это были замерзшіе экскременты лисицъ и другихъ животныхъ, которые онѣ хватали мимоходомъ по дорогѣ. И все-таки даже въ послѣдній день пути онѣ съ одинаковой бодростью продолжали тащить сани».

18-го октября, когда мы думали, что Менка уже находится въ Марковой, онъ и его зять опять явились къ намъ на корабль. Онъ заявилъ, что у него нѣтъ «огненной воды» (т. е. водки) для праздника и что онъ пришелъ къ намъ, съ тѣмъ, чтобы получить ее отъ насъ въ обмѣнъ за три заколотыхъ оленя. Наше неудовольствіе на то, что мы такъ просчитались относительно доставки нашихъ писемъ, и мое нерасположеніе къ предлагаемому способу обмѣна (я тщетно предлагалъ Менкѣ вмѣсто водки полунимперіалы и серебряные рубли) сдѣлали на этотъ разъ наше свиданіе менѣе душевнымъ, и онъ оставилъ насъ довольно скоро. Только 9-го фев-

раза 1879 г. мы опять получили известія отъ Менки: его слуга или рабъ прѣхалъ на корабль и разсказалъ, что онъ десять дней какъ оставилъ Маркову, что составляетъ около 90 верстъ въ день; къ этому онъ прибавилъ, что самъ Менка отправился съ письмами дальше въ Якутскъ, — известіе, принятое нами съ большою радостью. Въ самомъ дѣлѣ мнѣ все до тѣхъ поръ казалось, что отправка нашихъ писемъ черезъ Менку не удастся, и поэтому я прибѣгалъ ко всевозможнымъ убѣдительнымъ средствамъ, представлявшимся въ видѣ нагроможденныхъ на кораблѣ сокровищъ, какъ-то: оружія, пороху, пиши, отличныхъ рубашекъ и даже водки, лишь бы только заставить нѣкоторыхъ изъ туземцевъ провести лейтенантовъ Нордквиста и Бове въ Маркову или въ Нижне - Колымскъ. Переговоры казалось шли въ началѣ довольно удачно, и задатки требовались и выдавались правильнѣйшимъ образомъ; но каждый разъ, какъ дѣло доходило до выѣзда, чукчи отказывались подъ какимъ нибудь предлогомъ: то было слишкомъ холодно или слишкомъ темно, то нельзя было найти никакого корма собакамъ. Такимъ образомъ эти переговоры имѣли въ результатѣ только наше ознакомленіе съ одною изъ немногихъ неприятныхъ сторонъ въ характерѣ чукчей, а именно съ совершенно неблагонадежностью въ случаѣ переговоровъ этихъ, въ сущности впрочемъ превосходныхъ, дикарей, а также съ ихъ совершенно талейрановскимъ взглядомъ на употребленіе человѣкомъ присущаго ему дара слова.

Сказанная неудача нашихъ переговоровъ побудила наконецъ лейтенанта Нордквиста предпринять поѣздку на собакахъ съ цѣлью приструнить одного изъ такихъ туземцевъ, получившаго задатокъ съ тѣмъ чтобы провести его въ Маркову, но не исполнившаго обязательства. Объ этой своей поѣздкѣ Нордквистъ сообщаетъ слѣдующее:

«5-го декабря, въ 8^{1/2} час. утра, я отправился въ саняхъ, запряженныхъ собаками, въ лежащей при Колочинскомъ заливѣ Пидлинъ, чтобы узнать отъ живущаго тамъ чукчи Чепчо, съ которымъ было сдѣлано условіе о поѣздкѣ въ Анадырскъ, какъ скоро онъ думаетъ туда собраться. Меня провожалъ чукча Ауанго изъ селенія Иргунука, лежащаго къ востоку отъ Питлекая. Онъ ѣхалъ на маленькихъ легкихъ санкахъ съ полозьями изъ китоваго уса и запряженныхъ шестью собаками, изъ которыхъ исполнявшая роль путеводительницы была запряжена впереди остальныхъ пяти, привязанныхъ рядомъ, каждая особымъ ремнемъ, къ санямъ. Собаки у насъ

были слабы и дурно выкормлены и поэтому бѣжали крайне медленно, такъ что скорость нашего движенія не превосходила, по моему мнѣнiю, 2—3 англійскихъ миль въ часъ. На поѣздку въ оба конца потребовалось каждый разъ отъ 8 до 9 часовъ, слѣдовательно разстоянiе между Питлеакомъ и Пидлиномъ можно считать приблизительно въ 25 англ. миль.

«На разстоянiи 2 часовой ѣзды къ западу отъ Йинтлена берегъ возвышается отъ 30 до 40 фут. надъ моремъ и носитъ названiе Печанинскаго. Здѣсь мы повстрѣчались съ однимъ чулчей, который ѣхалъ по направленiю къ востоку на большіе саяхъ, нагруженныхъ шкурами, предназначавшимися для мѣновой торговли. Почти на половинѣ пути между Йинтленомъ и Пидлиномъ лежитъ Майнгатиръ. Берегъ между этими послѣднимъ и Йинтленомъ представляетъ собою песчанистую полосу въ нѣсколько сажень ширины, за которою возвышаются крутыми склонами холмы, отъ 20 до 40 фут. въ вышину, которые и образуютъ, со стороны моря, сѣверную границу простирающейся внутрь страны тундры. Черезъ небольшіе промежутки сказанная цѣпь холмовъ прорѣзывается небольшими ложбинами. Къ западу отъ Майнгатира до мыса Чаутау, находящагося отъ него въ разстоянiи около 4 англ. миль, берегъ сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, кромѣ того, что становится нѣсколько ниже. Отъ Чаутау наша дорога шла по ровной тундрѣ, въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ берега. Большое озеро, вдоль берега котораго мы ѣхали около 1½ часовъ, и нѣсколько другихъ меньшихъ озеръ разнообразили остальную часть нашего пути. По словамъ моего проводника, глубина этихъ озеръ не превосходитъ нѣсколькихъ футовъ. Край этотъ называется Кинманка. Къ югу виднѣлся горный хребетъ, шедшій, на сколько можно было разглядѣть на дальнемъ разстоянiи, въ направленiи NO—SW.

«Поселеніе Пидлинъ состоитъ изъ четырехъ юртъ и расположено на восточномъ берегу Колючинскаго залива. Жителей здѣсь было немного болѣе 20 человекъ. Пидлинъ и островъ Колючинъ—единственные населенныя мѣста Колючинскаго залива. Жители вышли навстрѣчу ко мнѣ изъ юртъ, и я былъ введенъ въ юрту, принадлежавшую Чепчо. Онъ обѣщалъ проводить меня въ Анадырскъ въ февралѣ мѣсяцѣ.

«У моего хозяина были жена и трое дѣтей. На ночь дѣти были совершенно раздѣты, взрослые же имѣли короткіе панталоны, у мужчинъ изъ дубленой кожи, у женщинъ изъ сукна. Хотя въ уду-

дливой жарѣ, поддерживаемой двумя, цѣлую ночь горѣвшими жировыми ночниками, было бы невозможно заснуть въ тяжелыхъ изъ оленьяго мѣха костюмахъ; однакожь эти люди прикрывались на ночь оленьими шкурами. Но такъ какъ въ юртѣ, кромѣ чрезвычайной жары, господствовала невыносимая вонь,—чукчи удовлетворяютъ естественнымъ потребностямъ прямо въ спальнѣ, — то я не могъ выдерживать такой атмосферы и долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на свѣжій воздухъ.

«Когда на слѣдующее утро мы встали, хозяйка подала въ деревянной латкѣ завтракъ, состоявшій изъ тюленьяго мяса и жира приправленныхъ листьями Salix, приготовленными въ родѣ кислой капусты, изъ тюленьей печенки и, наконецъ, изъ тюленьей же крови; прибавлю, что все это было мерзлое.

«Изъ предметовъ, представляющихъ этнографическій интересъ, кромѣ встрѣчающихся въ каждомъ жилищѣ шаманскихъ бубновъ, на которые здѣсь смотрѣли однако же не съ столь благоговѣйнымъ страхомъ, какъ въ посѣщенныхъ нами прежде мѣстахъ, я замѣтилъ еще связку амулетовъ на тонкихъ ремняхъ и волчій черепъ, также прищипленный къ ремню. Одни изъ амулетовъ состояли изъ деревянныхъ вилообразныхъ палочекъ, длиною въ 2—3 дюйма, въ родѣ тѣхъ, которые часто чукчи носятъ у себя на груди; другіе же были волчья шкура вмѣстѣ съ мордой и одинъ плоскаго вида камень. Мой хозяинъ сказалъ мнѣ, что амулеты, надѣваемые на грудь, составляютъ весьма дѣйствительное средство противъ болѣзней. Волчью же морду, которую я уже получилъ было отъ него, онъ отобралъ назадъ, говоря, что нуждается въ ней для выбора невѣсты своему четырехъ или пяти-лѣтнему сыну. Какую роль она играетъ при этомъ—я не узналъ.

«Между тѣмъ какъ мой проводникъ запрягалъ собакъ для обратной ѣзды, мнѣ представился случай посмотреть, какъ танцовало нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ; пляска ихъ была въ томъ же родѣ, какъ я уже видѣлъ и прежде въ Питлекаѣ и Йинтленѣ. Обыкновенно при этомъ онѣ по двѣ становятся напротивъ или возлѣ одна другой, часто кладя въ первомъ случаѣ руки другъ другу на плечо; покачиваются по очередно на каждую сторону, дѣлаютъ съ сжатыми ногами прыжки впередъ и вертятся и въ то же время напѣваютъ или, лучше сказать, хрюкаютъ въ тактъ.

«Въ обратный путь мы пустились въ 8 час. утра; во время ѣзды мой проводникъ напѣвалъ чукотскія пѣсни,—это по большей

*

части не что иное, как подражаніе крику разныхъ животныхъ или же импровизаціи безъ всякаго опредѣленнаго размѣра или ритма, лишь съ незначительными переходами въ тонахъ; только два или три раза мнѣ показалось, что я слышалъ что-то въ родѣ мелодіи. Вечеромъ проводникъ сообщилъ мнѣ чукотскія названія для разныхъ звѣздъ. Въ 5^{1/4} час. мы возвратились на «Вегу».

Въ связи съ предыдущими отчетами я приведу, для большей характеристики нашей жизни въ продолженіи зимовки и нашихъ отношеній къ туземцамъ, еще слѣдующія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ менѣ значительныхъ экскурсій, предпринятыхъ нами въ разное время въ теченіе зимы.

Экскурсія лейтенанта Брусевитца описывается имъ слѣдующимъ образомъ: «17-го февраля 1879 г. я совершилъ вмѣстѣ съ чукчей Нотти экскурсію въ Насскай. Мы оставили корабль послѣ обѣда и прибыли, послѣ 2—3 часовой ѣзды, въ Ратинупъ, родину Нотти, гдѣ я и переночевалъ. Мы были приняты тремя младшими братьями Нотти и больною его сестрой, которые жили всѣ вмѣстѣ въ одной юртѣ. Тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ одинъ изъ братьевъ принялся готовить для завтрашней ѣзды упряжь и сани, а остальные изъ насъ пошли во внутренность юрты, гдѣ большая сестра лежала раздѣтою, прикрывшись оленьей шкурой. Тѣмъ не менѣе она присматривала за двумя свѣтильниками, наполненными ворванью, надъ которыми висѣли два особаго рода котелка, — одинъ былъ просто коробка отъ консервовъ, другой же походилъ на жестяное ведерко. Едва мы успѣли войти, какъ Нотти разулся и снялъ шапку. Затѣмъ одинъ изъ братьевъ принесъ деревянную чашку, въ которой лежалъ кусокъ тюленьяго жиру вмѣстѣ съ мерзлою зеленью, состоявшей преимущественно изъ ивовыхъ листьевъ. Жиръ былъ разрѣзанъ на ломти толщиною въ дюймъ, причемъ одинъ изъ братьевъ подаль сестрѣ большую порцію зелени и жиру, прежде чѣмъ было приступлено къ раздачѣ пищи всѣмъ остальнымъ. Каждый кусочекъ жиру съѣдался не иначе, какъ будучи предварительно приправленъ въ изобиліи зеленью. Когда вся зелень была съѣдена, то оставалось еще нѣсколько жиру, который и былъ выброшенъ собакамъ. Послѣ этого было подано кушанье изъ вареныхъ тюленьихъ реберъ и наконецъ родъ супа, приготовленнаго кажется изъ тюленьей крови. Также и эти кушанья сестра получала отдѣльно и прежде другихъ. При каждомъ блюдѣ приглашали и меня; но хотя я и отказался, однакожь это повидимому никого не обидѣло. По оконча-

ни стола посуда была прибрана, и послѣ того какъ всѣ раздѣлись, было снято изъ-подъ крыши и разостлано нѣсколько оленьихъ шкуръ. Въ это время старшіе братья закурили свои трубки, а младшіе улеглись спать. Мнѣ указали отдѣльное мѣсто, въ сторонѣ отъ другихъ, служившее вѣроятно спальнею для Нотти. Одинъ изъ свѣтильниковъ былъ погашенъ, и мало по малу всѣ расположились ко сну. Въ теченіе ночи больная нѣсколько разъ принималась стонать, причемъ одинъ изъ братьевъ непремѣнно вставалъ для ухода за нею.

Въ шесть часовъ утра я разбудилъ моихъ проводниковъ и напомнилъ имъ объ отъѣздѣ. Не медля всѣ встали. Одѣванье шло медленно, благодаря особенной заботливости относительно обуви. Ни о какой ѣдѣ не было помину, и всѣхъ казалось удивило, когда я предложилъ имъ поѣсть изъ моего собственнаго запаса, состоявшаго изъ хлѣба и бифштексовъ Викстриюна. Вслѣдъ за завтракомъ были запряжены въ сани четыре собаки, и я съ Нотти продолжалъ путь въ Наскай, причемъ я сидѣлъ въ саняхъ, а онъ бѣжалъ рядомъ съ моими санями. Въ Иргуннукъ, чукотскомъ селеніи, лежащемъ на одну англ. милю къ востоку отъ Ратинупа, мы сдѣлали небольшую остановку съ цѣлью попытаться, не судятъ ли насъ добавочными собаками, что однакъ не удалось. Мы поѣхали дальше и въ 10 ч. утра прибыли въ Наскай, лежащій въ 8—10 англ. миляхъ, въ направленіи OSO отъ Иргуннука. Здѣсь мы были встрѣчены многими изъ прежнихъ жителей Питлекая, юрты которыхъ въ настоящее время были расположены въ этомъ рыболовномъ мѣстѣ. Поселеніе состояло изъ 13 юртъ, изъ которыхъ 5 западныхъ были заняты питлекайскими выходцами, а 8 восточныхъ другими чукчами. Первые не устроили здѣсь своихъ обыкновенныхъ юртъ, а довольствовались юртами меньшихъ размѣровъ и не столь прочнаго устройства. Во всѣхъ этихъ юртахъ, подобно какъ въ Ратинупѣ и Иргуннукѣ, находилось большое количество тюленьяго жира, а около юртъ также замѣчались куски тюленьяго мяса, равно какъ и цѣлые тюлени, которые были сложены въ кучи, занесенныя теперь снѣгомъ. По дорогѣ намъ попадались много саней, нагруженныхъ тюленями и направлявшихся къ Пидлину. Изъ Наская я ходилъ на охоту въ сопровожденіи одного чукчи; мы видѣли до 8 штукъ зайцевъ, но намъ не удалось приблизиться къ нимъ на выстрѣлъ. Мы также замѣтили, какъ въ дальнемъ разстояніи отъ насъ бѣжала краснубурая лисица. Куропатокъ не было и слѣда. Въ 2 часа послѣ обѣда я

возвратился въ Иргуннукъ, гдѣ могъ получить уже сани, запряженныя 10 собаками, на которыхъ я скоро и возвратился на корабль».

О поѣздкѣ своей въ одинъ изъ становъ оленныхъ чукчей, по сосѣдству съ Столовой Горой, на SW отъ Питлекая, лейт. Поландеръ сообщаетъ слѣдующее: «17-го марта 1879 г., я въ сопровожденіи д-ра Кіельмана и еще 5 человекъ, изъ которыхъ одинъ былъ туземецъ и служилъ намъ проводникомъ, отправился на саняхъ къ лежащему близъ Столовой Горы стану оленныхъ чукчей съ цѣлю вымѣнять у нихъ на разный товаръ свѣжаго оленьяго мяса. Наша маленькая экспедиція была снабжена провіантомъ на два дня, шатрами, матрацами и теплою одеждой.

«На чукчей мы натолкнулись только въ разстояніи 11 англ. миль отъ нашего корабля. На возвышенномъ мѣстѣ здѣсь стояли двѣ юрты, въ одной изъ которыхъ никто не жилъ. Другая была занята туземцемъ Ротхетленомъ съ его молодою женой и другою молодою же четой, которая, если я хорошо понялъ, только гостила у нихъ, мѣстожительство же ея собственно было въ Иргуннукѣ.

«Юрты у этихъ чукчей были значительно меньше тѣхъ, которыя мы ежедневно привыкли видѣть у прибрежныхъ жителей. Около юртъ было нагромождено множество саней, отличавшихся отъ саней, обыкновенно употребляемыхъ для ѣзды на собакахъ, тѣмъ, что они были больше и разстояніе между полозьями было у нихъ шире. Самыя полозья были сдѣланы неуклюже и изъ болѣе грубаго дерева.

«На наше предложеніе дать намъ въ обмѣнъ на товары оленей послѣдовалъ категорическій отказъ, хотя мы и предлагали такіе предметы, какъ ромъ, табакъ, хлѣбъ и даже одно ружье. Какъ предлогъ для отказа, чукчи приводили то, что въ настоящее время года олени будто бы слишкомъ тощи и не годятся на убой. На холмѣ, лежащемъ на нѣсколько тысячъ футовъ отъ насъ, мы видѣли съ полсотни пасущихся оленей.

«Главное занятіе женщинъ днемъ заключалось повидимому въ исканіи другъ у друга въ головѣ; та изъ нихъ, которая въ данномъ случаѣ замѣняла камеръ-юнгферу, выбирала пальцами изъ волосъ другой не малое количество находившихся въ нихъ паразитовъ, которыхъ она чрезвычайно ловко уничтожала, поднося каж-

дымъ разъ руку ко рту, такъ что насѣкомыя только хрустѣли у нея на зубахъ.

«Послѣ обѣда Кіельманъ и я были приглашены хозяевами въ юрту, гдѣ мы въ теченіе часа отдыхали въ ихъ спальнѣ. При нашемъ приходѣ былъ зажженъ ночникъ, наполненный тюленьимъ жиромъ; для свѣтильни употреблялось растеніе водникъ (Sphagnum). Хозяйка всячески старалась устроить насъ по удобнѣе,—она свернула вмѣстѣ нѣсколько оленьихъ шкуръ для нашего изголовья и устроила намъ нѣчто въ родѣ постели, такъ что мы могли вытянуться на просторѣ и вполне воспользоваться столь потребнымъ для насъ отдыхомъ. Въ наружномъ отдѣленіи юрты другая изъ женщинъ готовила между тѣмъ ужинъ, состоявшій изъ варенаго тюленьяго мяса. Намъ гостепримно было предложено раздѣлится съ хозяевами ужинъ, но мы, не будучи охотниками до тюленьяго мяса, отказались подъ предлогомъ, что только что закусили. Сами они при ѣдѣ расположились такимъ образомъ, что все тѣло оставалось во внутренней половинѣ юрты, а голова, прикрытая оленьей шкурой, выходила въ ту ея часть, гдѣ готовился ужинъ. Когда всѣ поѣли, то головы опять спрятались въ юрту; хозяинъ совершенно раздѣлся, за исключеніемъ панталонъ, а хозяйка сбросила съ плечъ нижнюю одежду, такъ что верхняя часть ея тѣла оставалась голой. Сапоги они также сняли и, старательно обтерши ихъ, повѣсили къ потолку надъ свѣтильникомъ для просушки на ночь. Мы угостили женщинъ сахаромъ, и онѣ, совершенно не будучи знакомы съ этимъ лакомствомъ, сначала отнеслись къ нему нѣсколько недовѣрчиво, но потомъ ѣли его съ наслажденіемъ. Послѣ ужина наши хозяева скоро стали дремать; поэтому мы, пожелавъ имъ покойной ночи, удалились въ нашу собственную палатку, гдѣ не было и намека на тепло; ночью температура тамъ упала до—11° Цельсія.

«Проведши почти совершенно бессонную ночь, мы встали въ 6^{1/2} час. утра, и когда мы вышли изъ юрты, то увидѣли оленей, мѣрно выстулавшихъ тѣсно сомкнутою группой. Во главѣ ея двигался высокорогій олень, который, направившись къ хозяину, вышедшему уже на встрѣчу стада, привѣтствовалъ его, потиралась мордой о его руку, между тѣмъ какъ остальные стояли стройнымъ рядомъ, словно экипажъ на военномъ кораблѣ во время ученья. Хозяинъ обошелъ потомъ все стадо, и въ то время какъ каждый олень терся мордой о его руки, онъ бралъ его за рога и осматривалъ ихъ вниматель-

нѣйшимъ образомъ. По окончаніи этой своего рода инспекціи, хозяинъ далъ особый знакъ, по которому все стадо сдѣлало «поворотъ кругомъ» и по прежнему тѣсно сомкнутыми рядами отправилось, предводительствуемое старикомъ-оленемъ, на свое вчерашнее пастбище.

«Все это сдѣлало на насъ очень пріятное впечатлѣніе, такъ какъ мы видѣли здѣсь не грубаго и суроваго дикаря, варварскимъ образомъ выказывающаго свое владычество надъ животными, а добраго хозяина, который дружелюбно относится къ своимъ подчиненнымъ, обращаясь къ каждому изъ нихъ съ добрымъ словомъ. Было очевидно, что наилучшія отношенія существуютъ между господиномъ и его животными. Самъ онъ былъ статный молодой человекъ, съ интеллигентной фізіономіей и съ ловкими, доказывавшими прекрасно развитой организмъ, манерами. Его одежда, какъ нельзя лучше скроенная и изъ превосходной оленьей кожи, плотно охватывала его тѣло, давая намъ полную возможность любоваться на его гордую и вмѣстѣ пріятную наружность, которая наиболѣе выигрывала, когда онъ находился въ движеніи.

«Когда и на вторичное наше предложеніе объ обмѣнѣ оленей мы получили отказъ, намъ ничего не оставалось, какъ снять нашъ шатеръ и пуститься въ обратный путь. Мы возвратились на „Вегу“ 18-го марта, въ 3 часа по полудни, послѣ ѣзды, продолжавшейся $4\frac{3}{4}$ часа.

«Дорога къ оленному стану шла то слегка повынавшекую, то понижавшеюся мѣстностью. Снѣгъ былъ плотенъ и ровенъ, такъ что мы могли двигаться быстро впередъ. Дорогой намъ попалось четыре лисицы, не говоря о видѣнныхъ нами воронахъ. Въ одномъ мѣстѣ мы натолкнулись на множество гнѣздъ пеструшки, ходы которыхъ шли въ снѣгу въ косвенномъ направленіи къ землѣ. Большею частью они были разрыты лисицами. Входъ въ нетронутое гнѣздо пеструшки былъ цилиндрической формы и имѣлъ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ. Въ оба дня шелъ снѣгъ при такомъ густомъ туманѣ, что мы лишь на самомъ близкомъ разстояніи могли видѣть передъ собою, но все-таки мы ни разу не сбились съ пути, благодаря острому зрѣнію и чрезвычайно развитой способности ориентироваться нашего проводника-туземца».

Если исключить двѣ вышеприведенныя и другія въ томъ же родѣ небольшія экскурсіи, равно какъ и тѣ незначительныя случайности, къ которымъ давало поводъ наше постоянное соприкоснове-

ніе съ туземцами, да развѣ еще нѣсколько въ большинствѣ случаевъ неудачныхъ охотъ на зайцевъ и бѣлыхъ куропатокъ (медвѣдей мы не видали, а всякаго вторженія въ охоту туземцевъ на тюленей я избѣгалъ, какъ только могъ), то окажется, что у насъ мало произошло замѣчательнаго въ теченіе тѣхъ шести мѣсяцевъ, которые обнимаетъ нашъ разсказъ. Мнѣ остается такимъ образомъ вкратцѣ упомянуть, для руководства участникамъ будущихъ арктическихъ экспедицій, о томъ, что въ нашихъ зимнихъ приспособленіяхъ оказалось наиболѣе соответствующимъ цѣли, и затѣмъ въ сжатомъ очеркѣ сообщить о ходѣ нашихъ ученыхъ работъ въ теченіе зимы.

Изъ метеорологическихъ наблюденій видно, что зима не была слишкомъ сурова въ сравненіи съ зимами въ Франклиновомъ архипелагѣ или въ наиболѣе холодныхъ мѣстностяхъ сибирскаго материка. Но съ другой стороны зима въ окрестности «Веги» отличалась чрезвычайно бурнымъ характеромъ, и намъ приходилось отправляться на устроенную нами въ 1½ килом. отъ корабля обсерваторію почти каждый разъ при самомъ свирѣпомъ вѣтрѣ, сопровождавшемся морозомъ въ 30—40° Ц. При тихой погодѣ морозъ въ 40—50° не особенно тягостенъ, но уже при незначительномъ вѣтрѣ морозъ даже напримѣръ въ 35° становится не на шутку опаснымъ для всякаго, кто идетъ противъ вѣтра и безъ надлежащей осторожности подвергаетъ голыя части лица или кисти рукъ вліянію холоднаго воздуха. Въ такомъ случаѣ легко происходитъ отмораживаніе, причемъ обыкновенно не ощущается никакой особенной боли, которая предупредила бы объ опасности, и если отмороженныя части не растереть во-время рукой или талымъ снѣгомъ, то поврежденіе можетъ принять вполнѣ опасный характеръ. Большею частью тѣ, которые въ первый разъ зимовали въ арктическомъ поясѣ, съ наступленіемъ первыхъ морозовъ испытали болѣе или менѣе отмораживаніе, и у нихъ по нѣсколько разъ появлялись на кожѣ наполненные кроваво-водянистою жидкостью пузыри въ 2—3 квадр. дюйма; къ счастью однакожъ дѣло никогда не доходило до серьезной бѣды, тѣмъ болѣе что, разъ проученные опытомъ, всѣ становились осторожнѣе и случаи отмораживанія повторялись рѣже. Также никому не пришлось отмораживать себѣ ногъ; этому способствовала наша цѣлесообразная по здѣшнему климату обувь, состоявшая изъ парусинныхъ туфель съ кожаной подошвой, на дно которыхъ клалась осока (*Carex vesicularia*); на самую же ногу надѣвались одна или двѣ пары чулокъ, поверхъ которыхъ были валенныя обертки. Наша

обувь составляла такимъ образомъ нѣчто среднее между обувью, введенной Парри для арктическихъ путешествій, и наполненными сѣномъ чоботами лопарей. Всѣ пользовавшіеся ею согласны въ томъ, что она не оставляетъ ничего желать. Даже при продолжительныхъ странствованіяхъ по снѣгу эта обувь предпочтительнѣе чѣмъ кожаная; въ то время какъ послѣдняя, намокши, легко становится тяжелой, пропитывается водой и съ трудомъ высушивается въ продолженіе ночи, парусинная обувь и положенное въ ней сѣно сушатся безъ всякихъ затрудненій за ночь. Кромѣ того, она и въ мокромъ состояніи остается легкою и, давая пропускъ воздуху вълѣдствіе лежащаго на днѣ ея сѣна, не причиняетъ вреда здоровью. Поэтому можно смѣло рекомендовать эту обувь, для путешествій въ зимнее время и для зимней охоты, и въ нашихъ странахъ.

Для защиты рукъ мы носили перчатки изъ тюленьей кожи или изъ замши, подбитыя овчинкой и отороченныя на сгибѣ руки длинношерстнымъ мѣхомъ. Онѣ обыкновенно на ремнѣ навѣшивались на шею, подобно тому какъ у насъ дѣти носятъ свои рукавички. При работѣ подъ открытымъ небомъ надѣвались кромѣ того тонкія шерстяныя перчатки непосредственно на руки. Впрочемъ, вообще говоря, мы носили обыкновенный шведскій зимній костюмъ, развѣ только съ тою разницею, что шерсть входила въ его составъ болѣе, чѣмъ это бываетъ въ Швеціи. У насъ имѣлись для каждаго чело-вѣка оления шубы и оления же штилеты и кромѣ того большой запасъ равнаго рода шубъ. Но большая часть изъ насъ употребляла ихъ рѣдко, даже и при сорока пяти градусномъ морозѣ или, что было еще хуже, при—36°, но съ вѣтромъ. Съ большимъ постоянствомъ мы держались особаго рода парусиннаго костюма, надѣваемого поверхъ обыкновенной матросской куртки. Въ дурную погоду онъ превосходно защищалъ противъ снѣга и бури. Ту же услугу для головы доставляли башмаки, въ потребномъ количествѣ доставленные намъ изъ Петербурга; ихъ мы накутывали на наши гельсингерскія шапки.

До настоящаго времени, когда я пишу это, у насъ на кораблѣ вовсе не было болѣзней съ серьезными послѣдствіями, также какъ и ни одного случая заболѣванія цынгой. Такое благополучное состояніе очевидно зависѣло отъ превосходнаго духа, оживляющаго нашихъ ученыхъ, офицеровъ и весь экипажъ экспедиціи, а съ другой стороны мы сказаннымъ состояніемъ обязаны, во-первыхъ, въ высшей степени заботливо произведенному въ Карлскронѣ лейтенантомъ

Полюдеромъ сварженію; во-вторыхъ же, въ особенности нашему какъ нельзя болѣе сообразному съ климатомъ образу питанія, усвоенному нами согласно опыту экспедиціи 1872—73 г., и наконецъ превосходнымъ указаніямъ, полученнымъ нами отъ доктора Эивалла. Такъ, напримѣръ, въ промежутокъ времени отъ 15-го февраля по 1-е апрѣля мы дважды въ недѣлю готовили кисель изъ моропки-приправленный ромомъ. Я охотно дозволилъ бы и болѣе частое употребленіе этого блюда, признаннаго, по опыту сѣверныхъ жителей, неподобнымъ средствомъ противъ цынги; но, вслѣдствіе плохого урожая этой ягоды въ 1877 г., ея нельзя было достать ни за какую цѣну въ потребномъ для нашего экипажа количествѣ, такъ что поневолѣ пришлось замѣнить ее закупленнымъ въ Финляндіи и имѣвшимся у насъ въ значительномъ запасѣ клюквеннымъ морсомъ, который и употреблялся всѣми съ наслажденіемъ. Для защиты глазъ противъ крайне рѣзкаго отраженія солнечныхъ лучей, при ослѣпительной бѣлизнѣ окрестной мѣстности, окружавшей насъ въ послѣднюю часть зимы и съ начала весны, — экспедиція была снабжена въ изобиліи очками-консервами синяго и дымчатаго цвѣта. Уже въ февралѣ всѣ на кораблѣ должны были прибѣгнуть къ нимъ. Однакожь все-таки вслѣдствіе неосторожности было нѣсколько случаевъ «снѣжной слѣпоты», хотя ни разу не доходило до полнаго развитія этого крайне неприятнаго поврежденія зрительнаго органа.

Добыча отъ нашей охоты въ теченіе зимы заключалась всего въ нѣсколькихъ бѣлыхъ куропаткахъ и зайцахъ и слѣдовательно не могла служить подспорьемъ для снабженія корабля провіантомъ. За то въ большомъ количествѣ, преимущественно путемъ обѣда съ чукчами, приобреталась рыба, такъ что мы и теперь ѣдимъ ее по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю; всего чаще зимою мы получали особый сортъ трески (?), отличавшійся особеннымъ сѣро-зеленымъ цвѣтомъ хребтовой кости, который внушалъ такое неодолимое отвращеніе нашему экипажу, что сначала эта рыба потреблялась только за офицерскимъ столомъ.

Наблюденія надъ погодой производились у насъ все время до 1-го ноября каждую четверть часа, потомъ до 1-го апрѣля каждый часъ и наконецъ по шести разъ въ день. Съ 27-го ноября по 1-е апрѣля инструменты были установлены на сушѣ при магнитной обсерваторіи; а до и послѣ этого времени они находились на палубѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ кораблемъ. Зимою они состояли въ вѣдѣніи д-ра Стуксберга, такъ какъ его собственныя

зоологическія наблюденія въ это время приостановились по причинѣ льда, окутавшего всю окружающую насъ мѣстность.

Такъ какъ состояніе погоды самымъ осязательнымъ образомъ оказывало вліяніе на нашу ежедневную жизнь и служило пробнымъ камнемъ пригодности нашего снаряженія, то я считаю умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя данныя изъ нашего метеорологическаго дневника въ настоящемъ отчетѣ. При этомъ я долженъ также обратить вниманіе на то обстоятельство, что метеорологическія наблюденія на мѣстѣ зимней стоянки „Веги“ представляютъ первый обстоятельный матеріалъ для точнаго знакомства съ климатическими условіями того полуострова, который отдѣляетъ сибирское Ледовитое море отъ Тихаго океана, а равно и на то, что приобретенныя теперь свѣдѣнія о муссоно-подобныхъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, по большей части господствовавшихъ здѣсь въ продолженіе зимы, навѣрно должны получить значеніе какъ для ученія о сибирскомъ климатѣ вообще, такъ и для изслѣдованія тифоновъ и муссоновъ при берегахъ Японіи и Китая.

Произведенныя на „Вегѣ“ наблюденія дали слѣдующій максимумъ холода для каждаго мѣсяца: октября 24-го— $20,8^{\circ}$, ноября 30-го— $27,2^{\circ}$, декабря 23-го— $37,1^{\circ}$, января 25-го— $45,7^{\circ}$, февраля 2-го— $43,8^{\circ}$, 29-го марта— $39,8^{\circ}$.

Два раза мы имѣли случай наблюдать чрезвычайное повышеніе барометра, а именно: декабря 22-го, въ 6 ч. утра— $782,0 (0^{\circ})$ мм., февраля 17-го, въ 6 ч. утра— $788,1(0^{\circ})$ мм.

Самое низшее давленіе атмосферы до 1-го апрѣля было констатировано: декабря 31-го, въ 2 ч. утра— $728,8(0^{\circ})$ мм.

Погода была въ продолженіе зимы очень бурная, и направленіе вѣтровъ близъ земной поверхности шло постоянно между NW и NNW. Но уже въ нѣсколько болѣе высокихъ слояхъ воздуха господствовало, судя по направленію облаковъ, теченіе съ юго-востока, которое, понижаясь иногда къ поверхности земли, сопровождалось въ извѣстной мѣрѣ тепломъ и сравнительно сухимъ воздухомъ. Причину этого легко себѣ объяснить, если принять въ соображеніе, что Беринговъ проливъ представляетъ собою окруженныя довольно высокими горами ворота, ведущія изъ теплыхъ воздушныхъ пространствъ Тихаго океана въ холодныя Ледовитаго моря; дующіе же здѣсь вѣтры должны идти приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ проходитъ воздухъ въ дверяхъ, ведущихъ изъ теплаго

помѣщенія въ холодное, другими словами холодный токъ воздуха долженъ идти изъ холоднаго пространства въ теплое внизу, теплый же токъ—наоборотъ. Теплотѣ южныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ способствуютъ кромѣ того тѣ горныя возвышенности, которыя, по словамъ туземцевъ, находятся въ срединѣ Чукотскаго полуострова: онѣ-то и сообщаютъ морскимъ вѣтрамъ, проходящимъ по ихъ вершинамъ, свойство, отличающее вѣтра «фенъ». Наши самые холодные вѣтры, напротивъ, шли съ SW къ W, т. е. съ сибирской равнины. Существованіемъ двухъ воздушныхъ теченій, борющихся другъ съ другомъ на извѣстной высотѣ надъ поверхностью земли, обуславливается и та быстрота, съ которою небосклонъ въ содѣйствіи съ Беринговымъ проливомъ то внезапно покрывается облаками, то опять проясняется. Уже знаменитый своими плаваніями въ Беринговомъ проливѣ, нынѣ адмиралъ американскаго флота, Роджерсъ (Rodgers) замѣтилъ это явленіе и весьма мѣтко сравнилъ его съ поднятіемъ и опусканіемъ театральнаго занавѣса.

Въ нашихъ замѣткахъ о погодѣ дѣлается различіе между *вьюгой* (когда идетъ снѣгъ при бурѣ) и *метелицей* (когда буря взвиваетъ снѣгъ, но безъ падающаго при этомъ снѣга). Хотя обыкновенно снѣгъ не шель въ слишкомъ значительномъ количествѣ, но такъ какъ въ продолженіе зимы никогда не наступала достаточно теплая погода, чтобы на снѣговой поверхности могъ образоваться родъ сплошной талой коры, то выпадавшій снѣгъ оставался въ столь сыпучемъ состояніи, что малѣйшаго вѣтерка было довольно, для того чтобы развѣять его. При вихрѣ же или бурѣ снѣгъ поднимало въ выше лежащіе слои воздуха, которые наполнялись при этомъ до того густой снѣжной пылью, что на разстояніи даже не многихъ метровъ нельзя было различать предметовъ. При такой погодѣ не было никакой возможности не сбиться съ дороги, и тотъ, кто разъ уже сбился, былъ безвозвратно погибшимъ человѣкомъ, если не могъ, подобно чукчамъ укрывшись въ сугробѣ, выждать окончанія пурги. Но даже при слабомъ вѣтрѣ и безоблачномъ небѣ замѣчалась легкая метель, шедшая всего на нѣсколько дюймовъ надъ земной поверхностью, въ одномъ направленіи съ вѣтромъ, преимущественно съ сѣверо-запада къ юго-востоку. И она наметала цѣлыя кучи ко всякой встрѣчавшейся на ея пути преградѣ и заносила, хотя медленно, но постоянно чѣмъ при вьюгѣ, всѣ встрѣчныя предметы и разъ уже проложенныя тропинки. Та масса воды, которая въ замершемъ состояніи переносится этимъ не превышаю-

нить нѣсколькихъ дюймовъ теченіемъ воздуха, непрерывнымъ и одинаковой быстроты съ вѣтромъ, черезъ сѣверные берега Сибири къ ея болѣе южнымъ мѣстностямъ, должна сравниваться съ водною массою въ исполненныхъ рѣкахъ земли и играетъ достаточно важную роль по отношенію къ климату, между прочимъ какъ «морозо-носитель» къ сѣвернымъ лѣсамъ, для того чтобы заслуживать вниманіе метеорологовъ.

Влажность воздуха опредѣлялась у насъ какъ посредствомъ психрометра Августа, такъ и гигрометромъ Соссюра. Но не думаю, чтобы при температурѣ отъ -20° до -46° эти снаряды давали надежныя указанія. Къ тому же степень влажности воздуха въ томъ мѣстѣ, гдѣ можетъ быть установленъ психрометръ или гигрометръ во время полярной зимовки, не имѣетъ того метеорологическаго значенія, которое ей принято придавать. Ибо обыкновенно снаряды ставятся въ свободно стоящую кѣтку, съ стѣнками на манеръ жалюзи, помѣщенную на удобной для производства вычисленій высотѣ надъ почвою; между тѣмъ при почти непрерывной метели едвали возможно держать кѣтку свободной отъ снѣга. Даже воздухъ, бывшій первоначально сухимъ, долженъ здѣсь пропитываться парами, выдѣляющимися изъ окружающихъ слоевъ снѣга и изъ снѣжной пыли, крутящейся надъ почвою. Поэтому для опредѣленія дѣйствительной степени влажности воздуха я совѣтовалъ бы будущимъ путешественникамъ въ страны высокихъ снѣговъ непосредственно взвѣшивать воду, содержащуюся въ данномъ пространствѣ воздуха, вводя ее въ трубки съ хлористымъ кальціемъ, кальцинированнымъ мѣднымъ куперосомъ или же сѣрной кислотой. Снарядъ съ этой цѣлью было бы легко установить такимъ образомъ, что вся работа производилась бы подъ палубой и было бы можно по усмотрѣнію на верху мачты изслѣдовать какой угодно изъ низшихъ слоевъ воздуха. Если бы у меня были въ распоряженіи средства для производства подобныхъ изслѣдованій на зимней стоянкѣ «Веги», то навѣрное бы оказалось, что относительная влажность воздуха уже на высотѣ немногихъ метровъ надъ землею по большей части была незначительна.

Когда температура понижалась почти до -40° , то измѣренія ея производились какъ обыкновеннымъ ртутнымъ термометромъ, такъ и спиртовымъ; при опредѣленіяхъ же ниже -40° служилъ всегда спиртный термометръ. Причемъ надо замѣтить, что ртуть при своемъ замерзаніи столь сильно сжимается, что ртутный столбъ сейчасъ же падаетъ въ шарикъ. Измѣреніе до -96° ,—которое въ

то время, когда еще не было известно замерзание и сжатие ртути, производилось въ сѣверной Швеціи на ртутномъ термометрѣ и не разъ подало поводъ къ различнымъ спорамъ,—можетъ производиться когда угодно такимъ способомъ, что ртуть охлаждаютъ ниже ея точки замерзання въ термометрѣ, раздѣленномъ до— 90° . Тогда замерзание ртути совершается снизу вверхъ, такъ какъ успѣвшая замерзнуть часть металла падаетъ внизъ въ находящуюся еще въ жидкомъ состояніи часть его. Если же, при замерзании ртути на половину, отлить жидкую ея часть отъ застывшей, то получаются кристаллическія соединенія, состоящія изъ иголь, въ свою очередь слагающихся изъ малыхъ октаэдровъ, сгруппированныхъ по краямъ куба. Ни одинъ изъ нашихъ термометровъ не подвергался порчѣ отъ того, что ртуть въ немъ поочередно то замерзала, то оттаивала. При замерзании ртуть всегда стягивалась въ шарикъ, даже когда— 40° находилось довольно высоко вверхъ по трубкѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что для ртути, подобно водѣ, необходимы большіе градусы холода для того, чтобъ она могла замерзать, когда она заключается въ капиллярной трубкѣ, нежели при иныхъ условіяхъ.

Уже издавна установилось убѣжденіе, что соленая вода при замерзании даетъ ледъ, лишенный соли. Однакожь, когда во время плаванія въ полярныхъ моряхъ, съ цѣлью полученія воды для питья и для приготовления пищи, берутъ свѣжаго льду и даютъ ему растаять, то скоро приходится замѣтить, что это не совсѣмъ такъ, т. е. что новый морской ледъ заключаетъ въ себѣ достаточно соли, чтобы сдѣлать воду негодною для приготовления пищи. Вопросъ этотъ имѣетъ для полярныхъ мореходцевъ не малое практическое значеніе и часто является спорнымъ предметомъ въ арктической литературѣ. Было найдено, что между тѣмъ какъ новый морской ледъ содержитъ въ себѣ соль, ледяныя глыбы большихъ размѣровъ почти всегда отъ нея свободны. Хотя, правда, часто послѣднія навѣрно имѣютъ континентально-ледниковое происхождение, но можно представить доказательства и того, что иногда встрѣчается дѣйствительно морской ледъ, который при таяніи оставляетъ почти прѣсную воду. Для того, чтобы разъяснить этотъ вопросъ, мы съ докторомъ Альмквистомъ опредѣлили посредствомъ титрованія количество соли, содержащейся во множествѣ ледяныхъ образчиковъ. При этомъ мы нашли:

Что новый ледъ всегда болѣе или менѣе содержитъ соль, вслѣд-

ствие того, что соленныя частицы при замерзаніи воды остаются и въ ледяной массѣ, но таковой ледь, болѣе или менѣе долго пролежавъ на поверхности воды, мало по малу утрачиваетъ свою солонатовость: шарики насыщенной солью воды (которая замерзаетъ только при температурѣ не выше -17°) въ немъ постепенно перемѣщаются извнутри льда наружу, и такимъ образомъ ледь постепенно лишается своей соли, это измѣненіе происходитъ уже при очень низкой температурѣ и, какъ мнѣ кажется, служить замѣчательнымъ указаніемъ того, какимъ образомъ метаморфозировалось множество горныхъ породъ; что вода, удерживающаяся при сильномъ морозѣ поверхъ льда, заключаетъ въ себѣ больше соли, чѣмъ вода въ морѣ, и наконецъ что чрезъ вывѣтриваніе совершающееся выступаніе соляныхъ частицъ, которое встрѣчается на льду въ Сѣверномъ океанѣ и у русскихъ путешественниковъ, извѣстно подъ именемъ „разсола“, не составляетъ чистой поваренной соли, но соединенную съ водой двойную соль хлористаго магнія и хлористаго натрія. Эта соль образуетъ при сильномъ морозѣ красиваго вида эффоресценціи на свѣжемъ льду и распускается въ своей кристаллической водѣ при температурѣ около -8° . Образчики ея взяты мною для окончательнаго анализа.

Въ существенномъ результатѣ, къ которымъ мы пришли и которые мы сообщимъ въ послѣдствіи съ большею подробностью, согласуются съ опытами д-ра Raes'a и съ превосходными изслѣдованіями д-ра Уокера (Walker) во время путешествія Макъ-Клинта на корабль „Фоксъ“ въ 1857—59 гг. Однакожь, все-таки, д-ръ Уокеръ не замѣтилъ значительной разницы, существующей въ составѣ морской соли и эффоресценцій, и потому пришелъ къ ошибочному, по моему мнѣнію, выводу относительно того, какимъ образомъ соленый ледь лишается своей соли. Онъ думаетъ, что солеобразныя составныя частицы льда выдавливаются при сжатіи его холодомъ. Изъ этого слѣдовало бы, что очищеніе льда отъ соли происходитъ наиболѣе при сильномъ морозѣ и что не должно въ немъ являться новыхъ измѣненій, послѣ того какъ онъ испыталъ уже разъ на себѣ вліяніе maximum'a холода. Мы же напротивъ полагаемъ, что ледь теряетъ свою соль скорѣе при температурѣ около 0° , такъ какъ содержащія соль шарики тогда легче могутъ выдвинуться къ поверхности, или же что уменьшеніе соле-содержимости льда совершается непрерывно все время, пока онъ не растаялъ.

Подъ вліяніемъ солнечной теплоты лѣтомъ процессъ оттаиванія совершается не только на поверхности, но также и во внутренности стараго льда, который такимъ образомъ наполняется маленькими, содержащими воду полостями. Такъ какъ вода принимаетъ большій объемъ въ замерзшемъ нежели въ жидкомъ видѣ, то эти полости обыкновенно бывають не вполне наполнены водой, которая въ такомъ случаѣ при вторичномъ замерзаніи имѣетъ достаточное мѣсто, чтобы расшириться, не разрывая ледяной оболочки. Но иногда полость при этомъ и совершенно выполняется вслѣдствіе сжатія сказанной оболочки или же черезъ проникновеніе воды изъ сосѣднихъ полостей, и въ такомъ случаѣ льдина разрывается вслѣдствіе замерзанія въ ней воды, когда она въ слѣдующую зиму опять подвергается вліянію сильнаго мороза. Всѣ старыя льдины обнаруживаютъ поэтому большую склонность къ растрескиванію или разрывамъ при морозѣ, и это вліяніе должно играть важную роль въ расположеніи льдовъ въ полярномъ морѣ. Въ продолженіе нашей зимовки мы видѣли, какъ огромныя, окружающія корабль льдины растрескивались, причемъ появлялись идущія въось щели или трещины на льдинахъ, сидѣвшихъ не менѣе пяти сажень въ водѣ, и я считаю крайне вѣроятнымъ, что перваго повода къ появленію такихъ трещинъ надо искать во внутреннемъ состояніи плотныхъ по виду ледяныхъ глыбъ.

Лейтенантомъ Поландеромъ былъ устроенъ довольно простой снарядъ, при помощи котораго въ продолженіе зимы можно было съ корабля съ большою точностью опредѣлять происходившія измѣненія въ высотѣ воды. Эти наблюденія, въ ихъ совокупности, составляютъ весьма полный и непрерывный рядъ измѣреній прилива и отлива, которыя производились ежечасно въ продолженіи шести мѣсяцевъ; по надлежащей ихъ провѣркѣ и сравненіи съ измѣреніями англичанъ и американцевъ въ полярной Америкѣ, датчанъ при западномъ и нѣмцевъ при восточномъ берегѣ Гренландіи, австрійцевъ у Земли Франца-Иосифа, русскихъ при Новой землѣ и нашихъ собственныхъ при Моссельбѣ, — сказанныя наблюденія доставятъ цѣнныя объясненія относительно распредѣленія твердой земли и моря въ полярномъ бассейнѣ, что, какъ извѣстно, составляетъ весьма спорный вопросъ. Въ этомъ отношеніи я здѣсь могу только упомянуть, что самая большая разница между приливомъ и отливомъ въ продолженіе стоянки «Веги» доходила только до 18 сантиметровъ, что какъ бы указываетъ на то, что лежащее къ сѣ-

веру отъ Берингова пролива море составляетъ сравнительно небольшой бассейнъ, который только посредствомъ проливовъ стоитъ въ связи съ всемірнымъ океаномъ.

Гораздо значительнѣе были тѣ измѣненія въ высотѣ воды, которыя обусловливались вѣтрами, а именно они доходили почти до 2 метровъ. Кромѣ этого, мы получили одно довольно странное подтвержденіе того, что еще большее измѣненіе въ разницѣ между уровнемъ земли и моря произошло здѣсь еще у всѣхъ на памяти. Такъ, вскорѣ по посѣщеніи насъ Менкой, чукчи, можетъ быть напуганные этимъ послѣднимъ, встревожились боязнью, что мы причинимъ наводненіе вдоль берега. Такой ихъ страхъ, кажется, показываетъ, что и сюда распространялись внезапныя измѣненія, производимыя, какъ извѣстно, дѣйствіемъ вулканическихъ силъ въ очертаніяхъ твердой земли въ лежащихъ болѣе къ югу вулканическихъ мѣстностяхъ. Такъ какъ большая часть чукотскихъ поселеній лежитъ непосредственно вдоль берега и часто на низкихъ песчаныхъ перешейкахъ между лагунами и моремъ, то одна изъ тѣхъ исполинскихъ внезапно вдымающихся волнъ, которыми сопровождаются землетрясенія, безъ сомнѣнія произвела бы здѣсь совершенное уничтоженіе многочисленныхъ поселеній.

Занятіе магнитными наблюденіями было ввѣрено лейтенанту Говгарду, который впоследствии приметъ на себя затруднительную задачу ихъ обработки по возвращеніи экспедиціи домой. Произведенныя имъ наблюденія были слѣдующаго рода:

1) «Абсолютныя» опредѣленія каждый разъ, какъ представлялся къ тому случай.

2) Наблюденія надъ измѣненіями въ силѣ и направленіи магнитныхъ токовъ, производимыя, вмѣстѣ съ потребными абсолютными опредѣленіями, каждый часъ отъ 27-го ноября по 1-е апрѣля.

3) Наблюденія, производившіяся чрезъ каждыя пять минутъ каждое 1-е и 15-е число каждаго мѣсяца, начиная съ 15-го января.

Такъ какъ недостатокъ пространства на «Вегѣ» не дозволилъ намъ привести съ собою, какъ это было въ 1872 г., маленькую обсерваторію изъ досокъ, сколоченныхъ мѣдными гвоздями, то на этотъ разъ намъ пришлось соорудить ее изъ по-истинѣ полярнаго строительнаго матеріала, а именно льда и снѣга. Впрочемъ, она какъ нельзя лучше соотвѣтствовала своему назначенію, благодаря заботливости, приложенной при устройствѣ ея нашими моряками.

Одного только неудобства нельзя было избѣгнуть. Чтобы доставить обсерваторіи то неподвижное положеніе, которое составляет первое условіе для всякаго сооружеія, предназначеннаго для наблюденій надъ явленіями земнаго магнетизма, я принужденъ былъ для ея установки выбрать не какое либо изъ ровныхъ ледяныхъ пространствъ или отдѣльную льдину въ сосѣдствѣ съ кораблемъ, а одну изъ береговыхъ насыпей, лежащую отъ него на разстояніи полтора километровъ. Между тѣмъ, во время зимнихъ бурь и въ морозы каждый часъ ходить туда и обратно для одного или двухъ человѣкъ было бы слишкомъ затруднительно, а при вьюгѣ зачастую и едва ли возможно; поэтому обязанность производить наблюденія была распредѣлена на четыре смѣны въ сутки, первая отъ 3 до 8 час. утра, вторая отъ 9 до 2 час. дня, третья отъ 3 до 8 час. вечера и четвертая отъ 9 до 2 час. ночи. Это своего рода дежурство исполнялось попеременно учеными и морскими офицерами экспедиціи. Вскорѣ къ нимъ присоединилось двое другихъ—машинистъ Нордстремъ и матросъ Лундгрень; послѣдній уже и прежде обнаружилъ свою охоту къ подобнаго рода работамъ тѣмъ, что по собственному почину велъ метеорологическій дневникъ. Число лицъ, занимавшихся наблюденіями, равнялось такимъ образомъ одиннадцати человѣкамъ, и такъ какъ четыре смѣны обнимали ровно сутки, то можно было весьма удобно распредѣлить ихъ послѣдовательную очередь. И хотя ходить впередъ и обратно на разстояніи $1\frac{1}{2}$ километровъ въ темноту, бурю и морозы, доходившіе до -45° , и оставаться въ теченіе пяти часовъ въ тѣсномъ, изо льда устроенномъ помѣщеніи, гдѣ долгое время температура равнялась -17° и даже обыкновенно стояла ниже -12° , было безъ сомнѣнія дѣло не легкое, тѣмъ не менѣе это повидимому не производило никакого вреднаго вліянія на здоровье участвовавшихъ. Мнѣ лично казалось, что эти вынужденные перерывы въ нашей однообразной жизни, вообще говоря, не тревожимой никакимъ несчастьемъ или серьезными непріятностями, служили крайне благотворною къ ней приправою, оказывавшею дѣйствительно здоровое вліяніе на тѣло и душу, хотя и не всегда бывали намъ по вкусу.

Единственная остановка въ наблюденіяхъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ случилась наканунѣ Рождества отъ 6 до 10 час. вечера и въ самый день праздника между 3—4 и 9—10 час. вечера же. Поэтому наши магнитныя наблюденія здѣсь могутъ вполне соперничать по полнотѣ съ наблюденіями, произведенными въ зимовку.

шведской экспедиціи 1872—73 г. при Моссельбэ и австро-венгерской въ 1873—74 г.,—наблюдениями, составляющими два наиболѣе полные свода магнитныхъ обсерваціонныхъ данныхъ, какія только извѣстны по отношенію къ полярнымъ странамъ.

Нашъ «ледяной домъ» или «тинтиньяранга», какъ его называли чукчи, лежалъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ чукотскаго поселенія Питлекай. Вначалѣ жители его смотрѣли на наши работы подозрительно, ставя ихъ въ связи съ намеками Менки о предстоящемъ будто бы наводненіи. Потомъ опасенія ихъ по немногу разсѣялись, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мы, ради удовлетворенія ихъ любопытства, дозволи нѣкоторымъ изъ нихъ заглядывать въ нашу освѣщенную фотогеновой лампой и стеариновыми свѣчами ледяную залу, представлявшую имъ необычайно великолѣпной, и еще болѣе, когда мы стали во время сильныхъ бурь давать здѣсь пріютъ сбившимся съ дороги путникамъ.

Сѣверное сіяніе, какъ извѣстно, составляетъ одновременно какъ космическое, такъ и одно изъ явленій собственно нашей планеты. Въ самомъ дѣлѣ оно съ одной стороны связано съ земной атмосферой и находится въ тѣсномъ соотношеніи съ земнымъ магнетизмомъ, но съ другой стороны оно стоитъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ, въ своей сущности мало извѣстныхъ, измѣненій, которыя въ болѣе или менѣе правильные промежутки времени происходятъ въ области солнца и обнаруживаются для насъ появленіемъ солнечныхъ пятенъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ приводили явленіе сѣвернаго сіянія даже въ связь съ космическими веществами, падающими по временамъ въ видѣ пыли изъ небеснаго пространства на земную поверхность. Помимо свѣтоваго великолѣпія сѣвернаго сіянія, столь знакомаго жителямъ сѣверныхъ странъ, указанное сейчасъ соотношеніе придаетъ этому явленію дальнѣйшее значеніе, и едва ли найдется какая нибудь изъ ученыхъ экспедицій, принимавшихся къ пустынямъ крайняго сѣвера, которая не поставила бы въ числѣ прочихъ задачъ для своихъ изслѣдованій—приобрѣсти новыя данныя для объясненія истинной природы сѣвернаго сіянія. Если исключить тѣ измѣренія и мастерскіе рисунки, за которые мы должны благодарить французскую экспедицію къ берегамъ сѣверной Норвегіи и Шпицбергену, совершенную на «la Recherche» въ 1838—39 г., и затѣмъ, съ одной стороны, работы капитана Вейпрехта въ австрійской экспедиціи къ Землѣ Франца-Иосифа въ 1872—74 г. и, съ другой—труды по спектральному анализу д-ра

Війкандера, участвовавшего въ шведской экспедиціи въ Моссельбэ, и профессора Лендстрема въ его путешествіи въ Лапландію, то надо признать, что содѣйствіе большей части арктическихъ экспедицій въ рѣшеніи выше означеннаго научнаго вопроса преимущественно ограничивалось простымъ перечнемъ видѣнныхъ сѣверныхъ сіяній и болѣе или менѣе удачными описаніями этого великолѣпнаго явленія *) Тѣмъ менѣе можно было ожидать, что экспедиція «Веги», въ случаѣ зимовки, составитъ въ указанномъ отношеніи исключеніе, такъ какъ путешествіе ея совпало съ такимъ годомъ, о которомъ впередъ было извѣстно, что въ немъ повторится наименьшее число сѣверныхъ сіяній. Между тѣмъ это-то обстоятельство и позволило мнѣ точнѣе наблюдать за этимъ любопытнымъ явленіемъ природы, въ чрезвычайно удобной для того мѣстности и при неожиданно благоприятныхъ условіяхъ. Дѣйствительно свѣтоточныя дуги, которыя и въ Скандинавіи также составляютъ исходныя точки для лучистаго сѣвернаго сіянія, оказывались здѣсь въ своей чистой формѣ, не осложняясь болѣе великолѣпными видами сіянія, и такимъ образомъ мы могли, не отвлекаясь ничѣмъ постороннимъ для нашего дѣла, вполне посвятить себя собиранію матеріала для объясненія дѣйствительной природы упомянутыхъ свѣтовыхъ дугъ. Одновременно съ этимъ отчетомъ я посылаю статью, предназначенную для мемуаровъ шведской академіи наукъ, подъ заглавіемъ «Матеріалы къ изученію положенія сѣвернаго сіянія въ пространствѣ», въ которой мною обстоятельно изложены произведенныя нами здѣсь наблюденія надъ сѣверными сіяніями, а также помѣщены и относящіяся сюда карты и рисунки. Въ сказанной статьѣ указывается между прочимъ на то, что сѣверное сіяніе въ зиму 1878—79 г. никогда не являлось съ такими великолѣпными лучистыми поясами, къ которымъ мы привыкли въ Скандинавіи, но всегда въ формѣ слабыхъ по свѣту и изо дня въ день, изъ часа въ часъ, неизмѣнныхъ въ своемъ положеніи свѣтовыхъ дугъ. Но за то послѣднія были видимы здѣсь *постоянно* всякій разъ, какъ только небесный сводъ не былъ покрытъ

*) Это зависѣло, главнымъ образомъ, оттого, что англійскія и американскія экспедиціи оставались на зимовку въ мѣстностяхъ, лежащихъ за предѣлами того пояса сѣвернаго полушарія, гдѣ сѣверныя сіянія представляютъ максимумъ своего развитія.

облаками или же слабый свѣтъ дугъ сѣвернаго сіянія не затемнялся блескомъ солнечныхъ лучей или полнолунія.

На основаніи многочисленныхъ въ теченіе зимы произведенныхъ измѣреній какъ распространенія и положенія, такъ и высоты этихъ свѣтовыхъ дугъ, я считаю возможнымъ высказать слѣдующее:

Нашъ земной шаръ, даже въ годы, представляющіе minimum сѣверныхъ сіяній, бываетъ украшенъ свѣтовымъ вѣнцомъ, то обыкновеннымъ, то двойнымъ или даже сложнымъ. Въ зиму 1878—79 г. высота внутренняго края его надъ поверхностью земли равнялась почти $\frac{3}{100}$ земнаго радіуса, тогда какъ середина, или «полюсь сѣвернаго сіянія», совпадала съ радіусомъ, пересѣкающимъ поверхность земли почти при 81° с. ш. и 180° з. д. гринвич. мерид. *). А самый свѣтовой вѣнецъ, имѣющій въ діаметрѣ $0,3$ земнаго радіуса, распространялся по плоскости, перпендикулярной къ земному радіусу, проходящему, какъ упомянуто, черезъ его центръ.

Сказанный свѣтовой вѣнецъ находится въ томъ же отношеніи къ болѣе пышному лучистому сѣверному сіянію въ Скандинавіи, какъ пассатные вѣтры и муссоны на югѣ къ безпорядочнымъ вѣтрамъ и бурямъ сѣвера. Свѣтъ его никогда не представляетъ раздѣльности въ лучахъ, а болѣе походитъ на свѣтъ, проходящій сквозь матовое шлифованное стекло. По мѣрѣ того, какъ сила свѣта увеличивается, объемъ свѣтоваго вѣнца измѣняется; бываютъ видимы двойныя и болѣе сложныя дуги, расположенныя по большей части въ одной и той же плоскости и съ общимъ для всѣхъ ихъ центромъ, сіяніе же распространяется въ промежуткахъ между неравными дугами. Рѣдко замѣчаются дуги, которыя бы располагались неправильно по отношенію другъ къ другу и взаимно пересѣкались.

Поле зрѣнія для *простой свѣтовой дуги* **) ограничивается двумя кругами, проведенными на земной поверхности, съ центромъ

*) Такимъ образомъ оказывается, что не при магнитномъ полюсѣ, а въ одномъ изъ пунктовъ между этимъ послѣднимъ и сѣвернымъ полюсомъ находится точка, которая можетъ быть названа „полюсомъ сѣвернаго сіянія“. Плоскость же, въ которой лежитъ свѣтовой вѣнецъ, пересѣкаетъ, нѣсколько ниже окружности земли тотъ изъ земныхъ радіусовъ, который проходитъ черезъ центръ вѣнца.

**) Принимая, что ее нельзя уже яснѣе разглядѣть, если высшая ея точка находится всего на 4° вверхъ отъ горизонта.

въ полюсъ сѣвернаго сіянія и съ радіусами, идущими къ окружности земли подъ углами въ 8° и 28° . Сказанное поле лишь въ незначительной степени соприкасается съ странами, населенными народами европейскаго происхожденія (сѣвѣрною Швеціею, сѣвѣрною Норвегіею и Финляндіею, Исландіею и датскою Гренландіею); но даже и въ этомъ пространствѣ посрединѣ (а именно черезъ среднюю Гренландію, южный Шпицбергенъ и Землю Франца Іосифа) проходитъ поясъ, въ которомъ простая обыкновенная свѣтовая дуга по большей части является только какъ слабое зарево въ зенитѣ. Этотъ поясъ отдѣляетъ страны, въ которыхъ свѣтоточныя дуги сѣвернаго сіянія являются преимущественно на южномъ горизонтѣ, отъ тѣхъ, гдѣ онѣ замѣчаются на сѣверномъ горизонтѣ. Въ пространствѣ болѣе близкомъ къ полюсу сѣвернаго сіянія видны бывають только незначительныя, въ средней же Скандинавіи только большіе, но менѣе правильныя свѣтоточныя вѣнцы. Но въ послѣдней странѣ, равно какъ и въ южной части Британской Америки, становятся болѣе обыкновенными осложненныя и великолѣпныя лучистыя сѣверныя сіянія, которыя какъ кажется совершаются ближе къ поверхности земли, нежели дугообразныя. Область, въ которой сѣверныя сіянія являются наиболѣе развитыми, нужно искать въ томъ кругѣ, который, имѣя центромъ полюсъ сѣвернаго сіянія, будетъ проведенъ на поверхности земли радіусомъ, идущимъ къ ея окружности подъ угломъ въ 24° . Для дальнѣйшихъ подробностей и для знакомства съ основаніями, послужившими мнѣ опорой для вышеизложенныхъ положеній, я долженъ препроводить читателя къ вышеупомянутой уже моею статьѣ въ академическомъ изданіи.

Производившіяся въ продолженіе экспедиціи зоологическія и ботаническія изслѣдованія должны, какъ я уже указывалъ на это въ программѣ нашего путешествія, получить особенную цѣну, благодаря тому обстоятельству, что они касаются береговой полосы, простирающейся болѣе чѣмъ на 90 градусовъ долготы, и неизмѣримаго моря, куда до сихъ поръ еще никогда не проникалъ никто изъ изслѣдователей, чью главную задачу составляли бы наблюденія надъ разнообразными формами животнаго и растительнаго царствъ *).

*) Единственнымъ предшественникомъ зоологовъ и ботаниковъ „Вега“ на этомъ необозримомъ полѣ научнаго изслѣдованія былъ превосходный польскій ученый А. Л. Чехановскій. Впрочемъ, онъ провелъ всего нѣсколько дней при устьяхъ Оленека, не посѣтивши береговъ собственно Ледовитаго океана.

Быть может именно на этомъ полѣ изслѣдованія экспедиціи удалось собрать свою наиболѣ цѣнную научную жатву. Но такъ какъ относящіяся сюда работы закончатся только съ отплытіемъ «Веги» въ Тихій океанъ, то я нахожусь вынужденнымъ отложить до слѣдующаго раза сообщеніе о полученныхъ въ данномъ случаѣ результатахъ. Тогда же я буду имѣть возможность препроводить и подробные отчеты, которые мнѣ обѣщаны д-ромъ Кіельманомъ о «водоросляхъ и явнобрачныхъ растеніяхъ», д-ромъ Альмквистомъ— «о лишаяхъ», д-ромъ Стуксбергомъ— «о жизни низшихъ» и лейтенантомъ Нордквистомъ— «о жизни высшихъ животныхъ на сѣверныхъ берегахъ Сибири».

Одновременно съ настоящимъ отчетомъ я посылаю еще двѣ статьи, написанныя въ теченіе зимы и назначаемыя для записокъ нашего антрополого-географическаго общества. Первая изъ нихъ имѣетъ предметомъ хозяйственную обстановку и образъ жизни береговыхъ чукчей и представляетъ, вмѣстѣ съ очеркомъ нашихъ наблюденій надъ нравами и бытомъ этого замѣчательнаго сѣвернаго народа, также и описаніе весьма полной коллекціи разнаго рода снарядовъ, одеждъ, рисунковъ, образчиковъ рѣзбы на деревѣ и кости, амулетовъ и многихъ другихъ собранныхъ нами предметовъ. Какъ въ настоящемъ отчетѣ, такъ и въ отправленномъ еще прежде съ однимъ проѣзжимъ чукчей въ Колыму, я уже не разъ упоминалъ о нашихъ добрыхъ отношеніяхъ къ здѣшнему чукотскому населенію, среди котораго мы провели цѣлую зиму, такъ что считаю излишнимъ долѣе распространяться объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что о немъ безъ сомнѣнія не мало говорится во всѣхъ письмахъ и отчетахъ, посылаемыхъ отсюда на родину моими сотоварищами по экспедиціи.

Другая статья носитъ заглавіе «о возможности мореходства въ Ледовитомъ океанѣ Сибири». И этого предмета я часто касался уже прежде какъ въ программѣ нашей экспедиціи, такъ и въ моихъ отчетахъ съ устьевъ Енисея и Лены, такъ что могло бы показаться излишнимъ снова возвращаться къ нему и здѣсь. Но такъ какъ рѣшеніе этого вопроса составляло для меня ближайшій поводъ къ экспедиціи и главную цѣль ея, то я, рискуя повторить то, что мною уже было высказано, позволю себѣ привести изъ упомянутой статьи моей, написанной на основаніи опыта моихъ предшественниковъ и моего собственнаго, заключительныя слова ея, въ кото-

рых я вкратцѣ высказалъ мой теперешній взглядъ на этотъ въ практическомъ отношеніи неизмѣримо важный вопросъ.

«Хотя несомнѣнно, что наше знакомство съ моремъ вдоль еще весьма значительной части сѣвернаго побережья Азіи пока далеко не полно, однакожь это море отнюдь не заслуживаетъ того недобриваго къ нему отношенія, которое до сихъ поръ поддерживалось вслѣдствіе неудачныхъ плаваній въ продолженіе почти трехъ съ половиною столѣтій *).

Вопросъ въ томъ, можетъ ли повторяться ежегодно путешествіе, какое «Вега» совершила на этотъ разъ? Въ настоящее время еще невозможно отвѣтить на это ни безусловнымъ «да», ни безусловнымъ «нѣтъ». Первый отвѣтъ легко могъ бы вызвать много преждевременныхъ и недостаточно обдуманыхъ попытокъ; тогда какъ второй будетъ можетъ быть столь же безусловно опровергнуть опытомъ, какъ извѣстныя заключительныя слова отчета о первомъ кругосвѣтномъ плаваніи. Мое мнѣніе — что путь, совершенный нами, можетъ и будетъ часто повторяться съ одинаковымъ успѣхомъ.

Все вышеизложенное можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ:

*) Даже экспедиція „Веги“ должна была, до своего отправленія изъ отечества, бороться съ разными затрудненіями, благодаря тому, что многіе не хотѣли вѣрить въ осуществимость нашего предпріятія. Въ этомъ отношеніи они раздѣляли укоренившійся старый предразсудокъ. Въ сочиненіи „A chronological History of Voyages into the Arctic Regions, undertaken chiefly for the purpose of discovering a North-East, North-West, or Polar Passage between the Atlantic and Pacific“, by John Barrow (London, 1818), знаменитый авторъ говоритъ на примѣръ на стр. 370—371 слѣдующее: „Изъ трехъ направлений, найденныхъ для плаванія изъ Атлантическаго океана въ Тихій, сѣверо-восточное подаетъ наименѣе поощряющія надежды; въ самомъ дѣлѣ различныя неудачныя попытки англичанъ и голландцевъ, съ одной стороны, и русскихъ, съ другой, указываютъ довольно ясно на невозможность удобнаго для плаванія пути вдоль сѣверно-азиатскаго берега“. Пайеръ (Payer) говоритъ (въ письмѣ къ А. Петерману, Лондонъ, 5-го ноября 1874 г., въ „Geogr. Mittheil.“ 1874 г., стр. 452), что „не существуетъ никакого открытаго, ни совершенно закрытаго полярнаго моря, но только есть ежегодно мѣняющіеся шансы для мореплаванія, которые я однакожь не считаю на столько значительными, чтобы допустить возможность полярнаго или сѣверо-восточнаго морскаго пути“. Тѣмъ не менѣе самъ д-ръ А. Петерманъ, этотъ неутомимый поощритель плаваній въ полярныя моря, какъ нельзя ревностнѣе высказывалъ совершенно иные взгляды относительно положенія льдовъ и возможности мореплаванія въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ.

1) Морской путь изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири часто можетъ быть пройденъ въ теченіе немногихъ недѣль на приспособленномъ для этого пароходѣ съ экипажемъ изъ опытныхъ моряковъ, но этотъ путь *въ его цѣломъ, на сколько до сихъ поръ изслѣдовано положеніе льдовъ въ Ледовитомъ океанѣ Сибири*, едва ли будетъ имѣть дѣйствительное значеніе для торговли.

2) Уже теперь можно утверждать, что не сопряжено ни съ какими трудностями пользованіе морскимъ путемъ между Обью-Енисеемъ и Европой съ цѣлью морской торговли.

3) По всей вѣроятности также и путь между Енисеемъ и Леной и Леной и Европой можетъ служить для мореплаванія; однакожь едва ли плаваніе изъ Европы къ Ленѣ и обратно можетъ быть совершено въ продолженіе одного лѣта.

4) Еще потребуются продолжительныя изслѣдованія, для того, чтобы рѣшить, возможно или нѣтъ сообщеніе моремъ на корабляхъ между устьемъ Лены и Тихимъ океаномъ. Опытъ, прибрѣтенный уже теперь нами, однакожь показываетъ, что во всякомъ случаѣ этимъ путемъ можно изъ Тихаго океана доставлять къ бассейну Лены пароходы, тяжелые снаряды и другіе товары, неудобныя для доставки на саняхъ или телѣгахъ.

Быть можетъ инне найдутъ высказанные здѣсь взгляды исполненными слишкомъ смѣлыхъ надеждъ. Дѣйствительно, прибрѣтенный нами въ настоящее время опытъ еще столь незначителенъ, что оставляетъ обширное поле для самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, и очевидно, что занимающій насъ вопросъ можетъ быть окончательно разрѣшенъ только путемъ новыхъ попытокъ. Чтобы показать, какъ неосновательно въ данномъ случаѣ безусловное отрицаніе, я позволю себѣ здѣсь напомнить, что корабли «датско-гренландской торговой компаніи» во время ихъ плаванія къ загражденному льдами западному берегу Гренландіи рѣже подвергаются кораблекрушенію и разнаго рода аваріи, нежели мореходцы Китайскаго моря, и что въ свою очередь норвежскія рыболовныя суда у западнаго и сѣвернаго береговъ Шпицбергена заходятъ гораздо выше того градуса широты, котораго лишь съ трудомъ могли достигнуть Фиппсъ и Чичаговъ, не смотря на то, что ихъ корабли были снабжены всѣми приспособленіями, какія только могли быть доставлены Англійей и Россіей. Поэтому не должно считать превосходящимъ

предѣлы возможнаго, что когда нибудь подобныя отношенія настанутъ и для мореплавателя вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи».

Въ одномъ отношеніи, можно сказать, вполне не осуществились надежды, которыя возлагались мною на ученое путешествіе «Веги». До отъѣзда я именно надѣялся, что въ слояхъ почвы, заключающихъ остатки мамонтовъ, удастся собрать новыя и важныя матеріалы для изученія исторіи развитія земнаго шара. Но къ сожалѣнію добытыя экспедиціею по этому предмету результаты ограничиваются пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ частей мамонта и не многими, едва заслуживающими упоминанія геологическими наблюденіями.

А. Е. Норденшльдъ.

Беринговъ проливъ,
6-го апрѣля 1879 года.

II.

Съ 1-го апрѣля по 2-е сентября 1879 г.

Мой предъидущій отчетъ былъ доведенъ до 1-го апрѣля. Когда я началъ писать его, то я надѣялся, что холодная, бурная полярная зима, непрерывно господствовавшая въ предшествовавшіе мѣсяцы, должна уже уступить мѣсто если не настоящей весенней, то все же теплой погодѣ. Но этого не случилось. Даже въ апрѣлѣ мѣсяцъ доходило до 38° холода при средней температурѣ—18°, и теплота воздуха въ этомъ мѣсяцѣ никогда не достигала выше—4°,₆. Май мѣсяцъ наступилъ при морозѣ—21°. 3-го термометръ показывалъ—26°,₈, и только единственный разъ въ этомъ «мѣсяцѣ розъ» мы имѣли на нѣсколько часовъ теплую погоду въ +1°, даже въ началѣ іюня было очень холодно, до 13-го числа термометръ показывалъ только въ видѣ исключенія выше 0°. 3-го мы имѣли—14°,₃ при средней суточной температурѣ—9°,₄, еще 13-го іюня было—7°,₆ въ тѣни; однакожь въ тотъ же день, около полудня, наступила внезапная перемѣна. Съ этого времени термометръ уже только исключительнымъ образомъ спадалъ на нѣсколько десятыхъ ниже точки замерзанія. Съ этого времени снѣгъ началъ таять и притомъ съ такою быстротой, что земля уже въ концѣ мѣсяца была почти свободна отъ снѣга. Уже за двѣ недѣли передъ тѣмъ южный вѣтеръ расчистилъ въ морѣ обширную, лишенную льда полынью, простиравшуюся отъ сѣверо-запада къ юго-западу на разстояніе одного или двухъ километровъ отъ берега; но «Вега» все еще оставалась окруженною сплошнымъ ледянымъ полемъ, лишь мѣстами изрѣзаннымъ образовавшимися въ морозы трещинами.

Въ началѣ іюля снѣгъ сошелъ и съ поверхности льда. Въ предшествовавшія недѣли ледъ былъ покрытъ только совсѣмъ рыхлымъ снѣгомъ и водою, принесенною приливомъ, такъ что ходить по немъ

было затруднительно даже на ровныхъ мѣстахъ. Дороги въ низменныхъ частяхъ материка были преграждены глубокими снѣговыми ручьями и кучами талого снѣгу, наполнявшими рытвины. Между тѣмъ, какъ 25-го іюня лежащія на берегу лагуны прѣсной воды еще оставались замерзшими до самаго дна, при устьяхъ впадающихъ въ нихъ рѣчекъ въ это время снѣгъ уже таялъ въ такомъ изобиліи, что поверхъ льда сказанныхъ лагунъ скопилось столько воды, что можно было плыть по ней на довольно глубоко сидящей лодкѣ. 16-го іюля морской ледъ былъ изрѣзанъ щелями, но еще такъ крѣпокъ, что можно было ходить по немъ отъ корабля къ берегу. Особенно вблизи корабля годовалый ледъ отличался особенной крѣпостью, такъ что, казалось, потребуетъ по крайней мѣрѣ еще двѣ недѣли, для того, чтобъ ему растаять. Я былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что приготовился оставить «Вегу» на нѣсколько дней, чтобы на паровой шлюпкѣ отправиться въ экскурсію по открытой вдоль берега полынѣ въ нѣкоторыя чукотскія поселенія, расположенныя ближе къ Берингову проливу и невдалекѣ отъ которыхъ, по рассказамъ туземцевъ, нѣсколько американскихъ кораблей бросили якорь. Эта прогулка однакожь не осуществилась, благодаря совершенно неожиданному препятствію, превратившемуся въ большую для насъ радость, такъ какъ ледъ, окружавшій корабль, вдругъ началъ трогаться. Это было 18-го іюля въ 1 ч. 30 м. пополудни. Два часа спустя лейт. Поландеръ развелъ пары, и въ тотъ же день въ 3 час. пополудни «Вега», безъ всякихъ поврежденій отъ зимнихъ морозовъ и не стѣсняемая болѣе льдами, двинулась въ дальнѣйшій путь съ того мѣста, гдѣ мы оставались скованными во льдахъ въ продолженіе 294 дней или около десяти мѣсяцевъ.

Какъ ни досадно было, что ледъ въ морѣ взломало такъ поздно, однакожь происшедшее вслѣдствіе этого замедленіе у сѣвернаго берега Чукотскаго полуострова какъ разъ въ то время года, когда почва обыкновенно освобождается изъ-подъ снѣга, доставило намъ возможность изслѣдовать природныя свойства полуострова съ большею полнотою, чѣмъ мы это могли бы сдѣлать безъ сказанной задержки. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла не только о томъ, чтобы констатировать существованіе большаго или меньшаго количества животныхъ и растений въ неизвѣстномъ до сихъ поръ краѣ, или опредѣлить основныя черты его геологическаго строенія, но здѣсь

ислѣдователю представлялись научные вопросы гораздо большаго значенія.

Какъ извѣстно, на азіатской сторонѣ Берингова пролива, гдѣ прекращается множество видовъ животныхъ и растений Стараго Свѣта, принято видѣть границу ихъ распространенія въ сѣверо-восточномъ направленіи; тогда какъ его американскій берегъ, составляющій конечный пунктъ относительно многихъ изъ животныхъ и растений Новаго Свѣта, считаютъ предѣломъ расселенія послѣднихъ на сѣверо-западъ. Дѣйствительно, здѣсь находится какъ бы мость, перерѣзанный лишь узкимъ проливомъ, по которому переселились животныя и растенія, а также вѣроатно и люди изъ одной части свѣта въ другую, не говоря о томъ, что Беринговъ проливъ образуетъ единственное звѣно, непосредственно связующее оба всемірные океана.

Эти то обстоятельства придаютъ трудамъ этнографа, геолога, зоолога, ботаника и гидрографа въ здѣшнемъ краѣ совершенно особенное значеніе. Земли, прилегающія къ Берингову проливу, составляютъ ли остатокъ древняго перешейка, непрорѣзаннаго никакимъ проливомъ, между старымъ и новымъ свѣтомъ, или же онѣ представляютъ только еще зачатокъ полнаго соединенія послѣднихъ? Сибирское Ледовитое море составляетъ ли озеро, лишь недавно получившее отпечатокъ дѣйствительнаго соленаго моря, или же это прежняя бухта Тихаго океана, готовая теперь закрыться, превратившись въ озеро? Насколько узкій и къ тому же занимаемый двумя островами проливъ между Азіей и Америкой разграничиваетъ двѣ неодинакія области животнаго и растительнаго царствъ? Въ которой изъ двухъ частей свѣта находился центръ образованія сказанныхъ двухъ различныхъ группъ животныхъ и растений? Наконецъ, которая изъ нихъ переселилась изъ Стараго въ Новый Свѣтъ или наоборотъ?

Желаніе собрать матеріалъ, который бы послужилъ для выясненія какъ вышеприведенныхъ, такъ и другихъ подобнаго рода важныхъ вопросовъ, касающихся исторіи земнаго шара, не только утѣшило насъ въ непріятной необходимости изъ-за льдовъ оставаться долѣе, чѣмъ мы ожидали, въ нашей зимней пристани, но даже, когда мы наконецъ освободились, сказанное желаніе побудило меня не прямо направиться въ Японію, но предварительно, по крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль, посвятить продолженію работъ осени 1878

и весны 1879 г., то есть изслѣдованію моря между Беринговымъ проливомъ и Алеутскими островами.

Прежде всего конечно предстояло какъ можно точнѣе изучить побережье, при которомъ мы провели зиму. Какъ оно ни было пустынно и бесплодно, все же оно представило изслѣдователямъ экспедиціи случай произвести множество, для разрѣшенія многихъ изъ вышеприведенныхъ вопросовъ весьма поучительныхъ наблюденій, наибольшую часть которыхъ однакожь можно будетъ окончательно воспользоваться только по возвращеніи на родину, послѣ того какъ всѣ коллекціи будутъ какъ должно изслѣдованы. Но уже и теперь я могу относительно нѣкоторой части ботаническихъ работъ указать на слѣдующія, предназначаемыя для изданій шведской Академіи Наукъ статьи—д-ра Кіельмана «О произростаніи водорослей въ Сибирскомъ Ледовитомъ морѣ» и «О растительности на сѣверныхъ берегахъ Сибири», и д-ра Альмквиста «Наблюденія надъ лишайми на сѣверныхъ берегахъ Сибири». Такъ какъ въ составѣ экспедиціи не находилось никого изъ специалистовъ по мхамъ, то наши коллекціи изъ этой области оказываются крайне недостаточными, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что эта растительная группа отличается весьма богатымъ развитіемъ въ здѣшнемъ столь бѣдномъ высшими растительными формами краѣ. Также вовсе не было составлено нами коллекцій грибовъ; впрочемъ, они плохо рождаются среди сѣверныхъ морозовъ и вьюги.

Гораздо болѣе богатую добычу имѣли мы въ области животнаго царства. Правда, что доступъ къ насѣкомымъ и прочимъ сухопутнымъ беспозвоночнымъ былъ весьма незначителенъ. Морскія и живущія на сушѣ моллюски здѣсь не встрѣчаются вовсе; изъ жесткокрылыхъ нами было найдено всего лишь до 20 формъ — карабиды, стафилииды и сверхъ того до двухъ видовъ *sigculio* и *chrysomela*; столь же бѣдны формами были, казалось, и другіе разряды, развѣ только за исключеніемъ двукруглыхъ и подуридовъ. Напротивъ на морскомъ днѣ, несмотря на то, что оно постоянно покрыто слоемъ соленой воды, имѣющей температуру почти на 2° ниже точки замерзанія, кишѣли въ огромномъ количествѣ низшія животныя разнообразнѣйшихъ формъ, и лодка, выѣзжавшая для дрекованія по льду, уже раннимъ лѣтомъ открывшейся по сосѣдству съ кораблемъ, возвращалась почти ежедневно съ богатой добычей изъ упомянутыхъ морскихъ животныхъ. Болѣе подробный отчетъ о нашихъ трудахъ въ этой области предлагаетъ д-ръ Стуксбергъ въ

препровождасмой при семъ весьма поучительной статьѣ «Фауна безпозвоночныхъ животныхъ въ Сибирскомъ Ледовитомъ морѣ». Наконецъ лейтенантъ Нордквистъ съ особеннымъ усердіемъ посвящалъ себя изученію и собиранію млекопитающихъ, рыбъ и въ особенности птичьихъ породъ, представителей которыхъ весною и лѣтомъ ежедневно приносили на корабль какъ собственные наши охотники, такъ и чукчи изъ сосѣднихъ поселеній.

На основаніи пріобрѣтеннаго мною въ мои предъидущія путешествія и по чужимъ изслѣдованіямъ знакомства съ арктическимъ царствомъ птицъ, я составилъ было себѣ ошибочное представленіе, что одна и та же фауна птицъ, лишь за незначительными исключениями, должна встрѣчаться повсюду въ арктическихъ странахъ Европы, Азии и Америки. Опытъ, пріобрѣтенный въ экспедиціи «Веги», показываетъ, что это не такъ, но что сѣверо-восточная оконечность Азии, Чукотскій полуостровъ, въ этомъ отношеніи составляетъ совершенное исключеніе. Птицъ здѣсь находится, правда, въ меньшемъ количествѣ, но за то съ гораздо большимъ разнообразіемъ формъ, нежели на Новой Землѣ, Шпицбергенѣ и Гренландіи; поэтому здѣсь птичій міръ вообще отличается совершенно особеннымъ характеромъ. Конечно встрѣчаются на Чукотскомъ полуостровѣ и разные виды чаекъ (*Larus glaucus*, *L. eburneus*, *L. tridactylus*, *Harelda glacialis*), гага гребенушка (*Somateria spectabilis*)*, пупочка (*Plectrophanes nivalis*), плавунчикъ (*Phalaropus fulicarius*), турухтанъ (*Tringa maritima*), обыкновенный (?) воронъ и многіе другіе виды, которые находятся также въ Гренландіи, на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ и на сѣверо-восточныхъ берегахъ Сибири. Но кромѣ того, неожиданно здѣсь встрѣтилось большое количество и особенныхъ видовъ, напр. американская гагара (*Somateria nigra*); лебедвидный гусь, совершенно бѣлый съ черными маховыми перьями; сѣровато-коричневый гусь съ роскошными желтобѣлыми перьями на шеѣ; одинъ изъ видовъ нырковыхъ (*Fuligula*), украшенный, особенно на головѣ, великолѣпными бархатно-черными, бѣлыми и зелеными перьями; прекрасно разрисованный рѣдкій *Larus Rossi*; маленькій коричневый куликъ съ ложковиднымъ клювомъ; нѣсколько красивыхъ пѣвчихъ птицъ, между которыми

* Гага обыкновенная (*Somateria mollissima*) здѣсь вовсе не встрѣчается ни, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно рѣдко.

славка (*Sylvia Evermanni*), въ теченіе нѣсколькихъ дней попадавшая большими стаями на берегу, вѣроятно на пути къ мѣсту высиживания яицъ, дальше къ сѣверу, или въ ожиданіи, когда кустарники внутри страны освободятся изъ-подъ снѣга. Кроме того, по мнѣнію лейтенанта Нордквиста, часть чисто-скандинавскихъ видовъ отличается здѣсь меньшимъ разнообразіемъ красокъ, роста и т. д.

Многія изъ собранныхъ на Чукотскомъ полуостровѣ птицъ совершенно, кажется, чужды, насколько можно судить по тѣмъ сочиненіямъ, съ которыми мы имѣли случай ознакомиться, фаунѣ остальной Сибири. Когда въ свое время будетъ обработанъ вывезенный нами отсюда запасъ чучелъ и скелетовъ вмѣстѣ съ различными къ нимъ замѣтками, то надѣюсь, что лейтенантъ Нордквистъ въ этой одинаково для ученаго и для охотника интересной области представитъ цѣнное обогащеніе научныхъ свѣдѣній о животной жизни Сибири.

Фауна млекопитающихъ здѣсь также богаче видами, нежели въ прежде посѣщенныхъ нами полярныхъ мѣстностяхъ. Это явленіе обуславливается естественно тѣмъ обстоятельствомъ, что чукотскій полуостровъ составляетъ продолженіе обширнаго отличающагося плодородіемъ и обиліемъ лѣсовъ материка, для переходовъ отсюда къ сѣверу животныя не встрѣчаютъ никакихъ преградъ. Впрочемъ я отлагаю до болѣе удобнаго случая подробное описаніе сказанной фауны.

Особенно привлекательными для сѣвернаго путешественника являются высшія животныя формы, осмѣливающіяся, подобно ему, противостоять холоду и темнотѣ полярной ночи. Относительно ихъ лейтенантъ Нордквистъ сообщаетъ слѣдующее:

«Самымъ обыкновеннымъ изъ млекопитающихъ, встрѣчающихся зимою на сѣверномъ берегу Чукотскаго полуострова, является заяцъ. Онъ нѣсколько отличается отъ водящагося въ Скандинавіи горнаго зайца (*Lepus borealis* Lillj.) своимъ менѣе узкимъ переносемъ и большимъ ростомъ (вѣсъ его часто доходитъ до 14 фунтовъ). По большей части онъ встрѣчается группами изъ 5 или 6 штукъ, на покрытыхъ тонкимъ слоемъ снѣга холмахъ въ сосѣдствѣ съ юртами, несмотря на то, что около послѣднихъ бродятъ цѣлыя стаи голодныхъ собакъ.

«Весьма распространенъ здѣсь также песецъ (*Vulpes lagopus* L.) Обыкновенная лисица (*Vulpes vulgaris* Gray) тоже кажется встрѣ-

чается здѣсь довольно часто. Красная лисица, въ октябрѣ убитая лейтенантомъ Брусевичемъ съ корабля, значительно отличалась отъ обыкновенной лисицы, нѣкоторыми признаками приближаясь къ песцу. Питаются зимою лисицы зайцами, бѣлыми куропатками и пеструшками. Мнѣ два раза попадались идущія на 3 — 4 фута въ глубину, со входомъ не шире одного фута, просторныя норы, которыя, по рассказамъ чукчей, были вырыты лисицами въ поискахъ за пеструшками.

«Изъ пеструшекъ я здѣсь нашелъ три вида, а именно: *Miodes obensis*, *M. torquatus* и *Arvicola obscurus*. Кроме того, по словамъ чукчей, здѣсь водится еще особая порода маленькой мыши, по всей вѣроятности землеройка. *Miodes torquatus* добытъ былъ нами въ первый разъ 12-го января, *Miodes obensis*—13-го февраля. И тотъ и другой виды доставлялись потомъ на корабль чукчами, и не рѣдко зимой мы видѣли пеструшекъ бѣгающими по снѣгу. *Miodes obensis* кажется встрѣчается гораздо чаще нежели другой видъ. Замѣчательно, что изъ десяти штукъ *M. torquatus*, которыхъ мы добыли въ продолженіе зимы, девять были самцами. Всѣ эти экземпляры имѣли на двухъ среднихъ пальцахъ переднихъ лапъ характеристическій для этого вида признакъ—двойные когти, образующіеся вслѣдствіе удлинненія подошвенныхъ наростовъ.

«Эти два вида являются довольно часто зимою на снѣжной поверхности земли, чего кажется нельзя сказать объ *Arvicola obscurus*. Восемь штукъ этого послѣдняго вида приобрѣтены нами 8-го мая, изъ лежащаго между Йинретленомъ и Беринговымъ проливомъ поселения—Тяпка. Затѣмъ я приобрѣлъ еще одинъ экземпляръ изъ лежащаго на 5 англійскихъ миль къ востоку отъ Йинретлена поселения Иргуннукъ.

«Болѣе рѣдкіе изъ зимующихъ въ этихъ краяхъ млекопитающихъ суть—волякъ, замѣченный нами здѣсь два или три раза, и дикій сѣверный олень. Слѣды послѣдняго были замѣчены 23-го марта въ нагорной мѣстности въ 15—20 англ. миляхъ къ югу отъ Йинретлена. По словамъ чукчей, всегда нѣкоторое количество оленей остается на зиму въ прибрежныхъ горахъ, между тѣмъ какъ наибольшая часть ихъ переселяется дагѣ къ югу. Кроме того здѣсь проводятъ зиму еще два вида млекопитающихъ, хотя обыкновенно ихъ можно встрѣтить только лѣтомъ или осенью, такъ какъ остальное время года эти животныя проводятъ въ спячкѣ. Это медвѣдь и сурокъ (*Arctomys* Sp.). Медвѣдя мы не видѣли, но лейтенантъ Гов-

гардъ и я замѣтили 8-го октября слѣды этого животнаго въ 2—3 англ. миляхъ отъ берега; чукчи говорятъ, что оно лѣтомъ встрѣчается довольно часто. Суржи попадаются цѣлыми кучами. Первый сурокъ былъ принесенъ намъ 26-го мая однимъ чукчей, а на слѣдующій день я самъ видѣлъ такого же звѣрка, сидѣвшаго на небольшомъ холмикѣ, въ которомъ была вырыта его нора.

«Кромѣ упомянутыхъ животныхъ туземцы говорили еще объ одномъ, которое у нихъ носить названіе „нэннэтъ“ и живетъ по берегамъ рѣкъ. Судя по ихъ описанію, это кажется обыкновенная выдра. Какъ вездѣ, гдѣ въ изобиліи водятся пеструшки, и здѣсь весьма обыкновеннымъ животнымъ является ласка (*Mustela vulgaris*), двѣ шкурки которой были приобретены нами отъ чукчей. О томъ, водится ли здѣсь горностаѣ, я ничего опредѣленнаго сказать не могу. Однакожь это весьма вѣроятно, потому что чукчи мнѣ рассказывали, что въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчается особый видъ ласки съ чернымъ на концѣ хвостомъ.

„Только два изъ морскихъ млекопитающихъ были въ теченіе зимы усмотрѣны нами въ здѣшнихъ краяхъ, а именно одинъ изъ видовъ тюленя (*Phoca foetida*) и бѣлый медвѣдь. Нѣсколько разъ слѣды послѣдняго были замѣчаемы близъ берега, но кажется, что его любимымъ мѣстопребываніемъ служитъ ледъ, прилегающій къ полыньямъ, ближе къ морю, гдѣ во время нашей зимовки и было убито два медвѣдя чукчами изъ сосѣднихъ поселеній. *Phoca foetida* составляетъ, надо полагать, единственный водящійся здѣсь зимою видъ тюленя. Эти животныя ловятся въ бодьшомъ количествѣ, и мясо ихъ составляетъ, вмѣстѣ съ рыбою и разными растеніями, главную пищу чукчей.

„Изъ сухопутныхъ птицъ зимуютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ только три вида, а именно горная сова (*Strix noctea*), воронъ (*Corvus corax*) и горный тетеревъ (*Lagopus subalpina*). Последняя наиболѣе обыкновенна. 14-го декабря я видѣлъ также во время санной ѣзды, предпринятой внутрь страны, приблизительно въ 10—12 англ. миляхъ отъ берега, двѣ большія стаи бѣлыхъ куропатокъ. Одна изъ нихъ казалось состояла болѣе чѣмъ изъ 50 штукъ. Но на болѣе близкомъ разстояніи отъ берега, въ особенности къ веснѣ, птицы встрѣчаются по большей части только въ одиночку.

„Воронъ встрѣчается обыкновенно около чукотскихъ поселеній, устраивая свои гнѣзда на сосѣднихъ утесахъ. Первое воронье яйцо было добыто 31-го мая. Горная сова (*Strix noctea*) замѣчена была

*

въ первый разъ 11-го марта, но, по словамъ чукчей, она попадаетъ здѣсь всю зиму. Въ апрѣлѣ и маѣ мы видѣли даже нѣсколько этихъ птицъ за разъ; 21-го мая мною ихъ замѣчено двѣ штуки.

„На открытыхъ мѣстахъ въ морѣ являются, по увѣренію чукчей, въ теченіе зимы двѣ изъ водяныхъ птицъ, а именно двѣ разновидности кайровыхъ — морской попугай (*Uria Bynnichii*) и чистикъ (*Uria grylle*). Экземпляръ первой изъ нихъ мы приобрѣли 1-го мая, а послѣдней—19-го того же мѣсяца. Кромѣ этихъ птицъ еще, можетъ быть, зимуетъ здѣсь на незамерзшихъ мѣстахъ въ морѣ особый видъ кайровыхъ (*Mergulus*), одинъ экземпляръ котораго намъ проданъ 9-го марта чукчей, сказавшимъ, что онъ застрѣлилъ его невдалекѣ отъ берега“.

Какъ разъ передъ нашимъ внезапнымъ отбѣздомъ съ мѣста зимней стоянки получилъ я достовѣрное извѣстіе, что въ одномъ изъ рѣчныхъ устьевъ, километрахъ въ десяти отъ берега, должны находиться мамонтовы кости. Немедленно же я попытался было, по совѣту нѣкоторыхъ изъ чукчей, переплыть лагуну, подняться въ лодкѣ вверхъ по довольно большой рѣчкѣ къ обозначенному мѣсту. Но за мелководьемъ я не могъ этимъ способомъ достигнуть своей цѣли и былъ вынужденъ повернуть назадъ. По возвращеніи на «Вегу», я убѣдился, что уже некогда болѣе думать объ экскурсіи, требовавшей вслѣдствіе множества промежуточныхъ рѣчекъ слишкомъ большой потери времени, для ближайшаго изслѣдованія указаннаго намъ мѣста. Я ограничился тѣмъ, что вымѣнялъ себѣ у туземцевъ нѣсколько довольно красивыхъ клыковъ; однакожъ экспедиція «Веги» на своемъ длинномъ пути вдоль сѣвернаго побережья Сибири не встрѣтила и слѣдовъ какихъ либо остатковъ этихъ огромныхъ сухопутныхъ животныхъ, въ прежнія времена, какъ извѣстно, въ такомъ количествѣ водившихся въ здѣшнихъ краяхъ. Напротивъ, намъ попадались на берегу Чукотскаго полуострова большими массами остатки китовыхъ костей. Съ цѣлью доставить по возвращеніи домой зоологамъ возможность опредѣлить водящіяся здѣсь виды китообразныхъ, я уже въ послѣднюю осень озаботился собираніемъ въ большомъ количествѣ пригодныхъ для этой цѣли китовыхъ костей. Въ то время я не обратилъ должнаго вниманія на этотъ матеріалъ, полагая, что здѣсь вопросъ можетъ быть только объ остаткахъ китовъ, убитыхъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ туземцами или американскими китоловами. Но при

таяніи съ наступленіемъ лѣта снѣговъ, когда можно было ближе изслѣдовать мѣстонахожденіе сказанныхъ остатковъ, оказалось, что несомнѣнно большая часть китовыхъ костей, находимыхъ по сосѣдству съ нашей стоянкой, должна считаться по своему характеру ископаемою, т. е. что кости эти уже нѣсколько столѣтій тому назадъ были погребены въ песчаныхъ слояхъ, въ которыхъ онѣ встрѣчаются теперь. Это подтверждается и туземцами изъ окрестныхъ поселеній, увѣряющими, что никогда, сколько они запомнятъ, моремъ не выбрасывало китовъ на берега ихъ страны. Вслѣдствіе этого, нахожденіе здѣсь китовыхъ костей приобрѣтало гораздо большій интересъ, и я поэтому рѣшился вмѣстѣ съ д-ромъ Кіельманомъ, при потребномъ числѣ рабочихъ рукъ, произвести болѣе точныя развѣдки на ближайшемъ къ намъ берегу на пространствѣ 4—5 километровъ. Вмѣстѣ съ множествомъ другихъ обломковъ костей найдены на этомъ протяженіи, въ количествѣ 30 штукъ, также китовыя затылочные кости, принадлежащія 4 или 5 различнымъ видамъ, между которыми гренландскій китъ (*Balena mysticetus*) или ближайшая къ нему форма оказывалась наиболѣе обыкновенной. Насколько дозволили обстоятельства, большая часть этихъ костей у насъ сохранилась.

Между множествомъ найденныхъ по сосѣдству съ «Вегой» китовыхъ костей нѣкоторыя обращаютъ на себя особенное вниманіе. Таковы хорошо сохранившаяся задняя часть головы большого *Balena mysticetus*, вмѣстѣ съ нѣсколькими плечевыми костями и позвонками. Кости очевидно принадлежали одному и тому же животному и были еще покрыты огромнымъ высохшимъ кускомъ кожи, но безъ слѣдовъ мяса или жира. Кости отчасти оказались примерзшими къ лежащему подъ ними песку, и когда онѣ были отдѣлены отъ него, то мы увидѣли, что на нихъ еще оставалось красное, почти свѣжее мясо. Я сначала думалъ, что намъ здѣсь представилась остатокъ недавно выброшеннаго на берегъ кита. Но разспросы, сдѣланные мной по этому поводу между туземцами, показали однако, что никто между ними ничего подобнаго не запомнить. Къ сожалѣнію упомянутая голова была изъ тѣхъ между найденными нами китовыми костями, которыя лежали не внутри песчаннаго слоя прибрежныхъ насыпей, а поверхъ песка, такъ что остается нерѣшеннымъ, была ли она въ недавнее время пригнана къ берегу морскимъ льдомъ или, столь же недавно, только обнажилась изъ подъ песку, когда его размыло водой. Я однако не считаю невѣро-

ятнымъ, что этотъ китъ первоначально былъ совершенно скрытъ въ пескѣ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Въ такомъ случаѣ это служило бы новымъ доказательствомъ продолжительности времени, въ теченіе котораго мясо животныхъ въ замершемъ состояніи можетъ сохраняться, не подвергаясь гніенію.

Извѣстно, что на значительномъ пространствѣ въ Сибири, даже далеко къ югу, цѣлый годъ подъ почвою встрѣчаются толстые слои промерзлой земли, поверхъ которыхъ, не смотря на то, развивается великолѣпная лѣсная растительность. Эти слои были внимательно изслѣдованы въ особенности г. фонъ-Миддендорфомъ, который въ описаніи своего путешествія по Сибири подробно и мастерски разобралъ этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго и составило одну изъ главнѣйшихъ задачъ его поѣздки. Одинаковое явленіе существуетъ и въ полярной Америкѣ, послуживъ также и тамъ предметомъ изслѣдованій знаменитаго англійскаго путешественника въ арктическія страны, Дж. Ричардсона. Такъ какъ Сибирь никогда не находилась подъ сплошнымъ ледянымъ покровомъ, и въ то же время не подлежитъ спору, что упомянутыхъ слоевъ замершей земли все не существуетъ во многихъ странахъ, отличающихся гораздо болѣе холоднымъ климатомъ, нежели какой господствуетъ въ мѣстностяхъ Сибири, въ которыхъ такіе слои встрѣчаются,—то происхожденіе этихъ послѣднихъ, толщина которыхъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ, остается во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ. Вѣроятно оно зависитъ отъ стеченія множества до сихъ поръ недостаточно выясненныхъ обстоятельствъ, между которыми низкая средняя годовая температура можетъ быть играть меньшую роль, нежели множество другихъ причинъ, какъ напр. особое свойство воды охлаждаться до температуры значительно ниже точки замерзанія, не превращаясь при этомъ въ ледъ, и зависящая отъ этого способность ея въ извѣстныхъ времена года быть проводникомъ холода къ лежащимъ на значительной глубинѣ слоямъ земли. Безъ сомнѣнія потребуется еще не мало дальнѣйшихъ изслѣдованій, прежде чѣмъ геологъ будетъ въ состояніи вполне объяснить себѣ вышеозначенное явленіе. Тѣмъ болѣе значеніе принадлежитъ изслѣдованіямъ о происхожденіи подобныхъ же явленій природы въ настоящее время. Я думаю поэтому, что приводимыя ниже догадки о томъ, какимъ образомъ осадочные замершіе слои маринального происхожденія образуются въ наши дни, и при томъ даже въ стра-

нахъ съ теплымъ и роскошнымъ климатомъ, должны имѣть известную цѣну въ глазахъ изслѣдователей.

Въ отчетѣ моемъ о плаваніи къ Енисею въ 1875 г. мною между прочимъ было высказано по отношенію къ Карскому морю слѣдующее:

«На морской поверхности температура и солоноватость воды чрезвычайно разнообразны. Лѣтомъ, въ продолженіе многихъ дней, при теплой и тихой погодѣ, цѣлая масса легкой, теплой прѣсной воды изъ могучихъ рѣкъ Оби и Енисея безпрепятственно приливаетъ на морскую поверхность. Если по близости не находится льдовъ, то температура, показываемая термометромъ на поверхности моря, достигаетъ даже $+11^{\circ}$ Ц., а иногда и нѣсколько больше. Тогда вода содержитъ въ себѣ столь мало соли, что безъ малѣйшаго отращенія ее можно употреблять въ питье. Близость льда заставляеть однакоже часто температуру быстро спадать до 0° , и такое же дѣйствіе оказываютъ бури, во время которыхъ волненіе перемѣшиваетъ теплую воду на поверхности съ холодною водою морскаго дна. При этомъ даже и на поверхности вода становится соленою и не годится болѣе для питья. Но уже на глубинѣ всего нѣсколькихъ сажень какъ температура, такъ и степень солоноватости воды въ Карскомъ морѣ остается вполнѣ постоянной. Температура даже въ самые жаркіе лѣтніе дни, а равно и въ самое холодное зимнее время, колеблется между -1° и -2° Ц.» Въ другомъ моемъ сочиненіи на ту же тему я обращаю вниманіе на то странное явленіе, что вода на поверхности этого моря часто составляетъ губительный ядъ для животныхъ, живущихъ на его днѣ, и что вода съ поверхности, налитая въ бутылку, быстро замерзаетъ, если бутылка будетъ подвергнута влиянію холода, одного градуса съ тѣмъ, который имѣетъ вода на нѣсколько сажень ниже подъ поверхностью моря. То, что говорилось о Карскомъ морѣ, можетъ теперь быть примѣнено ко всему Сибирскому Ледовитому океану, благодаря измѣреніямъ, производившимся во время плаванія «Веги» лейтенантомъ Бове. При этомъ должно напомнить, что здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ слояхъ воды охлаждающейся ниже ея точки замерзанія, какіе въ известныя времена года на короткое время появляются на болѣе или менѣе ограниченныхъ пространствахъ у береговъ Скандинавіи, а о слой соленой воды, которая, охлаждаясь ниже точки замерзанія прѣсной воды, не достигаетъ однакоже точки замерзанія свойственной ей самой.

Не смотря на низкую температуру въ теченіе цѣлаго года (почти на 2 градуса ниже точки замерзанія прѣсной воды), дно Сѣвернаго океана кипитъ разнообразною животною жизнью. Повсюду вдоль береговъ встрѣчается невѣроятная масса мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, съ жадностью пожирающихъ все съѣдомое, что имъ встрѣчается на дорогѣ. Наши зоологи воспользовались этимъ обстоятельствомъ при препарированіи скелетовъ. Д-ръ Стуксбергъ имѣлъ при этомъ возможность замѣтить, что неводъ крѣпко примерзалъ ко дну, а лейтенантъ Нордквистъ, вытягивая изъ воды продыравленный сакъ, въ которомъ былъ вложенъ оленій остовъ съ тѣмъ, чтобы мясистыя частицы на немъ были отмыты водой или поѣдены упомянутыми ракообразными, замѣтилъ, что онъ былъ наполненъ рыхлымъ льдомъ, въ которомъ погибли тысячи мелкихъ морскихъ животныхъ. Сначала я думалъ, что это произошло вслѣдствіе находившейся на морскомъ днѣ охлажденной ниже точки замерзанія воды; но немедленно произведенное измѣреніе убѣдило въ несостоятельности этого предположенія. Поэтому образованіе льда въ опущенномъ на дно сакѣ должно было зависѣть отъ того, что послѣдній, опускаясь, увлекъ за собою съ поверхности большее или меньшее количество почти прѣсной воды. И дѣйствительно не получалось вовсе льда въ мѣшкѣ, если, прежде, чѣмъ ему опуститься на дно, его оставляли на нѣкоторое время въ находящемся между поверхностью и морскимъ дномъ слой соленой и менѣе охлажденной воды. Вѣсь песокъ и илъ, *) которые съ поверхности моря проникаютъ на его дно, дѣйствуютъ безъ сомнѣнія такимъ же образомъ, какъ и вышеупомянутый неводъ, т. е. несутъ ко дну прѣсную воду, приравшную къ крупинкамъ песка или глины. Достигнувъ дна, она превращается въ ледъ, благодаря чему образуется на днѣ ледяной слой, который при благоприятныхъ обстоятельствахъ увеличивается изъ года въ годъ, пока не достигнетъ огромной толщины.

Хотя ледъ заломало на мѣстѣ нашей зимней стоянки довольно поздно, но это случилось все-таки такъ неожиданно и при обстоятельствахъ, дѣлавшихъ безъ крайней необходимости наше пребываніе среди плавающихъ вдоль берега льдинъ неблагоприятнымъ, что

*) Въ мелкомъ видѣ глина не замерзаетъ главнымъ образомъ конечно вслѣдствіе теплоты, развивающейся въ ней при тѣхъ химическихъ измѣненіяхъ, которымъ подвергаются различныя заключающіяся въ глинѣ органическія вещества.

у насъ не хватило времени воспользоваться снарядами, уже вполне приспособленными для того, чтобы извлечь образчики замерзшей воды съ морскаго дна. Я однако убѣжденъ въ томъ, что твердое какъ скала песчаное морское дно, возбуждавшее при дрекованіи столько жалобъ, дѣйствительно состояло изъ песчаника, которому ледъ, образовавшійся на днѣ, служилъ какъ-бы цементомъ, и я считаю вѣроятнымъ, что часть промерзлыхъ слоевъ сибирской почвы образовалась подобнымъ же образомъ, хотя я долженъ оговориться, что я отнюдь не считаю этого единственнымъ способомъ, какимъ возникли подобныя образованія.

Я могъ бы привести еще нѣсколько другихъ, стоящихъ въ связи съ рассмотрѣннымъ выше вопросомъ наблюдений, но чтобы не распространять и безъ того уже слишкомъ подробный отчетъ, я отложу этотъ для позднѣйшей исторіи земнаго шара столь важный предметъ до моихъ будущихъ ученыхъ статей, а теперь перейду къ продолженію описанія нашего путешествія.

Послѣ того какъ былъ поднятъ якорь или, лучше сказать, послѣ того какъ были убраны канаты, посредствомъ которыхъ «Вега» въ продолженіе зимы оставалась прикрѣпленной къ большой ледяной глыбѣ, составлявшей прочную и надежную оборону противъ самыхъ сильныхъ бурь и напора льдовъ, «Вега», разведши пары, прошла сначала около двухъ километровъ въ направленіи NW съ цѣлью обойти нѣкоторыя ледяныя груды, послѣ чего она стала держать курсъ вдоль берега восточнаго мыса Азіи, т. е. къ Восточному Носу. Нашему дальнѣйшему плаванію мѣшали уже не льды, а туманы, не позволявшіе отчетливо различать очертанія здѣшняго довольно возвышеннаго побережья.

Когда по временамъ случалось туманамъ разсѣяться, то мы здѣсь во многихъ мѣстахъ замѣчали утесы, формами своими напоминающіе развалины и подобные тѣмъ, которые намъ уже столько разъ попадались на сѣверномъ побережьи Восточной Сибири. Эти утесы имѣютъ видъ развалинъ когда-то существовавшихъ городовъ съ ихъ безчисленными дворцами и храмами въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, раскинутыми на необозримомъ пространствѣ. Они составляютъ единственное живописное явленіе природы на пространствѣ пройденномъ нами въ продолженіе нашего путешествія. Вообще относительно живописности и красоты природы сѣверное побережье Сибири далеко уступаетъ Шпицбергену съ его глубокими, вдающимися въ материкъ фіордами, окруженными черными великолѣпнаго

строения утесами и то ослѣпительно бѣлыми, то лазурно голубыми глетчерами. Сѣверные берега Азии не были ни въ древнѣйшія, ни въ позднѣйшія времена въ такой степени изрѣзаны ледниками на фіорды и скалы, какъ Гренландія, Шпицбергенъ и Сѣверная Норвегія. На всей колоссальной равнинѣ между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ имѣется въ настоящее время всего единственный, идущій къ морю глетчеръ, и осенью сѣверные берега Сибири остаются уже совершенно свободными отъ льда и снѣга; только въ высокихъ горахъ на восточной сторонѣ Таймырскаго полуострова и между Беринговымъ проливомъ и Яканскимъ мысомъ встрѣчаются долины, остающіяся покрытыми снѣгомъ до поздней осени. Во всякомъ случаѣ трудно рѣшить, составляютъ ли которыя нибудь изъ нихъ русло дѣйствительнаго глетчера. Если же таковой и существовалъ, то былъ чрезвычайно незначителенъ, будучи задержанъ на значительной высотѣ надъ поверхностью моря. Точно также не встрѣчается тамъ настоящихъ снѣжныхъ вершинъ, ни круглый годъ остающихся подъ снѣгомъ горныхъ высотъ, хотя извѣстная часть горъ, напримѣръ горы на западной сторонѣ Колочинскаго залива, достигаютъ до 2,000 фут. вышины и болѣе. Если изъ изслѣдованія горной природы въ южныхъ странахъ заимствованное понятіе о линіи снѣговъ можетъ быть приложимо къ странамъ крайняго сѣвера, что еще составляетъ отнюдь не рѣшенный вопросъ, то на сѣверномъ побережьи Азии линія снѣговъ находилась бы на высотѣ 1,500 футовъ.

Несомнѣнно, что такое отношеніе существовало и въ прежнія времена, поэтому-то, можно думать, и берега здѣсь не изрѣзаны фіордами и только исключительнымъ образомъ на нихъ встрѣчаются крутыя горы, обращенныя къ морю, служа въ такомъ случаѣ убѣжищемъ для высидиванія яицъ разнаго рода морскихъ птицъ *). Поэтому же вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири не находится и тѣхъ маленькихъ острововъ, которые столь благопріятны для высидиванія, такъ какъ ледъ вокругъ нихъ ломается такъ рано, что птицы на

*) Во все наше плаваніе вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири я видѣлъ настоящія птицы горы только на о-вѣ Преображенья при устьѣ Хатанги и у Иркайши. Въ значительномъ количествѣ *Alca* и *Larus tridactylus* гнѣздились въ первой изъ названныхъ мѣстностей, а бакланы въ другой. Должно прибавить, что породы *Mergulus* Берингова моря вѣроятно массами населяютъ груди камней, покрывающія склоны горъ на Восточномъ мысѣ.

нихъ лѣтомъ могутъ жить въ безопасности отъ нападенія лисицъ. Здѣсь никогда не встрѣчается такихъ гагачьихъ колоній, какъ на Пуховыхъ островахъ, при исходѣ изъ пролива Горнъ. Потому здѣсь не было и того изобилія яицъ, которое обыкновенно встрѣчается въ арктическихъ странахъ, доставляя во время зимовки здоровую пищу, пріятно разнообразящую зимній столъ изъ разныхъ консервовъ. Но весьма большое число птицъ пролетало весною надъ мѣстомъ нашей зимней стоянки по направленію къ сѣверу; изъ этого можно вывести, что между Землею Вранчеля и островами полярной Америки находятся значительныя пространства земли съ высокими горами, съ долинами, наполненными ледниками, и съ возвышенными утесами.

Огибая Восточный мысъ Азіи 20-го іюля, въ 11 часовъ утра, мы привѣтствовали это событіе, выкинувъ флаги и огласивъ окрестность шведскимъ салютомъ. Наконецъ была достигнута теперь дѣль, къ которой столько націй стремились уже со временъ сэра Hugh'a Willoughby, который при пушечныхъ выстрѣлахъ и крикахъ «ура!», провозглашаемыхъ по праздничному разодѣтыми матросами, оставилъ 20-го мая 1553 года гринвичскую гавань. Его корабли носили выразительныя имена «Esperanza», «Edward Bonaventure», «BonapConfidentia», и они всѣ были такъ убѣждены въ успѣхъ, что его корабли для защиты противъ фоладидовъ Индійскаго моря были обиты свинцомъ, чего до сихъ поръ не дѣлалось на англійскихъ корабляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, то была первая попытка англичанъ проплыть къ Тихому океану; но хотя счастье обмануло сэра Hugh'a и его сподвижниковъ, столь увѣренныхъ въ успѣхъ, тѣмъ не менѣе они все-таки первые проложили путь для сѣвернаго плаванія англичанъ. Съ тѣхъ поръ множество другихъ экспедицій изъ разныхъ земель смѣловали по этому пути, но всегда столь же безуспѣшно и большей частью жертвуя кораблями, жизнью и здоровьемъ множества смѣлыхъ моряковъ; наконецъ теперь, по истеченіи 386 лѣтъ и послѣ того какъ большая часть опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ людей объявила предпріятіе невозможнымъ, осуществился наконецъ проходъ по сѣверо-восточному пути. Благодаря ревностной дисциплинѣ и разсудительности нашихъ матросовъ и ихъ начальниковъ, это совершилось не только безъ потери жизни для кого либо изъ путниковъ, но даже и безъ болѣзни между участниками предпріятія и безъ малѣйшаго поврежденія на кораблѣ. Кромѣ того, опытъ исполненъ при обстоятельствахъ, которыя показываютъ, что то же

дѣло можетъ совершаться цѣлые годы подъ рядъ, а можетъ быть и ежегодно въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Намъ позволительно было исполниться извѣстной гордостью, когда нашъ желто-снѣгій флагъ взвился на верху мачты и раздался выстрѣлы шведскихъ пушекъ въ томъ проливѣ, гдѣ Старый и Новый свѣтъ протягиваютъ другъ другу руку. Конечно теперь пройденный нами путь не можетъ предназначаться для торговли между Китаемъ и Европой, но нашей экспедиціи, наравнѣ съ предъидущими шведскими экспедиціями, было дано открыть еще всемірное море для мореходовъ.

Отъ Восточнаго Носа курсъ былъ направленъ прежде всего къ заливу св. Лаврентія, весьма значительному фіорду, вдающемуся нѣсколько южнѣ Берингова пролива въ Чукотскій полуостровъ. Произведенная здѣсь провѣрка запасовъ, находящихся еще въ нашемъ распоряженіи при вступленіи въ Тихій океанъ показала, что у насъ на кораблѣ оставалось еще 4,000 куб. фут. угля и жизненныхъ припасовъ на цѣлый годъ.

Въ статьѣ «Объ образѣ жизни прибрежныхъ чукчей», которую я посылаю одновременно съ описаніемъ путешествія, я перечисляю чукотскія поселенія или становища, расположенныя между Чаунскимъ заливомъ и Восточнымъ мысомъ. Объясненія къ этому перечню приобрѣтены лейтенантомъ Нордвистомъ въ бесѣдахъ съ приѣзжавшими на собакахъ чукчами, которые зимою отдыхали у насъ на кораблѣ. Всѣ они оканчивали свои рассказы указаніемъ на лежащій къ западу отъ Восточнаго Носа городъ Эртринъ и что далѣе къ востоку и югу живетъ другой народъ. Это вполне согласно и съ обычными указаніями въ трудахъ, посвященныхъ этнографіи здѣшнихъ мѣстъ, согласно съ которыми на азіатской сторонѣ Берингова пролива и при устьѣ Анадыра долженъ обитать въ небольшомъ количествѣ родственныи съ эскимосами народъ, «онкимоны», который нѣкогда занималъ всю страну чукчей. Въ то время, какъ мы среди густыхъ тумановъ осторожно подвигались впередъ въ сосѣдствѣ съ Восточнымъ Носомъ, отъ 20 до 30 туземцевъ въ большой байдарѣ подплыли къ кораблю; мы приняли ихъ съ радостью въ надеждѣ познакомиться съ неизвѣстнымъ намъ новымъ племенемъ, но когда они вскарабкались на палубу, то мы увидѣли, что это были чистѣйшіе чукчи, изъ которыхъ многіе оказались нашими старыми знакомыми, уже прежде побывавшими на «Вегѣ». Они говорили, что племя «анкали» находится далѣе по направленію къ заливу св. Лаврентія. Черезъ день мы бросили

якорь при входѣ въ названный заливъ, и по обыкновенію были посѣщаемы туземцами и въ свою очередь побывали въ ихъ юртахъ на сушѣ. Они всё говорили по самоедски съ извѣстной примѣсью чуждыхъ словъ, жили въ юртахъ, нѣсколько отличной отъ чукотскихъ постройки, и казалось отличались также нѣсколько инымъ складомъ лица. Сами они не допускали никакой національной разницы между собой и прежнимъ воинственнымъ племенемъ, господствовавшимъ на сѣверномъ побережьѣ; о народѣ же, котораго мы искали, они говорили, что онъ живетъ нѣсколько южнѣе. Нѣсколько дней спустя мы бросили якорь въ Коніамскомъ заливѣ (подъ $64^{\circ} 49'$ шир. и $172^{\circ} 58'$ зап. долготы. гринв. мер.). Здѣсь мы встрѣтили настоящихъ, т. е. оленныхъ чукчей. Если дѣйствительно нѣкогда эскимосы обитали не только при устьяхъ Анадыра, но также и у Восточнаго Носа, то повидимому въ послѣднее время въ указанной мѣстности они, утративъ свою національность, совершенно слились съ чукчами. За послѣднія 50 лѣтъ дѣйствительно здѣсь не происходило насильственныхъ переселеній. Должно также упомянуть, что имя, отмѣченное Врангелемъ для прежняго, прогнаннаго чукчами прибрежнаго населенія, «онкилоны», навѣрное сродно съ названіемъ «анкали», которымъ въ настоящее время оленные чукчи обозначаютъ береговыхъ.

Относящіяся сюда вопросы имѣютъ тотъ не малый этнографическій интересъ, что гипотеза переселенія эскимосовъ изъ Азіи въ Америку по Берингову проливу черезъ Землю Врангеля основывается на предположеніи, что сѣверо-восточные берега Азіи были населены нѣкогда эскимосами. Во избѣжаніе недоразумѣнія я долженъ еще упомянуть, что согласно съ достовѣрными русскими путешественниками, дѣйствительно эскимосскія племена до сихъ поръ еще живутъ при устьяхъ Анадыра и можетъ быть даже при Чукотскомъ Носѣ, и что англійскіе писатели, считающіе чукчей и эскимосовъ принадлежащими къ одному и тому же племени, совершенно ошибаются. Лейтенантъ Нордквистъ съ большимъ стараніемъ составилъ списокъ чукотскихъ словъ, въ числѣ цѣлой тысячи, сопоставивъ ихъ съ таковымъ же количествомъ словъ языка, употребляемаго туземцами на американскомъ берегу, что совершенно достаточно для знакомства съ характеристическими особенностями обоихъ нарѣчій. Волге точное изслѣдованіе этихъ сборниковъ доказываетъ, что жители на американскомъ берегу чистокровные эскимосы, съ которыми можно, на примѣръ при мѣнровой торговлѣ

объясниться съ помощью словаря эскимосскаго языка, помѣщеннаго въ Arctic Geography and Ethnology, London 1875; но что, съ другой стороны, чукчи говорятъ совсѣмъ другимъ языкомъ, звучащимъ для нашего уха менѣе чуждо и болѣе соотвѣтственно съ понятіемъ объ основныхъ законахъ образованія языковъ, нежели нарѣчіе эскимосовъ. Мнѣ не показалось бы страннымъ, еслибъ языковѣдъ, при изслѣдованіи упомянутыхъ списковъ словъ, нашелъ, что чукотскій языкъ болѣе родственъ съ нѣкоторыми изъ языковъ иранской семьи, нежели съ діалектами остальныхъ сѣверныхъ народовъ Азии и Америки. Замѣчательнымъ доказательствомъ невозможности на основаніи одинаковаго образа жизни, налагаемаго на разнородныя племена одинаковымъ климатомъ и одинаковыми условіями борьбы за существованіе, а также изъ сходства домашней обстановки заключать о совершенномъ племенномъ тождествѣ, — служить полное сходство домашней обстановки у чукчей и эскимосовъ; дѣйствительно можно съ достовѣрностью утверждать, что эти два сосѣдніе народа имѣютъ значительное количество вполнѣ однородной утвари въ своихъ юртахъ, но крайней мѣрѣ въ гораздо болѣе степени, чѣмъ сколько у нихъ общихъ словъ въ языкѣ.

Я имѣлъ въ виду возможно далѣе проникнуть въ заливъ св. Лаврентія, чтобы доставить нашимъ натуралистамъ возможность окончить изслѣдованія природныхъ свойствъ Чукотскаго полуострова, начатыя ими осенью 1878 и весною 1879 гт. Однако уже съ прибытіемъ къ заливу мы нашли его настолько наполненнымъ льдами, что «Вега» была вынуждена бросить якорь при селеніи Нунамо, лежащемъ у самаго входа въ фіордъ. Обширныя, хотя довольно тонкія, на половину размытыя водою ледяныя глыбы неслись цѣлыми массами мимо корабля, такъ что было неблагоприятно оставаться на этомъ мѣстѣ долѣе, чѣмъ сколько было необходимо, поэтому мы пробыли здѣсь только до послѣполуденнаго времени 21-го юля.

Юртовое поселеніе Нунамо лежитъ, въ отличіе отъ прежде видѣнныхъ нами чукотскихъ поселеній, не на самомъ низменномъ берегу моря, но довольно высоко, на одномъ изъ мысовъ, между моремъ и рѣкой, впадающей въ этомъ мѣстѣ въ заливъ и при таяніи снѣговъ весьма обильной водою. Непосредственно за береговымъ склономъ начинается довольно высокая гора, склоны которой были покрыты каменными грудами, между которыми гнѣздились

многочисленные сурки и суслики (*Lagomys Alpinus* *). Гора отделилась от моря узкимъ, достигающимъ отъ 50 до 100 футовъ въ высоту крутымъ берегомъ, на которомъ было расположено съ десятокъ юртъ, и который въ настоящее время былъ весь покрытъ необыкновенно пышнымъ ковромъ цвѣтовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ д-ромъ Кіельманомъ было собрано здѣсь на прострѣнствѣ немногихъ десятиинъ, до сотни видовъ цвѣточныхъ растеній, между которыми многія формы не попадались ему прежде на Чукотскомъ полуостровѣ.

На склонѣ горъ замѣчались еще обширныя пространства, покрытыя снѣгомъ, а съ горной высоты можно было разглядѣть, что значительныя ледяныя массы двигались взадъ и впередъ на азіатской сторонѣ Берингова пролива. Д-ръ Стуксбергъ взомель на вершину одной изъ сосѣднихъ горъ; тамъ онъ нашелъ трущ одного изъ туземцевъ, лежавшій на каменной гробницѣ обычной у чукчей формы. Возлѣ покойника лежали поломанное ружье, дробтики, стрѣлы, огниво, трубка, родъ забрала для защиты лица отъ снѣга и инструментъ, употребляемый чукчами для отбрасыванія льда при рубкѣ прорубей, и разныя другія вещи, считающіяся необходимыми для умершаго въ загробномъ мірѣ. Чума въ этихъ мѣстахъ господствовала, по крайней мѣрѣ, не позже прошлаго лѣта; между тѣмъ трубка была одна изъ тѣхъ голандскихъ трубокъ, которыя на «Вегѣ» раздавались туземцамъ, слѣдовательно она была положена здѣсь гораздо позже времени погребенія. Во время своихъ прочихъ экскурсій д-ръ Стуксбергъ имѣлъ не разъ удобный случай для изученія туземныхъ кладбищъ. Свои наблюденія онъ изложилъ въ статьѣ «О кладбищахъ чукчей и эскимосовъ», которая, можетъ быть, будетъ помѣщена въ запискахъ антрополого-географическаго общества.

Какъ я уже упомянулъ, юрты въ Нунамо при заливѣ св. Лаврентія отличались особенною въ сравненіи съ чукотскими постройкой. Стѣны юртъ, видѣнныхъ мною на сѣверномъ побережьи, состояли обыкновенно изъ берестянаго палисадника, весьма цѣлесообразно связаннаго и подпертаго кучами камня и кирпича; на-

*) Последнее животное, изъ породы грызуновъ, во многихъ отношеніяхъ похоже на зайца и по величинѣ нѣсколько больше крысы; замѣчательно тою заботливостію, съ какою оно лѣтомъ собираетъ запасъ на зиму.

противъ, при заливѣ св. Лаврентія для подпорки шатра служили главнымъ образомъ китовыя кости. Самый шатеръ былъ обыкновенно прикрѣпленъ внизу къ китовымъ ребрамъ и челюстямъ, вбитымъ, подобно сваямъ, въ землю. Сваи не рѣдко соединялись на верху такими же китовыми ребрами и отъ нихъ шли къ верхушкѣ юрты изъ того же матеріала составленныя жерди. Чтобы не давать вѣтру поддувать оболочку шатра, на края ея были навалены также китовыя кости. За недостаткомъ пловучаго лѣса и ради сбереженія рыбьяго жира, для горѣнія употреблялись здѣсь тѣ же китовыя кости пропитанныя жиромъ. Выдолбленныя китовыя кости замѣняли лампы, и часто очаги внѣ юрты имѣли въ серединѣ воткнутое въ землю китовое ребро, на которое привѣшивался котелокъ. Входъ въ кладовыя, расположенныя рядомъ съ юртой, запирался обыкновенно также съ помощью китовой плечевой кости. Обломки нижнечелюстной кости и менѣе изогнутыя ребра употреблялись на санныя полозья, лопаты и топоры для рубки льда, а жилы и волокна служили для связки различныхъ инструментовъ. Ловъ въ послѣдніе дни повидимому былъ весьма прибыленъ, если судить по количеству вывѣшенныхъ для сушки, въ сосѣдствѣ съ кораблемъ, тюленьяго мяса и очищенныхъ внутренностей и по кровавымъ, неопратно разбросаннымъ повсюду въ юртахъ кускамъ мяса. Большая часть пойманныхъ тюленей принадлежала къ обыкновенной породѣ (*Phoca foetida*), но кромѣ того находились также и остатки отъ *Phoca nautica*. Я думаю, что отечественнымъ зоологамъ будетъ пріятно узнать, что экспедиція запаслась кожей и черепомъ этой рѣдкой, отличающейся красивой испещренной кожей, породы тюленей. У входа въ каждую юрту можно было замѣтить большія кучи зеленыхъ ивовыхъ вѣтвей, окруженныхъ женщинами и дѣтьми, съ жадностью поѣдавшими съ нихъ листья. Въ другихъ мѣстахъ были запасены на зиму большіе мѣшки съ листьями растенія *Radiola*, а также большіе запасы разныхъ корней. Вообще число различныхъ видовъ растений и количество растительныхъ веществъ, употребляемыхъ чукчами частью въ сыромъ видѣ лѣтомъ, частью запасаемыхъ на зиму, весьма значительно. Поэтому вполне ошибочно приводить чукчей какъ примѣръ народа, живущаго исключительно пищею, доставляемою животнымъ царствомъ. Мы, можетъ быть, имѣемъ въ данномъ случаѣ указаніе на нѣкоторыя стороны въ образѣ жизни людей каменнаго періода, на которыя до сихъ поръ совершенно не обращалось вниманія, и вообще точное

рѣшеніе этого вопроса представляется весьма важнымъ для правильнаго сужденія объ образѣ жизни нынѣшнихъ дикихъ народовъ; поэтому мнѣ доставило истинное удовольствіе то обстоятельство, что докторъ Кіельманъ, съ обычнымъ пониманіемъ дѣла и настойчивостью, собралъ по возможности обширный матеріалъ для знакомства съ съѣдобными растеніями и способомъ ихъ приготовленія у чукчей. На вышеуказанный вопросъ отвѣтить труднѣе, чѣмъ можно бы думать, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не только о различіи растеній въ ихъ общемъ видѣ, но также и о цѣлой массѣ весьма незначительныхъ и мелкихъ частей ихъ, какъ то: увядшихъ листьевъ, поблекшихъ цвѣтовъ, кусочковъ коры, сушеныхъ кореньевъ и пр.

Отъ Нунамо курсъ нашъ былъ направленъ къ Портъ-Кларенсу на американской сторонѣ Берингова пролива, гдѣ мы и бросили якорь, 22-го іюля вечеромъ, послѣ перехода черезъ проливъ, на азиатской сторонѣ еще усѣянный пловучими льдами, а на американской уже свободный отъ льдовъ. Портъ-Кларенсъ представляетъ чрезвычайно обширную и при томъ превосходную гавань, лежащую къ югу въ непосредственной близости отъ крайняго западнаго мыса Америки. Это была первая настоящая гавань, въ которой «Вега» стала на якорь, съ тѣхъ поръ какъ она, 18-го августа 1878 года, оставила гавань Актиній на островѣ Таймурѣ. Въ этотъ промежутокъ времени «Вега» постоянно или стояла на якорѣ или была привязана къ ледянымъ глыбамъ лишь на открытыхъ рейдахъ, не защищаемая материкомъ отъ снѣговъ и морскаго вѣтра. Тѣмъ не менѣе она, благодаря благоразумію и осмотрительности ея капитана, лейтенанта Паландера, равно какъ и прекраснымъ качествамъ ея офицеровъ и экипажа, не только не испытала поврежденій, но даже осталась въ той же мѣрѣ годною для мореплаванія, какъ и при своемъ отплытіи изъ Карльскронскаго порта.

Со стороны моря Портъ-Кларенсъ защищенъ длинною и узкою песчаною косой, у сѣверной стороны которой находится удобный и глубокій входъ, ведущій въ самую гавань. Со стороны материка въ гавань впадаетъ значительная рѣка, устье которой расширяется до размѣровъ озера, которое песчаною же косою отдѣляется отъ ближайшей къ морю части гавани. Само озеро составляетъ внутреннюю гавань, входъ въ которую однакожъ слишкомъ мелокъ для судовъ съ глубокой осадкой. Рѣка же, напротивъ, не только глубока, но и широка на столько, что километрахъ въ 18 отъ устья образуетъ

другое озеро, на материковомъ берегу котораго возвышаются зубчатая горы вышиною до 2,000—3,000 футовъ.

Къ югу отъ рѣки и гавани почва круто опускается къ морскому берегу склономъ въ 30—60 фут. вышины. На сѣверной сторонѣ берегъ по большей части низменъ, тогда какъ далѣе внутрь страны почва снова начинаетъ возвышаться, образуя куполовидные холмы вышиною въ 600—700 футовъ. Здѣсь въ это время снѣгъ еще лежалъ только въ долинахъ и другихъ защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ. Ледниковъ не замѣчалось, хотя можно бы было ожидать встрѣтить таковыя на склонахъ тѣхъ высокихъ горъ, которыя къ востоку составляли границу внутренняго озера. Было также ясно, что здѣшняя мѣстность не бывала покрыта ледяной оболочкой ни въ одинъ изъ ближайшихъ періодовъ. На многочисленныхъ прогулкахъ, предпринятыхъ нами по разнымъ направленіямъ, мы не встрѣтили ни глаціарныхъ грядъ, ни наносныхъ каменныхъ массъ, ни изрытыхъ склоновъ горъ, ни вообще какихъ либо признаковъ ледяного періода.*

Когда мы, вступая въ гавань, подошли къ Капъ-Йорку, мысу, выступающему въ направленіи WNW отъ Портъ-Кларенса, то мы безъ труда могли съ палубы различить, что высокія горы, лежащія на мысѣ, состоятъ изъ слюдяныхъ породъ. Поэтому я надѣялся собрать здѣсь большую жатву по части окаменѣлостей. Однако по прибытіи на мѣсто я нашелъ, что сказанныя породы состояли исключительно изъ кристаллическихъ сланцевыхъ породъ безъ всякаго слѣда остатковъ прежнихъ животныхъ или растений. Затѣмъ мы на здѣшнемъ побережьи также вовсе не встрѣтили китовыхъ костей, ни остатковъ мамонта, какіе мы вывели съ собой съ береговъ Эшпольтсъ-бэ. Едва «Вега» успѣла бросить якорь, какъ къ намъ подѣхало множество большихъ лодокъ, биткомъ набитыхъ мужчинами, женщинами, дѣтьми, собаками, палатками и проч. хозяйственными принадлежностями. Одна часть туземцевъ успѣла уже разбить шатры на берегахъ внутренней гавани, образованной вышеупомянутой рѣкой. Другіе были очевидно на-готовѣ переселиться на дѣто въ болѣе сѣверныя, удобныя для охоты и рыбной ловли мѣста. Тутъ же находилось разнаго рода зимнее жильѣ, уже покинутое на лѣтнее время.

Жители состояли изъ эскимосовъ, не понимавшихъ ни слова по-чукотски; между ними впрочемъ нашлась одна женщина, утверждавшая, что дѣйствительно настоящія чукотскія племена живутъ

на американскомъ берегу между Пойнтъ-Барро и мысомъ принца Уэльскаго. Двое или трое изъ мужчинъ говорили немно по-английски и побывали даже однажды въ Санъ-Франциско и Голулу. Многое изъ утвари свидѣтельствовало о ихъ сношеніяхъ съ американцами и китоловами. Справедливость требуетъ признать, что такое сближеніе повидимому способствовало какъ умственному развитію дикарей, такъ и улучшенію ихъ въ нравственномъ отношеніи. Большая часть изъ нихъ жили въ шатрахъ изъ тонкой бумажной ткани. Сами же они были одѣты, иные — въ европейское платье, другіе въ штаны изъ оленьей и тюленьей шкуры и въ легкую, мягкую шубу сурковаго мѣха, на которую въ непогоду надѣвали непромокаемый кафтанъ изъ брюшины. Голову они покрывали на одинъ манеръ съ чукчами. Женщины имѣли на подбородкѣ нѣсколько нататуированныхъ линій. Многіе изъ мужчинъ носили усы, а у иныхъ были даже небольшія бороды. По большей части они имѣли на лицахъ просверленные подъ углами рта небольшія отверстія, длиною отъ 6 до 7 миллиметровъ; въ нихъ они носили довольно крупныя кусочки кости, стекла и камней. Многіе имѣли подобное же отверстіе по срединѣ губы. У одной дѣвушки крупная синяя буса была привѣшена къ носу, для чего въ носовой перегородкѣ было просверлено небольшое отверстіе; она была однако очень смущена, когда ея украшеніе обратило на себя общее вниманіе. Всѣ женщины носили въ ушахъ сережки изъ стеклыруса; на рукахъ у нихъ были надѣты желѣзные или мѣдные браслеты, сходныя съ употребляемыми у чукчей. Цвѣтъ кожи у нихъ отличался умѣренной смуглостью при яркомъ румянцѣ на щекахъ; черныя волосы по жесткости напоминали конскій волосъ; онѣ имѣли маленькіе, каріе глаза съ незначительной косиною; лицо плоское; носъ маленькій, приплюснутый въ верхней части; продырявленная губа не казалась особенно обезображенной, потому что большею частью къ ней не привѣшивалось украшеній (вообще кажется этотъ странный обычай началъ выходить изъ употребленія, или по крайней мѣрѣ все болѣе вытѣсняется европейской модой просверливать, вмѣсто губъ, уши). Онѣ были большею частью средняго роста и отличались свѣжимъ и здоровымъ видомъ, безъ излишней худощавости и полноты; ноги и руки были у всѣхъ маленькія. Вообще этотъ народъ держалъ себя опрятнѣе, нежели чукчи, и извѣстная уютность и порядокъ господствовали въ ихъ небольшихъ шатрахъ, въ которыхъ на по-

*

ду были посланы сплетенныя изъ растительныхъ волоконъ циновки. Въмѣстѣ со всякаго рода снарядами, приобретенными отъ американцевъ — между прочимъ съ казенной части заряжающимися ружьями, револьверами, топорами, — у нихъ были и въ употребленіи луки и стрѣлы, дротики для охоты на птицъ и гарпуны, сдѣланные изъ кости, а также разныя каменные орудія. Въ особенности снаряды для уженья рыбы были устроены очень искуснымъ образомъ изъ разнаго сорта кости и камней, изъ стекляруса, кусковъ красной кожи и т. п., и все это связано китовымъ усомъ такимъ образомъ, что представлялось сходство съ извѣстными насконными; подобная нажива, кажется, была бы пригодна и у насъ при ловлѣ семги. Огонь добываютъ эскимосы большею частью при помощи кремня и трута, частью же посредствомъ зажигательнаго бурава, но многіе уже пользовались американскими спичками. Лучекъ, которымъ буравъ приводится въ вращательное движеніе, не рѣдко былъ сдѣланъ изъ слоновой кости и богато изукрашенъ рѣзными изображениями охоты. У этого народа всѣ снаряды отличались болѣе тонкой рѣзкой и вообще назалось были великолѣпнѣе и ярче разукрашены, нежели у чукчей. Самый народъ здѣсь жилищемъ и среди него встрѣчаются владѣльцы весьма большаго количества кожаныхъ лодокъ или байдаръ, каюковъ и т. п. Всѣ старинные рассказы сходятся къ тому, что нѣкогда чукчи составляли могущественное племя, которому подчинялись другія дикія племена въ этихъ краяхъ, но все въ настоящее время свидѣтельствуеъ, что этому господству пришелъ конецъ. Впрочемъ уваженіе къ нимъ продолжается, повидимому, существовать и до сихъ поръ между сосѣдними народами.

Когда исчезла первоначальная недовѣрчивость съ ихъ стороны, то туземцы оказались весьма дружелюбными, предупредительными и честными, хотя и были склонны къ попрошайничеству и слишкомъ говорливы при мѣнновомъ торгѣ. Между ними не было повидимому никакого начальника, а напротивъ царствовало полное равноправіе, и женщины казались не занимали подчиненнаго мѣста по отношенію къ мужчинамъ. Дѣти были вѣжливы, хорошо выдержаны, хотя они, конечно, не получили никакого воспитанія. Всѣ жители были язычники. За неимѣніемъ времени и вслѣдствіе незнанія ихъ языка, мы не имѣли возможности познакомиться съ ихъ религіозными воззрѣніями, если можно такъ назвать тѣ грубыя суевѣрія, которыми они повидимому были проникнуты. Они

были менѣ склонны къ водкѣ, нежели чукчи. Всякая торговля водкою съ дикарями на американской сторонѣ запрещена закономъ и, кажется, законъ этотъ дѣйствительно строго соблюдается.

Во время нашего пребыванія у Чукотскаго полуострова я располагалъ слишкомъ незначительнымъ запасомъ пригодныхъ для обмѣна предметовъ, такъ что мнѣ часто было не легко заставить ниаго чукчу уступить мнѣ кое-что изъ его домашней утвари. Напротивъ, здѣсь я самъ располагалъ большими средствами, благодаря значительному сбереженію нашихъ обильныхъ запасовъ, слѣланному нами за зиму. Я воспользовался этимъ, чтобы вымѣнять прекрасную полную коллекцію этнографическихъ предметовъ. Между ними слѣдуетъ назвать превосходные образчики рѣзьбы по кости и разные наконечники къ стрѣламъ и другія каменные издѣлія, выдѣланныя изъ извѣстной породы нефрита, до того сходнаго съ породой, добываемой въ верхней Азіи, что я склоненъ думать, что упомянутыя каменные издѣлія происходятъ дѣйствительно отсюда.

На сѣверной сторонѣ гавани находилось старое зданіе, предназначавшееся нѣкогда для варки ворвани, но уже покинутое его прежними американскими или европейскими владѣльцами. Въ соседствѣ съ нимъ находились двѣ эскимосскія могилы: трупы лежали прямо въ полѣ, безъ всякаго гроба, окруженные только плетенью изъ воткнутыхъ въ перекрестъ въ землю шатерныхъ шестовъ. Возлѣ одного изъ труновъ помѣщались принадлежавшіе нѣкогда покойному—лодка, заряженное двухствольное ружье и иное оружіе; платье, огниво, лыжи, сосудъ для питья и вырѣзанныя изъ дерева маски и фантастическія изображенія животныхъ, какія были нами замѣчены и въ шатрахъ (такъ, на примѣръ, позади двухъ шатровъ нами найдены были грубыя, вырѣзанныя изъ дерева съ распущенными крыльями птицы, помѣщавшіяся на высокихъ въ два аршина столбахъ; я тщетно пытался приобрести ихъ въ обмѣнъ на большой сѣрый войлокъ, за который я въ другомъ случаѣ могъ бы получить почти все, что угодно). Какъ яркій примѣръ умѣнья американцевъ рекомендовать свои товары, можетъ служить слѣдующее: однажды, во время нашего пребыванія въ здѣшней гавани, пріѣхалъ къ намъ на корабль эскимось и между прочимъ показалъ печатное объявленіе, въ которомъ одинъ торговый домъ въ Санъ-Франциско предлагалъ для «Sporting gentlemen in Bering-sund» (эскимосовъ?) свой складъ превосходной охотничьей дрови.

Въ Америкѣ, подобно тому, какъ и въ Европѣ, теплое морское теченіе идетъ вдоль сѣверо-западнаго берега, дѣлая тамошній климатъ гораздо болѣе теплымъ въ сравненіи съ господствующимъ на противоположной азіатской сторонѣ. Поэтому и граница лѣсовъ доходитъ въ сѣверо-западной Америкѣ довольно далеко къ сѣверу отъ Берингова пролива, между тѣмъ, какъ весь Чукотскій полуостровъ представляется почти лишеннымъ лѣса. Даже при Портѣ-Кларенсѣ вся береговая мѣстность отличается отсутствіемъ лѣсовъ, хотя на нѣсколько километровъ далѣе вглубь страны и встрѣчаются высокіе въ одинъ аршинъ кустарники породы *Alnaster*. По другую сторону прибрежныхъ горъ однакоже растутъ вѣроятно уже и настоящій лѣсъ. Растительность здѣсь впрочемъ очень развита и мы встрѣтили множество формъ одинакихъ или близко сходныхъ съ растеніями скандинавскаго сѣвера, такъ что д-ру Кіельману удалось составить изъ нихъ коллекцію, весьма цѣнную для сравненія съ флорой въ сосѣдней части Азіи и другихъ арктическихъ странахъ. Д-ръ Альмквистъ собралъ довольно обширные матеріалы для знакомства съ здѣшней, доселѣ вѣроятно неизвѣстной флорой лишаевъ.

Жатва нашихъ зоологовъ была здѣсь незначительна; не смотря на изобильную растительность, казалось, что живущія на сушѣ безпозвоночныя были гораздо бѣднѣе видами, чѣмъ въ самой сѣверной части Норвегіи. Изъ жесткокрылыхъ было найдено всего съ десятокъ видовъ, преимущественно изъ гарпалидъ и стафилидъ, и изъ живущихъ на сушѣ и прѣсноводныхъ моллюсковъ только отъ 7 до 8 формъ. Даже фауна птицъ была довольно бѣдна, а дрекованіемъ въ гавани добыто, вслѣдствіе неудобныхъ свойствъ дна, лишь незначительное число видовъ водорослей и морскихъ животныхъ.

26-го іюля, въ 3 часа послѣ обѣда «Вега», снявшись съ якоря, на паряхъ выступила изъ Портѣ-Кларенса при великолѣпной погодѣ и шла болѣею частью подъ попутнымъ вѣтромъ, по направленію къ Сенявинскому проливу, лежащему на разстояніи 115' къ юго-западу отъ Восточнаго Носа, между нѣсколькими значительной величины островами и Чукотскимъ полуостровомъ. Во время плаванія черезъ каждые четыре часа производилось съ корабля измѣреніе лотомъ и извлекались образчики морской воды для опредѣленія ея солесодержимости и температуры на различныхъ глубинахъ.

Кромѣ того три раза въ сутки производилось дрекованіе, дававшее обыкновенно чрезвычайно богатую добычу.

При ближайшемъ изученіи карты Сибири оказывается, — о чемъ я уже упоминалъ прежде, — что берега ея тянутся болѣею частью сплошною, ровною линіею, а не изрѣзаны, подобно западнымъ берегамъ Скандинавіи, глубокими, окруженными высокими горами, фіордами. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ юго-восточный мысъ Чукотскаго полуострова, изрѣзанный множествомъ незначительныхъ фіордовъ, которые врѣзаются въ высокій, покрытый трахитовыми горами, материкъ, со стороны моря замыкаясь двумя большими и нѣсколькими мелкими, скалистыми островами и мелями, образующими начало цѣлой гряды шхеръ, которая отдѣляется отъ материка глубокимъ Сецявинскимъ проливомъ. Эта мѣстность нанесена на карту во время столь богатаго точными изслѣдованіями мореплаванія нынѣшняго адмирала Дж. Роджерса на американскомъ кораблѣ «Vincennes» въ 1855 г. Изъ этой карты, которая выѣстъ съ разными другими, частью уже напечатанными, частью еще рукописными, сообщена мнѣ изъ „Hydrographic office U. S. Navy“, въ Вашингтонѣ, явствуетъ, что въ этомъ районѣ находится не мало превосходныхъ гаваней и мѣстъ для якорной стоянки.

Желаніе доставить нашимъ натуралистамъ возможность окончить въ надежной пристани свои изслѣдованія о природныхъ свойствахъ Чукотскаго полуострова, а также и мое собственное стремленіе поближе ознакомиться съ одной изъ тѣхъ немногихъ частей Сибири, которыя по всей вѣроятности нѣкогда были покрыты льдомъ, заставили меня выбрать этотъ край для второй якорной стоянки «Веги» на азиатской сторонѣ къ югу отъ Берингова пролива. 28-го іюля утромъ брошенъ былъ здѣсь якорь, но не въ гавани Глазенапа, какъ предполагалось раньше, потому что она была еще покрыта плотнымъ льдомъ, а при входѣ въ самый сѣверный изъ фіордовъ, именно въ Коніамъ-Бэ, внутренняя часть котораго, однако же, также находилась еще подъ сплошною ледяною корою. Последнюю взломало 30-го іюля вечеромъ, что едва не послужило гибелью для «Веги», притиснутой льдомъ къ берегу. Но къ счастью опасность была замѣчена во время и, по снятіи съ якоря, корабль на парусахъ отошелъ къ свободной отъ льдовъ части фіорда. Такъ какъ у насъ были разведены пары, то я ради сбереженія топлива и не желая еще долѣе замедлять отправку успокои-

тельныхъ о насъ извѣстій, что, не говоря о тревогахъ, могло бы вызвать не большіе расходы, предпочелъ непосредственно продолжать нашъ путь, вмѣсто того, чтобы искать новой, болѣе надежной пристани гдѣ нибудь по сосѣдству.

Юго-восточный берегъ Коніамской бухты, гдѣ мы стали было на якорѣ, представляетъ довольно пустынное болото, населенное множествомъ журавлей. На береговой сторонѣ этого болота виднѣлись вершины горъ, состоявшихъ въ нижней части изъ гранита, а въ верхней—изъ трахита и имѣющихъ въ вышину до 2,000 футовъ. Находки зоологовъ и ботаниковъ на этомъ берегу были довольно скудны, но за то на сѣверной сторонѣ залива встрѣчались покрытыя пышною травой покатою, на которыхъ сверхъ того росъ кустарникъ и раскинулся пестрый коверъ цвѣтовъ, такъ что собранная докторомъ Кіельманомъ коллекція высихшихъ растений наиболѣе сѣверной части Азіи увеличилась еще 70-ю разновидностями; здѣсь же впервые на Чукотскомъ полуостровѣ встрѣтились земляныя моллюски.

Три семьи оленныхъ чукчей расположили свои лѣтнія юрты на сѣверо-западномъ берегу Коніамъ-Бэ, при устьѣ довольно изобильнаго водою ручья. По образу жизни эти люди мало отличались отъ тѣхъ береговыхъ чукчей, вмѣстѣ съ которыми мы провели зиму, притомъ они и одѣты были одинаково, за исключеніемъ множества привѣшанныхъ къ ихъ поясамъ маленькихъ бубенчиковъ. Число оленей доходило до 400, слѣдовательно было менѣе того, которое требуется для содержанія трехъ семействъ у лопарей; но за то въ сравненіи съ лопарями чукчи пользуются болѣе обильнымъ источникомъ для существованія, благодаря рыбной ловлѣ и преимущественно охотѣ; кромѣ того они не пьютъ кофе и сами собираютъ потребную для нихъ пищу изъ растительнаго царства. Они встрѣтили насъ очень дружелюбно и предложили купить или, лучше сказать, вымѣнять у нихъ трехъ оленей; однакожь эта сдѣлка не состоялась вслѣдствіе нашего скораго отъѣзда.

Въ глубокихъ долинахъ между горами лежали еще значительныя массы снѣга, но никакихъ слѣдовъ глетчеровъ здѣсь не замѣчалось. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что долины и фіорды здѣсь были когда-то наполнены льдомъ, хотя всѣ прежніе отполированныя имъ утесы, вслѣдствіе рыхлости трахита, давно уже искрошились въ щебень, съ теченіемъ времени сравнявшійся безслѣдно съ землей. Можно предполагать также, что ледяная оболочка прости-

ралась нѣкогда отчасти къ западу, достигая ближайшаго сосѣдства съ устьями Анадыра, отчасти же къ сѣверо-востоку до залива св. Лаврентія, и что такимъ образомъ въ южной части Чукотскаго полуострова находился прежде небольшой глетчеръ.

31-го июля вечеромъ якорь былъ брошенъ при сѣверо-восточномъ берегу острова св. Лаврентія или, какъ его чукчи называютъ „Энгнэ“. Немного дагѣе къ востоку отъ Сенявинскаго пролива мы въ послѣдній разъ видѣли плавающие льды. Вообще то количество льдовъ, которое полярнымъ теченіемъ выносится вдоль по Берингову проливу, крайне не значительно и главная масса льда, находящагося весною па азиатской сторонѣ Берингова моря, очевидно, образуется при берегахъ. По этому мы здѣсь не видѣли ни одной ледяной скалы, а весь встрѣченный нами ледъ образовался въ этомъ году.

Энгнэ составляетъ самый большой островъ въ морѣ, простирающемся между Алеутскими островами и Беринговымъ проливомъ. Онъ лежитъ ближе къ Азій нежели къ Америкѣ, но считается принадлежащимъ къ послѣдней и былъ уступленъ Россіей, въ одно время съ Аляской, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Онъ населенъ незначительнымъ числомъ эскимосскихъ семействъ, которыя однакоже сохраняютъ нѣкоторыя связи съ своими сосѣдами на азиатской сторонѣ, такъ что въ ихъ языкѣ встрѣчается нѣсколько чукотскихъ словъ; одежда ихъ также сходна съ чукотскою, но за неимѣніемъ оленьихъ шкуръ они носятъ шубы изъ сурковаго мѣха и изъ птичьихъ кожъ; ихъ дождевые кафтаны дѣлаются изъ брюшины и отличаются такою же кройкою, какъ и у чукчей, только богаче украшеніями. Подобно чукчамъ, они лѣтомъ ходятъ съ открытою головою, причеиъ свои волосы, по грубости напоминающіе конскій волосъ, мужчины стригутъ подъ гребенку, оставляя лишь узкій вѣичикъ вокругъ головы, а женщины заплетаютъ въ косы, украшая ихъ стеклярусомъ. Женщины ходили часто босыми и почти всегда съ голыми ляшками; онѣ были хорошо сложены и многія обладали довольно недурною наружностью, но все безъ исключенія отличались безпощаднымъ попрошайничествомъ.

Лѣтнія юрты у нихъ состояли изъ неправильныхъ, но свѣтлыхъ и довольно уютныхъ шатровъ изъ тюленьихъ шкуръ и брюшины. Зимнія ихъ жилища, оходныя съ изображенными на рисункѣ у Whupreg'a жилищами индѣйскаго племени Юконовъ, состоятъ изъ землянокъ, закрытыхъ, за исключеніемъ четырехугольнаго входа, дос-

ками изъ пловучаго гѣса, китовыми костями и дерномъ, поверхъ которыхъ натянута шатеръ изъ тюленьей шкуры. Въ настоящее время этотъ наружный шатеръ былъ снятъ для того, чтобы дать гѣтней теплотѣ проникнуть въ землянку и уничтожить ледъ, намерзшій въ теченіе зимы на ея стѣнкахъ. Китовыя кости, встречающіяся здѣсь во множествѣ на берегу, часто употребляются какъ строительный матеріалъ для юртъ; такъ, возлѣ самыхъ зимнихъ жилищъ нерѣдко были сложены большія груды распиленныхъ и просверленныхъ вверху китовыхъ нижнечелюстныхъ костей. Горная порода здѣсь состояла изъ гранита того же рода, какъ и гранитъ, лежавшій подъ трахитомъ у Коніамскаго залива; онъ казался слегка вывѣтрившимся, и отъ него же безъ сомнѣнія зависитъ плодородіе здѣшней почвы. Дѣйствительно растительность и здѣсь отличалась обиліемъ, причѣмъ замѣчалось такое богатство цвѣтовъ, какое мнѣ рѣдко случалось видѣть. Повидимому теперь было время жатвы для здѣшнихъ жителей, какъ разъ занятыхъ собираніемъ овощныхъ запасовъ на зиму, состоящихъ преимущественно изъ листьевъ растенія *Rha diola*. Д-ръ Кіельманъ значительно обогатилъ здѣсь свою коллекцію высшихъ растений, а также составилъ богатое собраніе сухопутныхъ и морскихъ животныхъ, лишаевъ и водорослей.

Повидимому вовсе не существуетъ гавани на островѣ св. Лаврентія, и «Вега» должна была стать на якорь на совершенно открытомъ рейдѣ, вслѣдствіе чего лейтенантъ Паландеръ выражалъ желаніе какъ можно скорѣе оставить это мѣсто, и уже 2-го августа въ 3 часа пополудни мы продолжали наше путешествіе. Мы держали курсъ сначала къ Карагинскому острову, у восточнаго берега Камчатки, и мое намѣреніе было остановиться на нѣсколько дней въ этомъ мѣстѣ, чтобы имѣть возможность сравнить природныя свойства Средней Камчатки и Чукотскаго полуострова. Но такъ какъ неблагоприятныя вѣтры замедлили нашъ переѣздъ долѣ чѣмъ предполагалось, то я, хотя и не охотно, отказался отъ намѣренія пристать къ тамошнему берегу. Поэтому ближайшую цѣль нашего плаванія составилъ теперь Беринговъ островъ, гдѣ «Вега» и бросила якорь въ довольно плохой гавани, совершенно открытой къ WNW и S, на сѣверо-западномъ берегу острова.

Изъ всѣхъ Алеутскихъ острововъ Беринговъ островъ лежитъ наиболѣе къ западу и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Камчатки. Онъ, наравнѣ съ сосѣднимъ Мѣднымъ островомъ,

считается принадлежащимъ не къ Америкѣ, а къ Азіи и составляетъ часть владѣній Россіи. Тѣмъ не менѣе аляско-американская компанія пользуется исключительнымъ правомъ заниматься на немъ охотою и содержать здѣсь значительную торговую контору, снабжающую мѣстныхъ жителей, число которыхъ достигаетъ 300 человекъ, жизненными припасами и мануфактурными товарами, въ обмѣнъ на которые она получаетъ отъ нихъ пушной товаръ, преимущественно шкуры тюленей и морскихъ котиковъ (*Otaria ursina*). Отъ 50—100,000 этихъ животныхъ ежегодно убивается какъ на этомъ, такъ и на сосѣднемъ Мѣдномъ островѣ. Это именно тѣ животныя, коричневый шелковистый мѣхъ которыхъ въ послѣднее время вошелъ въ такое употребленіе. Для охраненія правъ русскаго правительства и для поддержанія порядка на островѣ живутъ нѣсколько русскихъ чиновниковъ. Съ поль-дюжины деревянныхъ, цѣлесообразно выстроенныхъ домиковъ заняты русскимъ начальствомъ и служащими въ американской компаніи, а часть ихъ отведена подъ магазины и лавки. Туземцы живутъ отчасти въ просторныхъ и уютныхъ землянкахъ, отчасти въ небольшихъ деревянныхъ домикахъ, и компанія постоянно старается побудить жителей замѣнять послѣдними ихъ землянки; съ этой цѣлью она сама иногда даритъ такіе дома наиболѣе заслуживающимъ между населеніемъ. На островѣ есть также церковь, гдѣ совершается богослуженіе по греко-католическому обряду, равно и помѣщеніе для школы, предназначенной для алеутскихъ дѣтей. Къ сожаленію, во время нашего посѣщенія школа была закрыта, но если позволительно заключать по находившимся въ ней ученическимъ тетрадкамъ, то преподаваніе здѣсь ведется не дурно, по крайней мѣрѣ пробныя работы отличались опрятностью, отсутствіемъ чернильныхъ пятенъ и довольно гладкимъ и красивымъ слогомъ. Въ колоніи дома расположены въ одномъ мѣстѣ на манеръ городка, съ моря напоминающаго норвежское рыбацкое поселеніе. Впрочемъ мѣстами встрѣчаются дома и въ одиночку въ другихъ частяхъ острова, какъ напр. на сѣверо-восточной сторонѣ его, гдѣ въ скромныхъ размѣрахъ воздѣлывается картофель, и, на сѣверной, гдѣ находятся два большіе магазина и множество крошечныхъ землянокъ, занимаемыхъ обыкновенно лишь во время охоты на котиковъ.

Какъ въ геологическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніи Беринговъ островъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ острововъ сѣверной части Тихаго океана. Здѣсь Берингъ въ

свое поспѣднее неудачное плаваніе по морю, называемому его. именемъ, нашелъ 19-го декабря 1741 года конецъ своей продолжительной дѣятельности по части морскихъ открытій, вскорѣ послѣ того какъ его корабль разбился во время бури о скалы въ средней части сѣвернаго побережья острова. Впрочемъ многіе изъ его спутниковъ пережили его и въ томъ числѣ даровитый натуралистъ Штеллеръ (Steller), оставившій мастерское описаніе природныхъ свойствъ острова, на которомъ онъ вынужденъ былъ прожить все время отъ половины ноября 1741 до конца августа 1742 г. Какъ думаютъ, до тѣхъ поръ Беринговъ островъ никогда не былъ посѣщаемъ людьми. Намѣреніе доставить нашимъ музеямъ шкуры и скелеты многочисленныхъ водящихся здѣсь замѣчательныхъ млекопитающихъ, а также желаніе получить возможность сравнить нынѣшнее положеніе острова, послѣ того какъ онъ въ теченіи почти 150 лѣтъ былъ безъ пощады предоставленъ охотѣ и хищничеству людей, съ его состояніемъ, изображеннымъ въ оживленномъ и живописномъ разсказѣ Штеллера, побудили меня, впрочемъ сообразно съ планомъ экспедиціи, посѣтить сказанный островъ. Однакожъ свѣдѣнія, вычитанныя мною изъ американскихъ газетъ объ опасеніяхъ, возбужденныхъ въ Европѣ нашей зимовкой, не позволили мнѣ оставаться тамъ столько, сколько было бы желательно; но во всякомъ случаѣ коллекціи и наблюденія наши на Беринговомъ островѣ были какъ нельзя болѣе содержательны.

Со времени Штеллера міръ животныхъ на островѣ подвергся весьма существеннымъ измѣненіямъ. Такъ, лисицы или вѣрнѣе песцы встрѣчались здѣсь, по разсказу Штеллера, въ огромномъ количествѣ. Они не только пожирали почти все болѣе или менѣе съѣдобное, что могли найти подъ открытымъ небомъ, но и проникали, безразлично днемъ и ночью, въ дома и тащили все, что имъ попадалось, не исключая и предметовъ, совершенно бесполезныхъ для нихъ, какъ напримѣръ ножи, палки, башмаки и чулки. При занятіяхъ внѣ дома приходилось отгонять ихъ палками, и для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе эти животныя дѣйствительно составляли опасныхъ сосѣдей, вслѣдствіе тѣхъ хитрости и ловкости, съ которыми они совершали свои воровства, равно какъ и по той смысленности, какую они выказывали въ тѣхъ случаяхъ, когда могли рассчитывать достигнуть успѣха лишь соединенными силами. Съ тѣхъ поръ это животное было истреблено охотниками цѣлыми тысячами, и въ настоящее время оно стадо столь рѣдкимъ, что во

время нашего пребыванія здѣсь намъ не удалось увидѣть ни одного. Впрочемъ уцѣлѣвшіе изъ нихъ уже не отличаются обьчнымъ въ прежнее время и столь цѣнившимся черно - голубымъ цвѣтомъ шерсти, а доставляютъ большею частію бѣлые мѣха, гораздо менѣе цѣнные. На сосѣднемъ Мѣдномъ островѣ псы, однакожь, попадаютъ еще и теперь въ значительномъ количествѣ. Отъ 1741 до 1742 года Штеллеромъ здѣсь было убито также до 700 морскихъ бобровъ, но и это столь извѣстное по своему чрезвычайно цѣнному мѣху животное теперь уже совершенно вытѣснено съ Берингова острова. Изъ сивучей (*Otaria Stelleri*), также водившихся нѣкогда въ большомъ количествѣ, нынѣ попадаютъ только единичные экземпляры, на ряду съ морскими котиками, по береговымъ утесамъ острова. Наконецъ замѣчательнѣйшія изъ прежнихъ млекопитающихъ Берингова острова—морскія коровы оказываются совершенно вымершими.

Морская корова (*Rhytina Stelleri*) занимаетъ между морскими млекопитающими, въ извѣстномъ смыслѣ, мѣсто жвачныхъ. Она отличалась орѣховымъ цвѣтомъ и была покрыта волосами, сросшимися въ наружную оболочку, похожую нѣкоторымъ образомъ на кору стараго дуба. По Штеллеру длина ея равнялась 35 фут., а вѣсъ достигалъ до 500 центнеровъ. У ней была большая голова, короткая, нѣсколько приподнятая шея; чрезвычайная толщина, отличавшая переднюю часть ея туловища, быстро уменьшалась по направленію къ задней части. У этого животнаго были двѣ короткія переднія ноги, лишеныя на концѣ какихъ либо пальцевъ или когтей, которые замѣнялись густою и короткою переплетавшеюся щетиною. Заднихъ ногъ не было вовсе, а ихъ замѣняли хвостовые плавники, сходные съ имѣющимися у китовъ. Сосцы, отличавшіеся у самки особеннымъ обиліемъ молока, помѣщались между передними ногами. Какъ мясо, такъ и молоко этого животнаго представляли по вкусу сходство съ мясомъ и молокомъ коровы, и, по словамъ Штеллера, были даже вкуснѣе, чѣмъ у этой послѣдней.

Морскія коровы почти постоянно были заняты тѣмъ, что щипали въ изобиліи растущія у береговъ водоросли, причемъ онѣ производили головой и шей движенія, напоминавшія пасущагося вола. При этомъ онѣ выказывали большую прозорливость и нисколько не стѣснялись присутствіемъ человѣческихъ существъ. Даже можно было дотрогиваться до нихъ, не причиняя имъ ни ма-

лѣйшаго испуга. Между собой онѣ жили дружно и если случалось поранить гарпуной одно изъ этихъ животныхъ, то остальные дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы спасти товарища.

Во время пребыванія здѣсь Штеллера эти животныя паслись, подобно домашнему скоту, большими стадами повсюду вдоль берега. Штеллеромъ и его товарищами ихъ было убито огромное количество; въ послѣдствіи охота на этихъ животныхъ составляла для русскихъ, пріѣзжавшихъ изъ Камчатки на Алеутскіе острова, весьма важный промыселъ. По увѣренію Миддендорфа, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій знаменитыхъ академикомъ Бера и Брандта, эти животныя не были извѣстны до времени Штеллера, а послѣднее изъ нихъ убито въ 1768 году. Впрочемъ на мои многочисленные вопросы, предложенныя жителямъ, я получилъ довольно опредѣленный отвѣтъ, что морскихъ коровъ случалось убивать и позднѣе. Одинъ изъ жителей, рожденный отъ русскаго и алеутки и, несмотря на свои 67 лѣтъ, отличавшійся смышленностью и исполнѣнъ хорошей памятью, рассказывалъ мнѣ, что отецъ его, умершій 88 лѣтъ отъ роду въ 1847 году и бывшій родомъ изъ Волынской губерніи, переселился на Беринговъ островъ, имѣя не болѣе 18 лѣтъ, слѣдовательно въ 1777 г. Въ первые два или три года (т. е. около 1779—1780 г.) его пребыванія тамъ еще случалось убивать морскихъ коровъ, когда онѣ во время прилива отыскивали водоросли. Въ пищу употребляли только ихъ сердце, а шкура шла на байдары; кожу ихъ, вслѣдствіе ея толщины, приходилось раздвигать и двѣ такимъ образомъ разрѣзанныя шкуры были достаточны для устройства байдары въ 20 ф. въ длину, 7¹/₂ ф. въ ширину и 3 ф. въ глубину. Съ этого времени уже не было болѣе убито ни одного изъ этихъ животныхъ.

Впрочемъ можно предполагать, что еще и въ послѣдствіи на островахъ показывались морскія коровы. Двое изъ туземцевъ смѣшаннаго же происхожденія, Федоръ Мерченинъ и Степновъ видѣли, лѣтъ 25 тому назадъ, у Толстаго мыса, на восточной сторонѣ острова, неизвѣстное имъ животное, которое при значительной толщинѣ спереди отличалось узостью своей задней части и имѣло небольшие переднія ноги; длина его была около 15 ф. Оно плавало и ныряло, исполнѣ могло дышать, но не жабрами, а ртомъ, выступающимъ нѣсколько впередъ; цвѣта оно было коричневаго съ большими свѣтловатыми пятнами. Спинныхъ плавниковъ у него не было, а когда оно изгибалось, то можно было, вслѣдствіе его чрез-

вычайной худощавости, различить спинной хребетъ. Я съ точностью распрашивалъ обоихъ рассказчиковъ и ихъ показанія вполнѣ согласовались между собой и казались весьма правдоподобными. Одинъ изъ главныхъ изслѣдователей въ алясской компаніи, г-нъ Ohsche, родомъ изъ Лифляндіи и въ настоящее время живущій на Мѣдномъ островѣ, говорилъ мнѣ, что кости морской коровы встрѣчаются на западной сторонѣ послѣдняго до настоящаго времени. Напротивъ, такихъ костей не встрѣчается на лежащемъ передъ колоніей и описанномъ нами ниже островкѣ, хотя онѣ часто попадаютъ на сосѣднемъ побережьѣ главнаго острова. Вотъ скудныя свѣдѣнія, полученныя мною отъ туземцевъ и другихъ здѣшнихъ жителей относительно упомянутыхъ животныхъ; напротивъ мнѣ удалось составить весьма обширную и прекрасную коллекцію костяныхъ остатковъ послѣднихъ.

При первомъ моемъ знакомствѣ съ европейцами здѣшняго острова мнѣ говорили, что существуетъ лишь слабая надежда составить сколько нибудь значительную коллекцію. Такъ, сама компанія тщетно предлагала 150 р. за цѣльный скелетъ морской коровы; но уже проведши всего нѣсколько часовъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, я узналъ, что болѣе или менѣе значительные запасы костей хранятся въ хижинахъ туземцевъ, которыя я у нихъ и скупилъ, намѣренно предлагая плату, болѣе чѣмъ удовлетворяющую продавца и въ то же время способную возбудить зависть его сосѣдей. Такъ что большая часть мужскаго населенія немедленно ревностнѣйшимъ образомъ принялась за поиски костей, и такимъ образомъ мнѣ удалось собрать и наполнить нѣсколько ящиковъ и бочекъ костями морской коровы, въ числѣ которыхъ были весьма значительныя находки, какъ напримѣръ два цѣлыхъ, прекрасно сохранившихся черепа вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, уже болѣе поврежденными и т. д. Вышеупомянутыя кости встрѣчаются не у самой воды, но на прибрежномъ валу, густо поросшемъ травой и возвышающемся отъ 6 до 10 фут. Онѣ часто бывають прикрыты слоемъ земли или щебня толщиною отъ 1 до 1½ ф., такъ что, чтобы найти ихъ, приходилось изслѣдовать почву съ помощью шеста съ желѣзнымъ наконечникомъ. При этомъ по самому характеру удара или иначе по звуку, быстро привыкаешь отличать, ударяется ли вонзенный въ почву инструментъ о камень, о кусокъ дерева или же о кость. Ребра морской коровы, вслѣдствіе того, что по твердости они не уступаютъ слоновой кости, употребляются туземцами на полозья саней и для рѣзбы. Вслѣдствіе

этого они уничтожаются въ большомъ количествѣ и попадаютъ рѣже остальныхъ костей. Пальцевые суставы также большею частью оказываются совершенно исчезнувшими, равно какъ и крайніе хвостовые позвонки.

Единственнымъ изъ болѣе крупныхъ животныхъ, которое продолжаетъ существовать на Беринговомъ островѣ, можетъ быть въ столь же большомъ количествѣ какъ и во время Штеллера, является морской котикъ (*Otaria ursina*). Но и онъ началъ было уже исчезать, такъ что ежегодная добыча его уменьшилась до незначительныхъ размѣровъ, когда Алясская компания приобрѣла отъ русскаго правительства, подъ условіемъ уплаты ему, если не ошибаюсь, двухъ рублей за каждое убитое животное, исключительное право охоты на котиковъ, которая съ тѣхъ поръ и ведется цѣлесообразнымъ образомъ. Такъ, въ извѣстное время года охота на это животное безусловно воспрещается. Количество же животныхъ, которыя могутъ быть убиты охотниками, опредѣляется заранѣе, подобно тому какъ въ осеннее время сельскій хозяинъ поступаетъ съ своимъ стадомъ, предназначая извѣстную долю его на убой. Затѣмъ отбираются, на сколько это возможно при спѣшности дѣла, обреченныя на смерть животныя, при чемъ пользуются пощадой экземпляры съ плохой шкуркой, самки и дѣтеныши. Вообще со стаями морскихъ котиковъ, водящихся на побережьѣ Берингова и Мѣднаго острововъ, обходятся почти какъ со стадомъ ручныхъ животныхъ. Это оказывается возможнымъ благодаря тому, что эти животныя имѣютъ обыкновеніе ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставаться, безъ перерыва *) и, обходясь почти безъ всякой пищи, на опредѣленныхъ, выступающихъ въ море мысахъ названныхъ острововъ. Въ густо столпившихся стаяхъ пребываютъ они здѣсь на берегу цѣлыми сотнями тысячъ. Въ этихъ мѣстахъ строго запрещается охотиться за животными и вообще какимъ либо образомъ нарушать ихъ покой иначе какъ по особому разрѣшенію со стороны старосты, избираемаго изъ среды мѣстныхъ алеутовъ. Когда требуется убить извѣстное количество морскихъ котиковъ, то охотники окружаютъ одну изъ стай этихъ животныхъ и палками загоняютъ ихъ въ траву въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, потомъ

*) При продолжительныхъ проливныхъ дождяхъ животныя цѣлыми массами ищутъ убѣжища въ морѣ, но возвращаются снова на твердую землю, едва только прекратятся дожди.

выдѣляютъ изъ стаи самокъ и дѣтенышей, а также и самцовъ, шкурки которыхъ оказываются негодными къ употребленію, остальныхъ же сначала оглушаютъ ударомъ палки по носу и затѣмъ закалываютъ ножомъ.

Въ сопровожденіи мѣстнаго старосты, черноволосаго и нѣсколько зайкавшагося алеута, и казака, — обходительнаго малаго и въ важныхъ случаяхъ носившаго пашку чуть не длиннѣе его самого, но впрочемъ отнюдь не отвѣчавшаго обычному типу въ романахъ и на сценѣ, — нѣкоторые изъ насъ посѣтили одинъ изъ выдающихся въ море мысовъ на сѣверной сторонѣ острова, служившій любимымъ мѣстопробываніемъ для морскихъ котиковъ. Въ данномъ случаѣ какъ на самомъ мысу, такъ и на прилежащемъ побережьи, этихъ животныхъ находилось, какъ увѣряли насъ, хотя не безъ очевиднаго преувеличенія, до 200,000 штукъ. Слѣдуя за нашими вожакими, мы имѣли возможность весьма близко подползти къ одной изъ стай, расположившейся нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ. Болѣе старыя изъ этихъ животныхъ сначала обнаружили нѣкоторую тревогу, когда вдругъ замѣтили наше приближеніе, но вскорѣ они совершенно успокоились, такъ что мы могли вполне наслаждаться оригинальнымъ зрѣлищемъ, котораго мы были единственными созерцателями. Каменистое, размытое пѣнящимися морскими волнами побережье составляло сцену, въ глубинѣ которой разстилалось безпредѣльное море, а актерами служили тысячи страннаго вида животныхъ. Нѣкоторые изъ старыхъ самцовъ спокойно и неподвижно лежали, не заботясь о томъ, что происходило вокругъ нихъ. Другіе на своихъ коротенькихъ лапкахъ неуклюже ползали между разбросанными по берегу камнями и съ невѣроятною гибкостью плавали и ныряли въ морскихъ волнахъ, шалили и заигрывали другъ съ другомъ и при этомъ постоянно ворчали. Въ одномъ мѣстѣ два старые котика, испуская особаго рода шипѣніе, были заняты борьбой, при чемъ казалось, что какъ нападеніе, такъ и оборона ведутся строго обдуманнѣмъ образомъ. Въ другомъ мѣстѣ также шла борьба между старымъ и молодымъ котиками, но повидимому не серьезная, а какъ будто первый былъ занятъ обученіемъ послѣдняго въ искусствѣ бороться. Со всѣхъ сторонъ взадъ и впередъ озабоченно ползали маленькіе, чернаго цвѣта дѣтеныши, толкаясь между старшими, да по временамъ, призывая къ себѣ матку звуками, напоминающими бляеніе овцы. Нерѣдко дѣтеныши бывали задушены собственными родителями, если пос-

лѣдніе вслѣдствіе внезапнаго испуга опрометью кидались въ море. Въ подобныхъ случаяхъ на берегу обыкновенно находятъ потомъ сотни труповъ дѣтенышей.

Въ этомъ году этихъ животныхъ было убито только 13,000. Ихъ ободранные трупы кучами лежали на прибрежной травѣ, распространяя отвратительный запахъ, который однакожь отнюдь не разгонялъ ихъ на сосѣднемъ мысу расоложившихся товарищей, конечно благодаря тому, что въ средѣ послѣднихъ преобладалъ тотъ же запахъ вслѣдствіе множества валявшихся на прибрежьи задушенныхъ или подохшихъ котиковъ. Посреди этихъ безчисленныхъ стай котиковъ, на верхушкѣ огромнаго камня, одиноко расположился сивучъ, единственный изъ этой породы, котораго намъ пришлось видѣть въ наше плаваніе.

За вознагражденіе въ 40 р. мнѣ удалось приобрести отъ мѣстнаго старосты скелеты четырехъ валявшихся въ травѣ и полусгнившихъ уже котиковъ. Впослѣдствіи же я, благодаря любезности русскаго начальства и совершенно даромъ, получилъ 6 экземпляровъ этихъ животныхъ для начученія и въ томъ числѣ 2 живыхъ дѣтенышей. Намъ однакожь пришлось убить ихъ, такъ какъ мы безуспѣшно старались заставить ихъ принять что-нибудь въ пищу. Одинъ изъ нихъ былъ опущенъ въ спиртъ съ цѣлью анатомическаго исслѣдованія.

Видѣнная нами часть Берингова острова состоитъ изъ сплошной возвышенности, въ основаніе которой залегли вулканическія горныя породы *); но во многихъ мѣстахъ она прерывается глубокими, котловинообразными долинами, дно которыхъ обыкновенно покрыто озерами, соединяющимися съ моремъ посредствомъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣчекъ. Берега озеръ и склоны горъ покрыты чрезвычайно роскошной растительностью и богаты высокими травами и прекраснѣйшими цвѣтами, въ числѣ которыхъ встрѣчаются растущій и въ нашихъ садахъ шпаникъ; лекарственная, темно-коричневаго цвѣта *Savana* — лилія; различные виды ятропниковыхъ (*Orchidia*); два рода рододендроновъ съ большими цвѣ-

*) По увѣренію г. Гребницкаго, на Беринговомъ островѣ встрѣчается третичныя осаменѣлости и залежи каменнаго угля: первыя на сѣверѣ отъ колоній вглубь острова, а послѣдніе на одномъ уровнѣ съ поверхностью моря — въ ягу отъ могилы Беринга. Даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ колоніей подъ грахитовыми слоями простираются могучіе слои песку.

тами; нѣкоторыя изъ зонтичныхъ, въ ростъ человѣка, нѣсколько подсолнечникообразныхъ сопыльниковыхъ и т. д.

Совершенно иная природа господствовала на лежавшемъ внѣ гавани островкѣ. О немъ д-ръ Кіельманъ и д-ръ Стуксбергъ сообщаютъ слѣдующее:

«Островъ Топорковъ состоитъ изъ эруптивной горной породы, которая всюду по берегамъ, на равстояніи нѣсколькихъ десятковъ аршинъ отъ линіи наивысшаго стоянія воды, выступаетъ въ видѣ крутыхъ, но невысокихъ и щелистыхъ утесовъ, достигающихъ въ разныхъ мѣстахъ вышины отъ 5 до 15 метровъ; поверхъ этихъ крутыхъ горныхъ склоновъ поверхность острова представляетъ гладкую равнину, внизу которой простирается пологій берегъ.

«Этотъ пологій берегъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ поясовъ, изъ которыхъ внѣшній лишень всякой растительности, а внутренній покрытъ слѣдующими растеніями: *Ammadenia reploides*, *Elymus mollis* и два зонтичныхъ—*Heraclеum sibiricum* и *Angelica archangelica*, изъ которыхъ два послѣднія образуютъ на краю склона почти непроницаемую чашу шириною въ 50 метровъ и вышиною въ ростъ человѣка.

«Отвѣсные горные склоны мѣстами отличаются желтоватымъ цвѣтомъ, вслѣдствіе растущихъ на нихъ лишаяевъ, большею частью *Caloplaca murorum* и *Caloplaca crenulata*; мѣстами же ихъ довольно густо покрываетъ *Cochlearia fenestrata*.

«Верхняя гладкая равнина покрыта густымъ, изобильнымъ ковромъ травы, надъ которымъ возвышаются отдѣльныя группы двухъ выше упомянутыхъ породъ зонтичныхъ растений.

«Растительность на этомъ маленькомъ островкѣ отличается при чрезвычайной бѣдности видовъ замѣчательнымъ обиліемъ.

«Изъ высшихъ животныхъ нами замѣчено здѣсь только 4 вида, а именно: топорокъ (*Tratercula cirrhata*), кайра (*Uria grylle*), одинъ видъ изъ семейства веслоногихъ, а именно бакланы (*Phalacrocorax*) и одинъ же видъ изъ рода чаекъ (*Larus*). *Tratercula cirrhata* живетъ здѣсь цѣлыми милліонами. Мѣстопробываніемъ ихъ была верхняя равнина, на которой ими досюда были вырыты короткіе, глубокіе, чрезвычайно широкіе и снабженные двумя отверстіями ходы, которые имъ служатъ убѣжищемъ на ночь. При нашемъ приближеніи онѣ вылетали оттуда большими стаями, направляясь къ соседнему морю. По своему чрезвычайному изобилію они могутъ быть сравнены съ чистиками (*Alcoe*) въ арктическихъ Птичьихъ горахъ.

Что же касается до кайръ и баклановъ, то онѣ располагались на скалахъ по берегамъ залива.

«Число безпозвоночныхъ сухопутныхъ животныхъ доходить здѣсь до 30 видовъ. Наиболѣе многочисленныя изъ нихъ были: *Machilis*, *Vitrina*, *Lithobius*, *Talitrus* и нѣкоторыя изъ двукрылыхъ и жуковъ. Они жили всѣ во внутреннемъ береговомъ поясѣ, гдѣ почва отличалась чрезвычайною сыростью.»

Беринговъ островъ былъ бы въ состояніи легко прокормить стада домашняго скота, можетъ быть, столь же многочисленныя, какъ и стада тѣхъ морскихъ коровъ, которыя нѣкогда паслись на его берегахъ. Дѣйствительно морскія коровы какъ нельзя болѣе удачно выбрали здѣшнее мѣсто для своихъ пастбищъ, такъ какъ, по мнѣнію д-ра Кіельмана, окружающее море въ самомъ дѣлѣ одно изъ богатѣйшихъ водорослями на всемъ сѣверѣ. Морское дно покрыто здѣсь цѣлыми лѣсами водорослей, достигающихъ вышины въ 60—100 фут. и настолько густыми, что скребокъ съ трудомъ проникаетъ сквозь нихъ, — обстоятельство, въ значительной степени, затруднявшее дрекованіе. Нѣкоторыя изъ этихъ водорослей употребляются туземцами въ пищу.

Мысъ, на которомъ морскіе котіки имѣли по преимуществу свое пребываніе, находится въ 20 километрахъ отъ поселенія. Мы ѣздили туда каждый въ отдѣльныхъ саняхъ, запряженныхъ десяткомъ собакъ. Въ эту поѣздку мы имѣли случай, во время привала на половинѣ дороги между поселеніемъ и сказаннымъ мысомъ, участвовать въ весьма замѣчательной рыбной ловлѣ. Мѣсто нашего отдыха находилось на гладкой поросшей травой равнинѣ, изрѣзанной множествомъ маленькихъ ручьевъ, наполненныхъ разнообразными породами рыбы; между прочимъ тутъ водились особый видъ сига, мелкая форель, семга средней величины съ почти бѣлымъ мясомъ и съ багрянаго цвѣта кожей, а также другой видъ семги, одинаковой величины съ предъидущей, но гораздо шире и съ выпуклостью на спинѣ. Всѣ эти рыбы ловились чрезвычайно легко: ихъ или хватали руками, или гарпунировали обыкновенными палками безъ всякаго острога наконечника, а иногда и просто полѣньями, кололи ножемъ и т. д. Въ большихъ рѣкахъ острова попадаются еще другіе виды семги, мясо которыхъ отличается ярко-краснымъ цвѣтомъ. За незначительную плату мы приобрѣли здѣсь цѣлый запасъ свѣжей рыбы, составившей весьма желанную

перемѣну послѣ тѣхъ консервовъ, которые уже такъ успѣли намъ надобѣсть.

Кромѣ того экспедиція получила въ подарокъ жирную, откормленную корову, молоко и нѣсколько разнаго рода закусокъ. Я не могу достаточно нахвалиться тою благосклонностью, которою мы пользовались какъ со стороны представителя русскаго правительства, г. Гребницкаго, весьма ревностнаго и образованнаго естествоиспытателя, такъ и со стороны служащихъ въ компаніи «Аляска», а равно и прочихъ жителей острова, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло.

Первоначально я намѣревался было направиться отъ Берингова острова въ Петропавловскъ, съ тѣмъ, чтобы предупредить тѣ мѣры, которыя, какъ мы полагали, могли быть приняты съ цѣлью нашего освобожденія изъ льдовъ. Это однакожь оказалось совершенно лишнимъ, такъ какъ черезъ два дня по прибытіи сюда «Веги» рядомъ съ нею сталъ на якорь корабль, который непосредственно послѣ нагрузки долженъ былъ прямо отправиться въ Петропавловскъ. Этотъ пароходъ, принадлежащій обществу «Аляска», назывался «Александръ» и находился подъ командою капитана Зандмана; экипажъ же его состоялъ исключительно изъ норвежцевъ, шведовъ, датчанъ и финновъ. На сказанномъ пароходѣ находились также два натуралиста, д-ръ Бенедиктъ Дубовскій и Юлій Вимуть. Первый изъ нихъ—сосланный, а нынѣ помилованный полякъ, мастерскіе труды котораго по зоологіи принадлежать къ лучшему, что было сдѣлано въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій по изслѣдованію природныхъ свойствъ Сибири. Его занятія до сихъ поръ были посвящены преимущественно Забайкальскому краю, но теперь онъ намѣренъ распространить ихъ и на Камчатку, вслѣдствіе чего онъ добровольно принялъ мѣсто врача въ Петропавловскѣ. Наука имѣетъ основаніе ожидать очень богатыхъ плодовъ отъ работъ какъ его, такъ равно и его товарища, въ одной изъ наиболѣе интересныхъ, но въ то же время наименѣе изслѣдованныхъ странъ сѣвера.

19-го августа вечеромъ «Вега» оставила Беринговъ островъ и 2-го сентября вечеромъ же стала на якорь въ портѣ Иокагама. Первая часть перехода, пока мы еще находились въ идущемъ съ сѣвера холодномъ теченіи Ледовитаго океана, была сдѣлана при благопріятномъ вѣтрѣ и при умѣренно-теплой погодѣ. Температура воды на поверхности моря была сначала отъ $+9^{\circ}$ до $+11^{\circ}$, но

съ 25-го августа, подъ $45^{\circ} 1/4^{\circ}$ с. ш. и 156° в. д. по гринвич. мер., температура морской воды стала столь быстро подниматься, что уже 28-го августа, подъ 40° ш. и $147^{\circ} 31'$ в. д., термометръ показывалъ уже $+23,4^{\circ}$ на поверхности воды. Это послужило намъ указаніемъ, что мы изъ холоднаго и благопріятнаго для насъ теченія вступили въ «Куросиво», гольфстремъ Тихаго океана. Вѣтеръ постепенно становился противнымъ, а теплота воздуха замѣнилась удручающей жарой, несмотря на частые и сопровождавшіеся громомъ и сильными бурями проливные дожди. Въ одну изъ такихъ бурь, 31-го августа, молнія, сопровождаемая необыкновенной яркостью и трескомъ, ударила въ гротъ-мачту «Веги», причемъ оторвало и обросило въ море флюгеръ и повредило нѣсколько верхушку мачты, на которой образовалась длинная трещина. Всѣ находившіеся на корабль ощутили при сказанномъ ударѣ болѣе или менѣе сильное сотрясеніе, въ особенности одинъ изъ матросовъ, стоявшій при цѣнномъ ключѣ. Впрочемъ все это приключеніе не имѣло никакихъ особенно непріятныхъ послѣдствій.

При нашемъ прибытіи въ Юкагаму всѣ находившіеся на «Вегѣ» были здоровы и самый корабль оказался въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, хотя вслѣдствіе длиннаго путешествія нѣкоторыя поправки на немъ будутъ неизбежны. Естественно, что въ теченіе цѣлаго года не могло не случиться болѣе или менѣе серьезныхъ заболѣваній въ средѣ 30 человекъ, находившихся на кораблѣ, но ни разу у насъ не возникало никакой общей болѣзни, такъ что, въ общемъ мы всѣ пользовались превосходнымъ здоровьемъ. Скорбута между нами не замѣчалось даже и слѣдovъ.

А. Е. Норденшвельдъ.

„Вега“, на якорной стоянкѣ
въ Юкагамѣ,
2-го сентабра 1879 года.

РОСПИСАНІЕ

относительно стола на корабль «Вега» въ продолженіе зимовки
у сѣверныхъ береговъ Сибири.

№ 1.

Завтракъ.

Масло	25	граммовъ.
Кофе	42	»
Сахаръ	32	»

Обѣдъ.

Свинина соленая или сушеная рыба	318	»
Кислая капуста	318	»
Картофель въ консервахъ	51	»
Овощи » »	28	»
Мясной экстрактъ	6	»
Рисъ	212	»
Изюмъ	21	»
Водка или ромъ	5	центилитр.

Ужинъ.

Масло	25	граммовъ.
Чай	6	»
Сахаръ	32	»
Ячная каша	26	центилитр.
Сыръ	51	граммъ.

№ 2.

Завтракъ.

Какъ № 1.

Обѣдъ.

Мясо въ консервахъ	одна порція.
Картофель въ »	51 граммъ.
Овощи въ »	24 »
Лукъ » »	одна порція.
Мясной экстрактъ	6 граммовъ.
Водка или ромъ	5 центилитр.

Ужинъ.

Какъ № 1 безъ сыру.

№ 3.

Завтракъ.

Какъ № 1.

Обѣдъ.

Свинина соленая	425 граммовъ.
Горохъ	26 центилитр.
Мясной экстрактъ	6 граммовъ.
Ячная каша	5 центилитр.
Водка или ромъ	5 »

Ужинъ.

Какъ № 2.

№ 4.

Завтракъ.

Масло	25 граммовъ.
Шоколадъ	42,50 »
Сахаръ	32 »

Обѣдъ.

Солонина	425 »
Макароны или бобы или зеленый горошекъ	64 »
	26 центилитр.
	одна порція.
Фруктовый супъ	»
Водка или ромъ	5 центилитр.

Ужинъ.

Какъ № 2.

№ 5.

Завтракъ.

Какъ № 4.

Обѣдъ.

Бифштексъ въ консервахъ или жареная говядина	одна порція.
Картофель > >	5І граммъ.
Лукъ.	одна порція.
Фруктовый супъ	> >
Водка или ромъ	5 центилит.

Ужинъ.

Какъ № 2.

Сверхъ того на наждаго челоѣна отпускалось:

Въ день: 531 грам. сухарей или муки ($\frac{2}{3}$ пшеничной, $\frac{1}{3}$ ржаной), 8,5 грам. табаку и 2 центилитра лимоннаго соку (Limejuice).

Въ недѣлю: 425 грам. пшеничной муки, 127,5 грам. масла, 90 грам. соли, 30 грам. горчицы, 12 грам. перцу и 5 центил. уксусу.

Фруктовый супъ: порція состоитъ изъ 21 грам. саго, 21 грамма сушеныхъ плодовъ, 12 грам. изюму, 12 грам. черносливу, 42,50 грам. патоки или сахару.

Макаронны или бобы: указанная выше порція можетъ быть замѣнена порціею консервированнаго горошка.

Примѣчаніе I. Когда есть возможность достать говядины и свѣжихъ овощей, то ихъ подаютъ вмѣсто № 2 и соответственно росписанію, принятому въ королевскомъ флотѣ.

Примѣчаніе II. Приведенныя выше, подъ разными номерами, рубрики относительно стола распредѣляются слѣдующимъ образомъ по днямъ недѣли: № 1 по воскресеньямъ; № 2 по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; № 3 по средамъ и № 5 по субботамъ.

Примѣчаніе III. Кромѣ вышеназванныхъ съѣстныхъ припасовъ, на «Вегѣ» имѣются и другія, какъ-то—хрѣнъ, pickles, концентрированное молоко, но онѣ не входятъ въ составъ обычнаго пайка, а употребляются по мѣрѣ надобности.

**О ВОЗМОЖНОСТИ
ТОРГОВАГО МОРЕХОДСТВА
ВЪ
СИБИРСКОМЪ ЛЕДОВИТОМЪ МОРЪ.**

МЕМУАРЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ Е. В. КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ И НОРВЕЖСКОМУ

ПРОФ. А. Е. НОРДЕНШЕЛЬДОМЪ.

(Переводъ съ французскаго).

Для разрѣшенія вопроса, составляющаго предметъ настоящаго мемуара, всего удобнѣе будетъ рассмотретьъ въ отдѣльности различныя пространства, на которыя дѣлится большими сибирскими рѣками, впадающими въ Ледовитое море, длинный морской путь, идущій вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азии. Такъ какъ сказанныя рѣки составляютъ естественные судоходные каналы, связующіе внутреннюю Азію съ Ледовитымъ моремъ, то сношенія, могущія установиться между ихъ устьями и морями земнаго шара, представляютъ безконечно больше значенія, чѣмъ сѣверо-восточный морской путь въ его цѣломъ. Дѣйствительно, даже не будь ни малѣйшаго препятствія со стороны льдовъ, этотъ путь, съ открытіемъ Суэцкаго канала, не можетъ уже болѣе имѣть той важности, которая по справедливости ему нѣкогда приписывалась. Напротивъ, удобныя сношенія моремъ между заливами, образуемыми устьями Оби и Енисея, и Атлантическимъ океаномъ съ одной стороны, и между устьемъ Лены и Тихимъ океаномъ съ другой, открываютъ для торговли половину цѣлой части свѣта, дѣлая возможнымъ вывозъ земледѣльческихъ, лѣсныхъ и сельско-хозяйственныхъ произведеній неизмѣримыхъ и замѣчательныхъ своимъ плодородіемъ областей, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя жителямъ послѣднихъ средства для обѣднѣ туземныхъ продуктовъ на мануфактурныя издѣлія Европы и Америки, составляющія въ наше время необходимыя условія довольства и благосостоянія даже для бѣднѣйшихъ лицъ европейскаго племени. И, между тѣмъ, всегда останется затруднительнымъ инымъ путемъ доставлять внутрь Сибири въ обширныхъ размѣрахъ разнаго рода тяжеловѣсныя машины, земледѣльческія орудія, пароходы и тому подобныя предметы, въ наши дни являющіеся въ каждой странѣ главными рычагами цивилизаціи.

Путь отъ Сѣвернаго мыса къ устьямъ Оби и Енисея.

Я уже не разъ выражалъ свое мнѣніе относительно возможности сношеній морскимъ путемъ между названными пунктами, высказываясь по поводу экспедицій, совершенныхъ кораблями «Röven» и «Умер» въ 1875 и 1876 гг. Съ того времени, плаванія Витгина въ 1876 г., Дальмана, Даля и Шваненберга въ 1877 г., равно какъ и многочисленныя экспедиціи 1878 г., доставили новыя доказательства того, что означенныя воды вполне доступны для мореходства *).

Предразсудки, преобладавшіе до сихъ поръ по отношенію къ Карскому морю, должны наконецъ разсѣяться, и тѣмъ болѣе есть основаніе ожидать въ весьма неотдаленномъ будущемъ развитія дѣятельнаго мореходства въ сказанномъ морѣ, что оно представляетъ единственный путь, по которому множество употребительнѣйшихъ товаровъ съ выгодною могутъ быть вывозимы съ неизмѣримыхъ бассейновъ Оби и Енисея, или же доставляться туда съ одинаковой прибылью. По этому я считаю необходимымъ вкратцѣ изложить тѣ естественныя условія, которыя могутъ имѣть значеніе для плаванія въ Карскомъ морѣ и, вмѣстѣ, бѣгло указать на мѣры, пригодныя для его обезпеченія.

Такъ какъ сплошной ледъ, какъ надо предполагать, по крайней мѣрѣ по временамъ покрывающій въ зимнее время Карское море, уже

*) *Насколько я ознакомился съ ними.* Здѣсь (въ мѣстѣ зимней стоянки „Веги“ въ Беринговомъ проливѣ) мнѣ извѣстно относительно экспедицій 1878 г. только то, что всѣ четыре корабля, снаряженные подъ моимъ наблюденіемъ съ цѣлію экспедиціи въ Сибирское Ледовитое море — пароходы „Вега“, „Лена“ и „Фразеръ“ и парусное судно „Экспрессъ“ прошли черезъ Карское море, не встрѣтивъ сколько нибудь значительныхъ препятствій со стороны льдовъ, и прибыли благополучно въ Диксову гавань въ началѣ августа 1878 г.

ранней весною начинает разбиваться и затѣмъ совершенно растаиваетъ въ теченіе лѣта, то уже въ концѣ этого времени года море было бы вполне свободно отъ льдовъ, еслибъ идущее изъ Ледовитаго моря сѣверо-восточное теченіе, въ соединеніи съ сѣверными вѣтрами, не приносило вдоль восточнаго берега Новой Земли новыхъ ледяныхъ массъ. Впрочемъ это полярное теченіе уравнивается въ южныхъ частяхъ Карскаго моря теплыми теченіями, которыя, съ одной стороны, идутъ съ запада и юга, отчасти выдѣляясь изъ Гольфстрема и проникая черезъ Маточкинъ проливъ, отчасти слѣдуя изъ Печоры и огибая Карскія ворота и Югорскій Шаръ; съ другой же стороны, приносятся съ юга впадающими въ море рѣками и, подобно Печорѣ, изливающимися въ него, въ концѣ лѣта, значительныя водныя массы, достигшія температуры выше точки замерзанія воды. Однакожъ сказанныя теченія на столько слабы и въ началѣ лѣтняго времени, относительно; столь низкой температуры, что, лишь подѣ влияніемъ сильнѣйшихъ жаровъ середины лѣта, онѣ приобрѣтаютъ силу открыть вдоль берега, отъ Югорскаго Шара до Бѣлаго острова, широкій и свободный отъ льда каналъ. Къ востоку отъ названнаго острова безмѣрныя массы воды изъ рѣкъ Оби и Енисея, вѣроятно, столь же рано очищаютъ морскую поверхность отъ зимней ледяной коры, въ составъ которой впрочемъ несомнѣнно входитъ также значительное количество наноснаго рѣчнаго льда. Этотъ могучій южный токъ, уклоняясь, подѣ влияніемъ суточного вращенія земли, къ востоку, тянется вдоль западныхъ береговъ Таймырской земли до самаго мыса Челюскина, откуда онъ, не встрѣчая болѣе препятствій со стороны континента, принимаетъ еще болѣе восточное направленіе, такимъ образомъ содѣйствуя образованію свободныхъ отъ льда водъ, встрѣчаемыхъ между сѣверною оконечностью Азии и устьемъ Лены.

Такъ что, когда передъ наступленіемъ осени начинаютъ появляться новые льды, отъ прошлогоднихъ плавающихъ льдовъ въ Карскомъ морѣ не остается и слѣда, развѣ за исключеніемъ небольшихъ ледяныхъ пространствъ, образующихся вслѣдствіе вышеупомянутаго полярнаго теченія въ губѣ между Маточкинымъ проливомъ и мѣстомъ зимней стоянки Баренца, — въ это время можно обогнуть весь островъ, и путь черезъ море отъ названнаго пролива къ Енисею остается вполне открытымъ. Хотя даже и въ серединѣ лѣта, иногда по ночамъ, при тихой и ясной погодѣ, на поверхности воды появляется тонкій слой льду, но онъ исчезаетъ при первомъ

же дуновенія вѣтра, такъ что до самаго начала октября не предстоитъ никакой опасности быть затертымъ новыми льдами.

Относительно глубины воды въ Карскомъ морѣ я отсылаю читателей къ картамъ, помѣщеннымъ въ «Geographische Mittheilungen» Петермана, 1871, табл. 5 и 6 и 1876, табл. 23, а также къ морской картѣ, изданной мною при описаніи плаванія кораблей «Gröven» и «Умер» *). Изъ этихъ картъ видно, что между тѣмъ какъ западная часть его чрезвычайно глубока, восточная отличается столь незначительной глубиной, что во многихъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ твердой земли, она не превосходитъ 3—4 сажень (5,34—7,13 метр.). По счастью здѣсь, по видимому, не существуетъ подводныхъ мелей и дно при томъ настолько ровно, что можно безопасно идти на весьма значительное разстояніе вдоль берега, имѣя всего на все нѣсколько футовъ **) воды подъ килемъ корабля. Впрочемъ только въ томъ случаѣ, когда расположеніе льдовъ бываетъ неблагопріятно, приходится пользоваться этимъ мелкимъ прибрежнымъ фарватеромъ. Каменистое же дно въ этихъ мѣстахъ попадаетъ только около Новой Земли, у острова Вайгача и въ Диксоновой гавани; напротивъ, море отличается песчанымъ или глинистымъ дномъ вдоль южныхъ береговъ Карскаго моря, у прибрежья Ямала, при Бѣломъ островѣ и у мыса Матэ-Соле.

Въ Югорскомъ Шарѣ и въ Карскихъ воротахъ неподвижные льды исчезаютъ уже сравнительно рано, и только разрозненные ледяныя глыбы еще продолжаютъ, въ неопредѣленныхъ направленіяхъ носиться въ довольно тѣсномъ бассейнѣ, заключающемся между юго-западной частью Новой Земли, о-вомъ Вайгачемъ и континентомъ, облегающимъ устье Печоры, равно какъ и въ обоихъ проливахъ, преимущественно же въ Карскихъ воротахъ. Поэтому китоловы проникаютъ въ Карское море обыкновенно чрезъ Югорскій Шаръ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ судоходнаго періода рѣдко представляется возможнымъ прямо отъ Карскихъ воротъ держать курсъ на Ямалъ и еще того менѣе—на Бѣлый островъ. Во всякомъ случаѣ приходится идти вдоль восточнаго берега острова Вайгача вплоть до

*) А. Е. Норденшильдъ. Экспедиціи къ устьямъ Енисея 1875 и 1876 годовъ. С.-Петербургъ. 1880.

**) 1 шведск. футъ=29,6907 сантиметрамъ.

открытаго фарватера, находящагося въ самой южной части Карскаго моря.

Съ западной стороны весной Маточкинъ проливъ дѣлается доступенъ ранѣе двухъ другихъ, расположенныхъ южнѣе, но за то въ его средней части сплошной ледъ держится до половины юля; но даже и тогда путь, ведущій отсюда къ Енисею, не рѣдко загромождается непроницаемыми массами плавающихъ льдовъ, которыя исчезаютъ лишь къ осени вслѣдствіе таянія или будучи уносимы вѣтрами. Съ другой стороны, по видимому, рано образуется свободный отъ льдовъ проходъ вдоль береговъ Новой Земли, идущій мимо о-ва Вайгача до самаго материка. Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній о моихъ экспедиціяхъ въ Ледовитое море во мнѣ оставило плаваніе въ этомъ проходѣ на «Имерѣ», 5 и 6 августа 1876 г., совершенное при великолѣпной погодѣ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ китолововъ, теченія, слѣдующія по разнымъ направленіямъ, образуютъ также свободный отъ льдовъ каналъ, къ сѣверу отъ Маточкина, поперегъ всего Карскаго моря. Осенью между Маточкинымъ проливомъ и Енисеемъ ледъ падается въ незначительномъ количествѣ.

По рассказамъ, по обѣимъ сторонамъ Карскихъ воротъ существуетъ нѣсколько хорошихъ якорныхъ мѣстъ, но ни ихъ положеніе, ни ихъ свойства мнѣ неизвѣстны. Въ Югорскомъ Шарѣ корабли могутъ стоять на якорѣ у самоѣдскаго селенія Хабаровой, лежащаго при западномъ входѣ въ проливъ. Лучшія же мѣста для стоянки кораблей въ Маточкиномъ проливѣ представляютъ, при восточномъ входѣ въ него, расположенные другъ противъ друга заливы Бѣлужій и Губинскій; впрочемъ есть довольно удобныя мѣста и при западномъ входѣ въ проливъ, не далеко отъ его устья и у сѣвернаго его берега. Маточкинъ проливъ не широкъ, значительной глубины и окруженъ высокими горами. Существующая, при устьяхъ рѣчекъ Шумилихи и Чиракиной, въ незначительномъ разстояніи отъ берега, подводная мель, а также и рифы въ западномъ входѣ значатся на картахъ, которыя, будучи составлены, главнымъ образомъ, на основаніи измѣреній Пахтусова, въ 1834—35 г., въ общемъ весьма удовлетворительны, за исключеніемъ того, что широкія устья названныхъ рѣчекъ не образуютъ заливовъ, но представляютъ собою песчанья мели, большею частью обнажающіяся во время отлива. Карскія же ворота, какъ утверждаютъ, устьяны подводными рифами. Въ Югорскомъ Шарѣ нѣсколько песчаныхъ мелей

танутся на довольно значительное разстояніе отъ берега; но ихъ, конечно, возможно избѣжать при основательномъ знакомствѣ съ мѣстностью и принявъ надлежащія мѣры предосторожности. Однакожъ пользованіе всѣми упомянутыми якорными мѣстами затрудняютъ разбѣянные здѣсь плавающие льды, приносимые морскимъ теченіемъ, мѣняющимся сообразно съ приливомъ и отливомъ. Последніе, при всей своей незначительности, производятъ въ этихъ узкихъ проливахъ между двумя большими морями необыкновенно сильныя теченія.

Вблизи всѣхъ этихъ якорныхъ мѣстъ нѣтъ недостатка въ превосходной прѣсной водѣ, въ изобиліи доставляемой въ теченіе лѣта ручьями, образующимися вслѣдствіе таянія снѣговъ; осенью эти ручьи однакожъ высыхаютъ, за исключеніемъ рѣчки Хабаровой. Впрочемъ, воду можно доставать также и изъ тѣхъ лужъ прѣсной воды, которыя лѣтомъ появляются на поверхности какъ плавающихъ, такъ и неподвижныхъ льдинъ; къ тому же вода въ Карскомъ морѣ во многихъ мѣстахъ отличается столь слабымъ содержаніемъ соли, что можетъ непосредственно употребляться при приготовленіи пищи.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно вывести слѣдующія общія положенія относительно плаванія между Атлантическимъ океаномъ и устьями Оби и Енисея: 1) Плаваніе можетъ совершаться съ конца іюля до конца сентября. 2) До конца августа корабли должны какъ входить въ Карское море, такъ и выходить изъ него черезъ Югорскій Шаръ или черезъ Карскія ворота; по прошествіи этого времени слѣдуетъ предпочесть путь черезъ Маточкинъ проливъ. 3) Въ началѣ навигаціоннаго періода должно идти вдоль южныхъ береговъ *) Карскаго моря до мыса Венгана или, въ случаѣ нужды, до Бѣлужьяго

*) Многіе выразятъ, можетъ быть, опасеніе, что плаваніе въ береговомъ каналѣ всего въ нѣсколько десятковъ километровъ шириной, должно сопровождаться большими затрудненіями. Но опытъ отнюдь не подтвердилъ этого, и плаваніе вдоль береговъ не представляетъ никакой опасности, какъ вслѣдствіе обыкновенно господствующихъ здѣсь лѣтомъ штилей, такъ и по причинѣ ровнаго морскаго дна, позволяющаго кораблю искать, въ случаѣ надобности, убѣжища позади какой-нибудь изъ неподвижныхъ ледяныхъ глыбъ. Въ этихъ же мѣстахъ, обыкновенно, получается знакомство съ арктической природой въ ея наиболѣе пріятныхъ чертахъ, между тѣмъ, какъ незначительной силы пара достаточно для быстрого движенія корабля по всегда почти гладкой поверхности водъ. Болѣе важныя затрудненія предстоятъ со стороны густыхъ тумановъ, въ особенности частыхъ и не пріятныхъ, когда приходится съ востока вступать въ узкіе проходы Югорскаго Шара и Маточкина пролива.

мыса, слѣдую затѣмъ вдоль западнаго берега Ялмала далѣе на сѣверь. Когда послѣдуетъ окончательная съемка Малыгинскаго пролива, то будутъ вѣроятно плавать черезъ него, во избѣжаніе болѣе длиннаго обхода вокругъ Бѣлаго острова; но пока остается пользоваться вышеозначеннымъ путемъ. 4) Такъ какъ не было замѣчено рѣзкихъ переходовъ въ степени морской глубины, то корабли, при надлежащей предосторожности, могутъ безбоязненно держаться вблизи отъ берега даже въ водахъ весьма незначительной глубины; не слѣдуетъ же слишкомъ близко подходить къ берегу только на западной и сѣверной сторонѣ Бѣлаго острова, такъ какъ здѣсь глубина воды еще меньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Карскаго моря, а сѣверные вѣтры не рѣдко вызываютъ морское волненіе. 5) Корабли, вступающіе почему-либо въ Карское море черезъ Маточкинъ проливъ, должны, за невозможностью въ началѣ навигаціоннаго сезона пройти черезъ море прямымъ путемъ къ Енисею, слѣдовать въ южномъ направленіи по открытому каналу вдоль восточнаго берега Новой Земли до высоты Югорскаго Шара, чтобы такимъ образомъ пересѣчь Карское море въ его южной части. 6) Хотя путь къ сѣверу отъ Новой Земли и бываетъ позднѣе осенью, если не ежегодно, то часто открытъ для плаванія, но его слѣдуетъ избѣгать, чтобы не подвергнуться участи знаменитой австрійской экспедиціи. 7) Въ виду того, что въ іюлѣ и въ августѣ въ Карскомъ морѣ часто господствуютъ штормы, отправляемые туда корабли должны быть или паровыми, или хотя и парусными, но снабженными вспомогательными машинами, или же они должны сопровождаться небольшимъ пароходомъ, который могъ бы въ случаѣ надобности взять ихъ на буксиръ. Осенью при обратномъ плаваніи въ Европу можно рассчитывать на благопріятный вѣтеръ.

Что же касается мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія мореходства въ вышеозначенныхъ водахъ, то, по моему мнѣнію, скорѣйшаго осуществленія требуютъ слѣдующія изъ нихъ:

Гидрографическія съемки. Хотя относительно Маточкина Шара, Карскихъ воротъ и Югорскаго Шара и существуютъ добросовѣстнымъ образомъ исполненныя русскими гидрографами и землебрами съемки и карты, однакожь желательно, чтобы были составлены точныя морскія карты этихъ важныхъ по своему значенію мѣстъ; всего же нужнѣе хорошая морская карта Малыгинскаго пролива между Бѣлымъ островомъ и Ялмаломъ. Сдѣланная въ 1878 году, по моему порученію, лейтенантомъ Говгардомъ попытка ближе ознакомиться съ природой названнаго пролива, гдѣ онъ провель, на пароходѣ

*

«Лена», тридцать шесть часовъ, не удалась вслѣдствіе густаго тумана, такъ что онъ не могъ произвестъ ни опредѣленій мѣстности, ни топографической съемки и ограничился лишь измѣреніями глубины, которыя однакожь показываютъ, что даже корабли съ глубокой осадкой могутъ найти здѣсь удобныя якорныя мѣста; когда же будетъ произведена полная съемка пролива, то онъ навѣрно окажется совершенно доступнымъ для плаванія.

Морскіе сигнальные знаки. Входъ въ Маточкинъ проливъ съ восточной стороны затрудняется многочисленными фіордами, устья которыхъ окружены возвышенностями, представляющими такое сходство съ двумя прибрежными горами при началѣ самого пролива, что даже опытные и бывавшіе въ этихъ мѣстахъ моряки съ трудомъ могутъ ориентироваться относительно настоящаго входа въ проливъ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ періодъ, въ который можетъ быть рѣчь о вступленіи въ проливъ съ означенной стороны, здѣсь преобладаютъ туманы, препятствующіе посредствомъ измѣренія солнечной высоты съ точностью опредѣлить положеніе судна, между тѣмъ какъ могущія ввести въ ошибку устья фіордовъ находятся въ столь близкомъ разстояніи отъ пролива, что указаніе направленій компасомъ оказывается недостаточнымъ. Поэтому, если суждено здѣсь возникнуть оживленному мореходству, необходимо будетъ на одной изъ сосѣднихъ высотъ устроить замѣтный сигнальный знакъ; подобныя знаки не лишни, впрочемъ, и при западномъ входѣ въ Маточкинъ проливъ, а также по обѣимъ сторонамъ Югорскаго Шара, у Малыгинскаго пролива и Диксоновской гавани. Устройство ихъ не потребуетъ чрезвычайныхъ расходовъ, такъ какъ камень вездѣ въ названныхъ мѣстахъ встрѣчается въ изобиліи, за исключеніемъ Малыгинскаго пролива, гдѣ въ рѣдкость даже булыжникъ величиною съ орѣхъ.

Спасательныя станціи. Хотя, говоря вообще, я не думаю, чтобы опасности, связанныя съ мореплаваніемъ, были въ этихъ мѣстахъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ моряхъ, но, само собой разумѣется, что несчастные случаи и гибель судовъ возможны и здѣсь. Но при настоящемъ положеніи дѣла мореходцы, потерпѣвши крушеніе или будучи выброшены на берегъ, оказались бы предоставленными исключительно собственнымъ силамъ въ случаѣ зимовки въ здѣшнихъ странахъ съ ихъ суровымъ климатомъ. Поэтому для частныхъ судовъ трудно зафрахтовываться за умѣренную плату съ цѣлю плаванія въ эти мѣста и обратно, въ виду необ-

ходимости какъ снаряженія, такъ и снабженія припасами на гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ какое, въ сущности, было-бы необходимо. Такое неудобство можетъ быть устранено посредствомъ устройства, въ надлежащихъ пунктахъ, спасательныхъ станцій, изъ которыхъ экипажъ, будучи выброшенъ на берегъ, могъ бы, въ теченіе зимы, получать одежду и припасы. Содержать сторожей при нихъ совершенно излишне, такъ какъ едвали можно опасаться кражъ или растраты, виновниковъ которыхъ, впрочемъ, всегда легко бы было открыть и подвергнуть наказанію. При томъ же возможная, вслѣдствіе подобныхъ причинъ, утрата обошлась бы въ сто разъ дешевле, чѣмъ содержаніе постоянного караула. Вотъ наиболѣе подходящіе пункты для такихъ станцій: Хабарова, Югорскій Шаръ, мысъ Розмыслова въ Маточкиномъ проливѣ и какое нибудь изъ наиболѣе доступныхъ мѣстъ въ Малыгинскомъ проливѣ и въ Диксоновской гавани.

Складочное мѣсто. Вслѣдствіе малой вѣроятности, чтобы при краткости навигаціоннаго сезона въ этихъ мѣстахъ судно, привезшее товары моремъ, могло подняться съ ними и вверхъ по рѣкѣ, перегрузка является неизбѣжною. Поэтому складочное мѣсто для товаровъ должно быть устроено въ мѣстѣ, наиболѣе удобномъ по своей доступности для кораблей, совершающихъ въ чрезвычайно короткій срокъ весьма затруднительное плаваніе. Диксонова гавань представляется наиболѣе удобнымъ въ этомъ отношеніи пунктомъ, тѣмъ болѣе, что она въ тоже время можетъ служить и для склада товаровъ, отправляемыхъ съ Оби или на Обь, въ особенности же, если Малыгинскій проливъ окажется—что весьма вѣроятно—недостаточно защищеннымъ отъ восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, а песчаное дно его не позволитъ устроить пристаней на глубинѣ достаточной для того, чтобы корабли могли ошвартовываться непосредственно при нихъ, дѣлая такимъ образомъ всякаго рода баржи совершенно излишними. Сверхъ того, Диксонова гавань составляетъ лучшее изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ мѣстъ стоянки по сѣверному побережью Сибири. Въ мое непродолжительное пребываніе въ ней прошлымъ лѣтомъ, она была промѣрена и нанесена на карту, со всевозможною при данныхъ условіяхъ времени заботливостью, опытнымъ лейтенантомъ итальянскаго флота г. Г. Бовэ, состоявшимъ въ качествѣ волонтера при нашей экспедиціи. Я прилагаю здѣсь, по уменьшенному масштабу, снимокъ съ

его карты *), который, по моему мнѣнію, достаточно ясенъ самъ по себѣ и не нуждается въ разъясненіяхъ. Прибавлю только слѣдующее: безъ труда доступная съ нѣсколькихъ сторонъ, Диксонова гавань обширна и прекрасно защищена; песчанисто-глинистое дно ея превосходно; во многихъ мѣстахъ глубина у береговъ достаточно значительна для устройства пристаней, съ которыхъ корабли могутъ брать грузъ непосредственно; сосѣдніе же утесистые острова представляютъ запасъ камня, необходимый для постройки пристаней и зданій, наконецъ, прѣсная вода здѣсь паходится въ изобиліи, и т. д.

До сихъ поръ, при попыткахъ доставки товаровъ къ Енисею и обратно, екладочнымъ мѣстомъ для нихъ служило, мѣсто южнѣе, между русскими зимовьями Мезенкинымъ и Яковлевымъ, лежащими на восточномъ берегу рѣки, первое подъ $71^{\circ} 28'$, второе подъ $71^{\circ} 3'$ с. ш.; но ни то, ни другое изъ нихъ не удовлетворительно какъ по причинѣ сильнаго прибоя волнъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка принимаетъ размѣры озера, такъ и вслѣдствіе покатости, образуемой здѣшнею тундрой и мало пригодной для производства на-грузки. Недостаточная же глубина воды у самыхъ береговъ необходимо заставила бы выводить пристань далеко въ рѣку, подвергая ее опасному напору рѣчнаго льда во время ледохода.

Доставка товаровъ по рѣчному пути. Устройство правильныхъ торговыхъ сношеній моремъ между главными рѣками Сибири и Европой, однакожь, связано съ большими затрудненіями и съ такими же затратами вслѣдствіе нерасположенія рѣчныхъ судовщиковъ спускаться къ устьямъ Оби и Енисея на своихъ пароходахъ и баржахъ, предназначаемыхъ исключительно для рѣчнаго плаванія въ тѣсномъ смыслѣ. Впрочемъ, совѣтовать имъ это было бы и неблагоразумно въ виду настоящей конструкціи сибирскихъ рѣчныхъ судовъ,—имъ не уцѣлѣть бы при первой незначительнѣйшей бурѣ. Впрочемъ, этому помочь еще можно, если снабдить баржи палубой и надлежащими оснасткой и якорями. Но при этомъ совершенно неизбѣжно для устройства правильного плаванія завести хорошіе желѣзные буксирные пароходы съ большимъ количествомъ силъ, но съ неглубокой осадкой, которая позволяла бы пользоваться ими и въ верховьяхъ обѣихъ рѣкъ. Рѣчные же пароходы, видѣнные мною на Енисеѣ въ 1875 г. и построенные впрочемъ съ иными цѣлями, въ данномъ случаѣ совершенно непригодны.

*) См. въ Приложеніи.

Изъ всего вышеизложеннаго, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что установить ежегодныя морскія сношенія между Европой и Обью и Енисеемъ вполне возможно; но для того, чтобы они представляли необходимое обезпеченіе для торговли, неизбѣжны значительныя предварительныя затраты съ цѣлью совершенія гидрографическихъ измѣреній, устройства пристаней и магазиновъ, сигнальныхъ знаковъ, спасательныхъ станцій и т. д. Но эти затраты оказываются безконечно малыми, если вспомнить, что здѣсь рѣчь идетъ объ установленіи морскихъ сношеній съ неизмѣримою областью, занимаемою бассейнами рѣкъ Оби и Енисея; что не требующія особенныхъ расходовъ работы по канализаціи позволяютъ расширить эти сношенія до бассейна р. Лены, до внутренней Азии и сѣвернаго Китая, и что, наконецъ, всѣ требуемые при этомъ расходы, при самой широкой смѣтѣ, не превысятъ расходовъ, потребныхъ для устройства какой-нибудь мѣстной желѣзно-дорожной линіи или незначительнаго порта на берегахъ Балтійскаго моря.

Путь между Енисеемъ и Леной.

Для правильнаго сужденія относительно водъ вдоль побережья, простирающагося между названными рѣками, мы располагаемъ слѣдующими наблюденіями:

1) Неоднократныя плаванія Минина, Прончищева и Лаптева въ 1735—41 годахъ. Извѣстно, что этимъ мореплавателямъ, съ ихъ совершенно непригодными для плаванія среди льдовъ судами, не удалось пройти все пространство отдѣляющее обѣ рѣки. Но по причинамъ, указаннымъ мною въ одномъ изъ моихъ прежнихъ трудовъ, отнюдь не слѣдуетъ по этимъ неудавшимся попыткамъ заключать о невозможности пройти сказанное пространство и при средствахъ, существующихъ въ наше время. Напротивъ, отличающіеся неполнотою рассказы объ этихъ экспедиціяхъ у Миллера и Врангеля *), будучи какъ должно разсмотрѣны при свѣтѣ опыта,

*) *P. C. Müller, Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale etc. Amsterdam, 1776. I, стр. 189.—F. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, 1820—24, bearbeitet von G. Engelhardt. Berlin. 1839.* (Составляетъ 83-й томъ изданія „Magazin von merkwürdigen neuen Reisebeschreibungen“) I, стр. 46.

полученнаго въ плаваніе «Веги», повидимому доказываютъ, что по крайней мѣрѣ побережья какъ между Енисеемъ и Таймыромъ, такъ и между мысомъ Челюскина и Леной, ежегодно бываютъ совершенно доступны для настоящихъ мореходныхъ судовъ.

2) Наблюденіе сдѣланное Миддендорфомъ *), что пространство отъ Таймыра дагѣ въ море было свободно отъ льдовъ 25-го августа 1843 года.

3) Показаніе якута Фомина, что лѣтомъ дующими съ берега вѣтрами ледъ отгоняется на столь далеко въ море, что самую окраину его можно разглядѣть только съ береговыхъ высотъ.

4) Опытъ норвежскихъ китолововъ, доказывающій, что осенью часто бываетъ возможно направить курсъ отъ сѣвернаго пункта на Новой Землѣ прямо на востокъ, не встрѣчая льда **).

5) Доказательство, доставленное экспедиціей, предпринятой этимъ лѣтомъ на «Вегъ», что въ половинѣ августа 1878 г. льды не представляли никакихъ препятствій для береговаго плаванія между Енисеемъ и Леной.

Существуетъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательная аналогія между Гренландскимъ моремъ (между Шпицбергеномъ и Гренландіей) и сѣверною частью Карскаго моря (между Таймырскимъ полуостровомъ и Новою Землею). Какъ то, такъ и другое не только непосредственно, безъ всякихъ преградъ со стороны суши, соединяются съ Полярнымъ моремъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и ограничиваются съ боковъ береговыми пространствами, одинаково направляющимися съ сѣвера или сѣверо-востока къ югу или къ юго-западу. Кромѣ того въ обоихъ моряхъ проходятъ два обильныя водою теченія, изъ которыхъ одно приносятъ въ юго-западномъ направленіи холодныя воды Полярнаго моря, пригоняя неизмѣримыя массы льду, которыя и скопляются у восточныхъ береговъ Грен-

*) *Middendorf, Reise in dem äussersten Norden u. Osten Sibiriens. T. IV, I, стр. 21 и 508.*

**) Уже въ 1664 г., капитанъ голландскаго китоловнаго судна, Вильгельмъ-де-Фламингъ, обогнулъ, при полномъ отсутствіи льда на морѣ, сѣверное побережье Новой Земли, пройдя отъ мѣста зимовки Баренца, въ направленіи OSO, до 74° с. ш. Къ сожалѣнію, Витсенъ, получившій отъ Фламинга разсказъ о его путешествіи, не обозначилъ, въ какое время года оно было исполнено. (См. *Nikolas Witsen: Noort ooster gedeelte van Asia en Europa. Amsterdam MDCCV.*—Новое изданіе 1735 г., т. II, стр. 902).

ланди и Новой Земли; другое же, идя съ юго-запада къ сѣверо-востоку, образуетъ просторный, свободный отъ льдовъ каналъ вдоль западныхъ береговъ Шпицбергена съ одной стороны и Таймырскаго полуострова — съ другой. Но между тѣмъ какъ холодное течение Карскаго моря ничтожно въ сравненіи съ колоссальнымъ токомъ холодной воды въ Гренландскомъ морѣ, незначительная часть Гольфстрема, соприкасающаяся съ западнымъ побережьемъ Шпицбергена, напротивъ едва можетъ сравниться по изобилію воды съ теченіемъ, которое, исходя отъ устьевъ Оби и Енисея, изливается въ восточную часть Карскаго моря.

Въ виду приведенныхъ данныхъ, для рѣшенія вопроса о судходности водъ Ледовитаго моря между Енисеемъ и Леной, чрезвычайно важенъ тотъ фактъ, что китоловныя и рыболовныя суда ежегодно въ началѣ лѣта, безъ помощи пара и притомъ въ открытомъ морѣ, свободно огибають сѣверо-западную оконечность Шпицбергена, встрѣчая въ это время года лишь на 30—40 минутъ далѣе къ сѣверу, непроницаемыя массы плавающего льда: упомянутая же оконечность Шпицбергена лежитъ подъ $79^{\circ} 52'$ широты, слѣдовательно на $2\frac{1}{2}^{\circ}$ ближе къ полюсу, нежели мысъ Челюскинъ.

Не прибѣгая къ повторенію изложенныхъ мною въ программѣ настоящей экспедиціи соображеній относительно направленія береговыхъ теченій, соображеній вполне подтвержденныхъ опытомъ прошлаго лѣта, я считаю возможнымъ утверждать, что при сношеніяхъ моремъ между Енисеемъ и Леной не должно встрѣтиться большихъ затрудненій сравнительно съ тѣми, съ которыми приходится бороться непрочнымъ рыболовнымъ норвежскимъ судамъ при сѣверныхъ берегахъ Шпицбергена *).

Однакожь, не слѣдуетъ изъ вышесказаннаго заключать, что я признаю возможнымъ открытіе упомянутыхъ морскихъ сношеній въ ближайшемъ будущемъ.

*) Обыкновенныя рыболовныя суда, верѣдко построенныя по образцу плоскодонныхъ, уже нѣсколько лѣтъ какъ занимаются ловлей трески у береговъ Шпицбергена. *Рыболовныя экспедиціи* не должно смѣшивать съ *китоловными*. Между тѣмъ какъ рыболовъ старается выискать какой-нибудь свободный отъ льда и изобилующій рыбою фіордъ, охотникъ на китовъ или тюленей старается проникнуть среди плавающихъ льдовъ, и чѣмъ онъ смѣлѣе, тѣмъ прибыльнѣе будетъ охота. Слѣдовательно, всѣ китоловныя экспедиціи связаны съ особаго рода опасностями, чуждыми для судовъ, единственную задачу которыхъ составляетъ плаваніе въ открытыхъ водахъ.

Прежде чѣмъ возбуждать вопросъ о выгодномъ пользованіи разсмотрѣннымъ выше путемъ, необходимо будетъ болѣе старательнымъ образомъ нанести на карту побережье между Леной и Енисеемъ. Правда, видъ сѣверныхъ береговъ Сибири былъ снятъ, въ географическомъ отношеніи, весьма удовлетворительно русскими изслѣдователями и землеѣрами, не разъ, начиная съ прошлаго столѣтія, посѣщавшими эти края; но ихъ карты далеко не удовлетворительны съ точки зрѣнія мореплаванія. Въ особенности это надо сказать именно о занимающемъ насъ теперь побережьи, измѣренія котораго сдѣланы ранѣе половины прошлаго вѣка и притомъ безъ помощи опредѣленной долготы. Отъ Енисея до Таймыра, путь пролегаетъ между множествомъ мелкихъ острововъ, расположенныхъ весьма близко другъ отъ друга и не значащихся на картѣ. Когда ихъ положеніе будетъ совершенно опредѣлено, они принесутъ весьма большую пользу кораблямъ подвергшимся несчастію; но до тѣхъ поръ они сами могутъ легко служить для нихъ причиною бѣдствія. При устьѣ Енисея сказанные острова состоятъ изъ плутоническихъ, а далѣе къ сѣверу изъ гранитныхъ горныхъ породъ, такъ что тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ какой-либо одной группѣ, являются съ одинаковымъ, въ минералогическомъ отношеніи, характеромъ, что придаетъ имъ легко вводящее въ заблужденіе сходство между собою. Поэтому было бы желательно, чтобы здѣсь, подобно тому какъ это сдѣлано русскими китоловами на Новой Землѣ, были устроены, въ надлежащихъ пунктахъ, безъ труда распознаваемые сигнальные знаки изъ камня или пловучаго лѣса. Въ особенности требуется прежде всего установить такіе знаки при устьяхъ Оленека и Лены и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составить хорошую гидрографическую карту прилежащаго моря, ибо здѣсь, какъ и при другихъ рѣчныхъ устьяхъ, встрѣчаются песчанья мели на значительное разстояніе отъ твердой земли. За этими исключеніями дно на протяженіи всего сѣвернаго побережья Сибири до такой степени ровно, что вполне безопасно можно слѣдовать вдоль береговъ по открытымъ водамъ. На южномъ побережьи Таймырскаго острова, при западномъ входѣ въ проливъ того же имени, существуетъ превосходная гавань, которая, по видимому, вполне доступна, хотя за то самый проливъ, судя по измѣреніямъ глубины, произведеннымъ лейт. Паландеромъ, до такой степени наполненъ подводными рифами и чрезвычайно сильными течениями, что было бы безразсудно вступать въ него, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ,

пока онъ не будетъ окончательно измѣренъ и не будутъ произведены наблюденія надъ приливомъ и отливомъ, съ цѣлю имѣть возможность судить объ измѣнчивомъ направленіи упомянутыхъ теченій. Есть также якорныя мѣста съ удовлетворительнымъ дномъ и достаточной глубиной, но открытыя для дуящихся съ моря вѣтровъ, на сѣверной сторонѣ Челюскина мыса, а вѣроятно и въ другихъ пунктахъ побережья. Лѣтомъ хорошая прѣсная вода встрѣчается повсюду.

На пространствѣ между Челюскинымъ мысомъ и Хатангой нами было замѣчено нѣсколько стадъ моржей, а изъ-подъ воды были добыты массы низшихъ морскихъ животныхъ, указывающія на то, что высшіе морскіе типы находятъ изобильную пищу въ водахъ этого моря и слѣдовательно можно рассчитывать, что китоловы, наравнѣ съ рыболовнымъ промысломъ, встрѣтятъ здѣсь богатую добычу. Особенно по отношенію къ послѣднему, мореходству въ разсматриваемой части Сибирскаго Ледовитаго моря предстоитъ блестящая будущность, какъ только уменьшится количество рыбы, водящейся нынѣ въ большихъ сибирскихъ рѣкахъ.

Путь отъ устья Лены къ Берингову проливу.

Какъ извѣстно, этимъ путемъ, въ морѣ по видимому свободномъ отъ льда, прошли въ 1648 г. Симеонъ Дежневъ, Герасимъ Анкудиновъ и Федотъ Алексѣевъ, отъ Колымы до Тихаго океана; кромѣ того, если вѣрить картѣ Сибири, изданной въ 1758 году С.-Петербургской Академіей и воспроизведенной во французскомъ изданіи извѣстнаго сочиненія Миллера, этотъ путь часто былъ избираемъ для береговаго плаванія въ продолженіе 17-го столѣтія. На сказанной картѣ, между устьемъ Лены и Олуторовскимъ Носомъ на западномъ берегу Камчатки, обозначена точками линия съ слѣдующею къ ней надписью: *„Путь, по которому въ старину проходило много судовъ. Путешествіе, совершенное моремъ въ 1648 году тремя русскими судами, изъ которыхъ одно достигло Камчатки“*. Также и на знаменитой картѣ сѣверной Азіи шведскаго офицера Штраленберга, взятаго Петромъ Великимъ въ плѣнъ и посланнаго въ Сибирь, отмѣченъ подобный же морской путь съ надписью: *«Nec Rutheni ab initio per Moles glaciales quæ flante Borea ad littora flanteque Austro versus Mare iterum pulsantur,*

magno Labore et Vitæ Discrimine transvecti sunt ad Regionem Kamtszatkam». (См. карту приложенную къ сочиненію Ph. J. von Strahlenberg'a *Der Nord- und Ost-Theil von Europa und Asien* etc., Stockholm 1730). Въ приведенныхъ словахъ природа льдовъ въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь, обозначается точнѣе, нежели въ большей части новѣйшихъ мемуаровъ относительно сѣверо-восточнаго прохода; но при этомъ мы должны помнить, что морскія плаванія, неразрывныя, два вѣка тому назадъ, съ многочисленными затрудненіями и дѣйствительною опасностью, «*magno labore et vitæ discrimine*», могутъ въ настоящее время совершаться безъ малѣйшаго опасенія, благодаря пару и успѣхамъ мореходства. Какъ бы то ни было, не извѣстно съ точностью, былъ-ли еще когда либо пройденъ весь путь Дежнева въ тотъ долгій промежутокъ времени, который отдѣляетъ его путешествіе, въ 1648 года, отъ плаванія «Веги», въ 1878 г. За то неоднократно предпринимались русскими изслѣдователями морскія путешествія, на судахъ большихъ размѣровъ, вдоль различныхъ отдѣльныхъ частей вышеозначеннаго береговаго пространства; сверхъ того извѣстно, что капитанъ Кукъ, въ 1778 г., Капитанъ-Командоръ Роджерсъ въ 1855 г., капитанъ китоловнаго судна Лонгъ въ 1868 г. и еще нѣсколько другихъ китолововъ, могли проникнуть на своихъ корабляхъ изъ Берингова пролива въ направленіи къ западу до градуса долготы, подъ которымъ лежитъ Чаунская бухта. Наконецъ драгоцѣнныя данныя были доставлены путешествіями Геденстрэма, Врангеля, Анжу, Майделя и др., а также и сибирскихъ туземцевъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе продолжительное пребываніе на морскомъ берегу или на лежащихъ противъ него островахъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить экспедицію «Веги» въ 1878 г.

Между русскими морскими путешествіями, плаванія Шалаурова, можетъ быть, наиболѣе замѣчательны, и на нихъ часто ссылаются для доказательства того, что море здѣсь почти постоянно заграждается льдами. Но если, руководясь опытомъ «Веги», внимательнѣе вчитаться въ рассказъ объ этихъ путешествіяхъ помѣщенный у Кукса *) и у Врангеля **), то убѣждаешься, что своими неудачами

*) *Cook*, Account of the Russian discoveries between Asia and America. (London, in 4°. 1780). стр. 323.

**) *Reise längs der Nordküste von Sibirien* etc, bearbeitet von *Engelhardt*. Berlin, 1839, I, стр. 73.

Шалауровъ обязанъ былъ отнюдь не неблагоприятному вліянію льдовъ, а тому обстоятельству, что его незначительныхъ размѣровъ суда, съ самой неудовлетворительной оснасткой сравнительно съ требованіями нашего времени и, естественно, не располагавшія паровою силою, могли двигаться исключительно или почти исключительно подъ фордевиндомъ (вѣтромъ съ кормы) и то лишь тамъ, гдѣ не приходилось дѣлать слишкомъ значительныхъ обходовъ, чтобы не натолкнуться на массы плавающего льда. Штили, лѣтомъ столь часто господствующіе посреди льдовъ, носящихся вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, заставляли его подвигаться впередъ лишь съ крайнею медленностью, такъ что ему невозможно было воспользоваться съ надлежащею энергіею періодомъ наиболѣе благоприятнымъ въ этихъ водахъ для нынѣшняго парохода, сооруженнаго специально съ цѣлю морскаго плаванія. Тоже самое надо сказать и относительно экспедицій Лассинюса и Лаптева (1735—41 гг.). Въ особенности я обращаю вниманіе на тотъ фактъ, что рассказы о «загражденіи пути сплошнымъ ледянымъ полемъ, которому не видѣлось конца», всего чаще зависѣли навѣрное отъ оптического обмана, такъ какъ на извѣстномъ отдаленіи отдѣльныя ледяныя массы представляются глазу въ большихъ размѣрахъ, сливаясь въ одно непрерывное ледяное пространство.

Наблюденія во время совершенныхъ зимою по льду въ саняхъ экспедицій Геденстрѣма, Врангеля и Анжу, а также зимовки какъ англичанъ къ сѣверу отъ Берингова пролива, такъ и корабля «Вега» при входѣ въ Колочинскій заливъ, доказываютъ, подтверждаясь въ свою очередь показаніями туземцевъ, что въ предѣлахъ обозначеннаго выше пространства море, на извѣстномъ разстояніи отъ твердой земли, покрывается льдомъ лишь въ незначительной мѣрѣ. Затѣмъ, хотя при берегахъ и образуется зимою весьма плотный ледяной слой, но онъ не только уносится южными вѣтрами, но и въ сильной степени дробится на части, благодаря измѣненіямъ въ температурѣ воздуха и въ направленіи вѣтровъ. Эти ледяныя обломки быстро опять смерзаются подъ вліяніемъ холода, но съ повышеніемъ температуры выше ноля, въ извѣстное время года, это явленіе, естественно, уже болѣе не повторяется. Такимъ образомъ, сплошное ледяное поле, не растаивая, преобразуется въ сплоченную массу плавающего льда, который впоследствии, подъ вліяніемъ солнечной теплоты и дѣйствія волнъ, непрерывно убываетъ и разносится тамъ и сямъ вѣтрами и морскими теченіями впередъ до появленія

новогодняго льду. Даже неподвижныя ледяныя глыбы весьма страннымъ образомъ раскалываются подъ вліяніемъ холода, чего не случается вовсе съ «ледяными горами» въ тѣсномъ смыслѣ. Такая разница зависитъ отъ того, что ледяныя горы образуются въ континентальныхъ глетчерахъ, тогда какъ всѣ, большія и малыя, «ледяныя глыбы» возникаютъ въ морѣ. Первыя содержатъ въ себѣ воздушныя шарикъ мало доступныя дѣйствию холода, тогда какъ напротивъ, въ послѣднихъ заключаются мелкія пустоты, наполненныя незамерзшею соленой водой, которая, замерзая подъ вліяніемъ весьма сильнаго холода, расширяется въ объемъ и разрываетъ свою оболочку. Настоящихъ «ледяныхъ горъ» вовсе не встрѣчается по сѣвернымъ берегамъ Сибири. Слѣдовательно, здѣсь также, какъ и вдоль побережья между Енисеемъ и Леной, не слѣдуетъ опасаться, что плаванію могутъ воспрепятствовать неподвижныя ледяныя пространства, неразрывно связанныя съ твердой землей, или же преграды изъ неподвижныхъ ледяныхъ глыбъ, возникшихъ большее или меньшее число лѣтъ тому назадъ. Вообще должны быть отнесены къ области басенъ всѣ рассказы о неподвижныхъ и насчитывающихъ за собою по нѣскольку лѣтъ ледяныхъ грядкахъ или мостахъ, которые будто бы встрѣчаются на Челюскиномъ мысѣ, у Святаго Носа и въ другихъ пунктахъ.

Въ одномъ отношеніи существуетъ большая разница въ характерѣ береговой полосы сибирскаго моря на западъ и на востокъ отъ Баранова мыса. Тогда какъ къ западу въ Ледовитое море вливается множество большихъ рѣкъ, какъ Обь, Енисей, Лена, Яна, Индигирка, Аласей и Колыма, образуя лѣтомъ вдоль береговъ, относительно говоря, теплыя теченія, къ востоку отъ названнаго мыса въ море не впадаетъ ни одной изъ значительныхъ рѣкъ. Поэтому здѣсь не встрѣчается и тѣхъ береговыхъ теченій, благопріятныхъ образованію свободнаго ото льдовъ моря, какія существуютъ вдоль всего побережья, простирающагося отъ Бѣлаго моря до Колымы.

Съ другой стороны на множествѣ картъ океаническихъ теченій значится теплое теченіе, идущее издалека съ юга и, пройдя Беринговъ проливъ, продолжающееся далѣе къ сѣверо-западу, вдоль береговъ Азіи. Но вслѣдствіе вращенія земли вокругъ своей ося, теченіе, идущее съ юга, необходимо должно въ сѣверныхъ странахъ уклоняться въ восточномъ направленіи и, слѣдовательно, предположеніе, что часть теченія «Коросиво», къ сѣверу отъ Берингова пролива, принимаетъ сѣверо-западное направленіе, находится въ

очевидномъ противорѣчїи съ законами механики. Такъ что отмѣчен-ное на картахъ явленіе должно считаться ошибкой, что, впрочемъ, мы могли констатировать въ настоящую экспедицію и что также доказывается свидѣніями, полученными барономъ Майдемомъ *) отъ туземцевъ, между мысомъ Якамомъ и Беринговымъ проливомъ, и изъ которыхъ видно, что вовсе не замѣняется береговыхъ теченій на разстояніи 15 верстъ отъ упомянутаго мыса, хотя и существуютъ измѣняющіяся теченія при Иркапи и Колочинѣ, и то при послѣднемъ весьма слабыя. Въ Беринговомъ проливѣ, теченіе лѣтомъ идетъ въ сѣверномъ направленіи и зимою, кажется, мѣняется сообразно съ вѣтромъ и приливомъ и отливомъ. Въ теченіи лѣтняго плаванія «Веги» западныя теченія вполне преобладали до самаго Шелягскаго мыса; къ востоку же отъ послѣдняго мы встрѣтили непостоянныя теченія, вообще говоря слабыя и съ преобладающимъ восточнымъ направленіемъ. На мѣстѣ нашей зимней стоянки также едва были замѣтны слѣды теченія на разстояніи въ нѣсколько минутъ отъ берега.

Теченія, существующія въ морѣ или, иначе, въ томъ огромномъ заливѣ, который образуется Землею Врангеля, сѣверо-восточнымъ побережьемъ Азіи и сѣверо-западнымъ Америки, походятъ вѣроятно скорѣе на теченія Гренландіи и Карскаго моря. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ теплое южное теченіе идетъ вдоль побережья твердой земли, лежащей къ востоку, и въ морѣ, о которомъ идетъ рѣчь, оно направляется отъ Берингова пролива къ мысу Барро. Все заставляетъ думать, что въ водахъ къ сѣверу отъ Берингова пролива, это южное теченіе уравновѣшивается, какъ и въ Гренландскомъ и Карскомъ моряхъ, холоднымъ теченіемъ, идущимъ нѣсколько къ западу отъ мыса Барро, сначала въ южномъ, а потомъ въ юго-западномъ направленіи. Это холодное теченіе гонитъ значительныя массы льда, образовавшіяся далеко на сѣверѣ, по направленію къ восточному побережью Земли Врангеля, дѣлая доступъ къ этой послѣдней затруднительнымъ. Около 70° с. шир. твердая земля преграждаетъ сказанному теченію путь въ его юго-западномъ направленіи, такъ что тогда, вѣроятно, оно отбрасывается въ сѣверо-западномъ направленіи, проходитъ черезъ Лонгъ-зундъ, огибая юго-западную оконечность Земли Врангеля и, наконецъ, вступаетъ, можетъ быть,

*) Извѣстія Сибирскаго отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества Т. II. № 12 (1870), стр. 60.

въ полярный бассейнъ, скрываясь подъ теплыми, слабо-солонатыми и, потому, болѣ легкими теченіями, идущими съ востока и образуемыми большими сибирскими рѣками.

Ясно, что это течение необходимо должно оказывать неблагоприятное вліяніе на состояніе льдовъ между Шелягскимъ мысомъ и Беринговымъ проливомъ. Однакожъ существуютъ нѣкоторыя условія, содѣйствующія уменьшенію здѣсь количества льда, вслѣдствіе чего и образуется, вдоль побережья, открытый каналъ, можетъ быть даже ежегодно доступный для плаванія, по крайней мѣрѣ для кораблей съ незначительной осадкой. Дѣло въ томъ, что благодаря относительно довольно южному положенію побережья, о которомъ идетъ рѣчь, образовавшійся за зиму ледъ растаиваетъ къ концу лѣта настолько, что остаются лишь отдѣльныя большія льдины, принесенныя изъ болѣе холоднаго сѣвернаго пояса теченіями или вѣтрами, но и онѣ обыкновенно осѣдаютъ уже на глубинѣ 3—5 сажень (5,²⁴—8,⁹¹ метровъ). А такъ какъ, за исключеніемъ утесистыхъ мысовъ, глубина моря уменьшается болѣе или менѣе равномерно съ приближеніемъ къ сушѣ, то и получается въ непосредственной близости отъ берега весьма широкій, совершенно открытый каналъ, въ которомъ вполне безопасно могутъ плавать суда съ осадкой, не превосходящей 12 футовъ или 3,⁵⁶ метровъ. Въ случаѣ необходимости судно всегда имѣетъ возможность стать на якорь подъ прикрытіемъ одной изъ ледяныхъ глыбъ или опшвартоваться при ней; близость же твердой земли обезпечиваетъ пользованіе свѣжей водой и въ большей части случаевъ необходимымъ для машины и кухни топливомъ. По словамъ туземцевъ, море бываетъ свободно отъ льдовъ уже весьма рано лѣтомъ, начиная отъ Берингова пролива и на значительное разстояніе къ западу отъ Колочинскаго залива: даже зимою прибрежная полоса моря очищается отъ льда во время южныхъ вѣтровъ.

Такимъ образомъ, изъ предъидущаго видно, что если не изъ году въ годъ, то, по крайней мѣрѣ, почти ежегодно, на пароходѣ, сидящемъ не болѣе 12—14 футовъ (3,⁵⁶—4,¹⁶ метровъ) въ водѣ, можно совершать плаваніе отъ устьевъ Лены въ Беринговъ проливъ и обратно.

Съверо-восточный проходъ въ его цѣломъ.

Предлагаемыя здѣсь строки писаны мною на кораблѣ «Вега» во время нашей зимовки въ сѣверной части Берингова пролива *).

«Вега» оставила Норвегію	25	юля	1878	года.
> стояла на якорѣ у Хабаровой (Югорскій шаръ).	отъ 30	юля	по 1	августа.
> > въ Диксоновой гавани. >	6	—	> 10	>
> > при южномъ берегѣ Таймырскаго острова. >	15	—	> 18	>
> > у мыса Челюскина. . . >	19	—	> 20	>
> > у о—ва Преображенья въ Хатангской бухтѣ. — — —	—	—	> 25	>
> обогнула Святой Носъ	—	—	—	> 31 >
> > мысъ Барановъ	—	—	—	> 4 сентября.
> стояла на якорѣ у Иркаипи. отъ 12	—	до	18	>
> была ошвартована при ледя- ной глыбѣ къ западу отъ мыса Ванкарема	> 20	—	> 23	>
> прошла черезъ Колючинскій заливъ.	—	—	—	27 >
> была затерта льдами между Ко- лючинскимъ заливомъ и мысомъ Сердце-Камень	—	—	—	28 >

Мѣсто, гдѣ 28-го сентября «Вега» затерло льдомъ, не рѣдко посѣщается кораблями, совершающими плаваніе въ Тихомъ океанѣ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ «Navу-Department» въ Вашингтонѣ и отъ Аляско-американской компаніи, трехъ-мачтовый корабль *Navу* пробылъ до 12-го октября у Колючинскаго о—ва (лежащаго къ западу отъ мѣста нашей зимней стоянки), а другой корабль дважды выходилъ изъ Берингова пролива не ранѣе 22-го

*) Принимая, что Беринговъ проливъ съ сѣвера ограничивается линіей, проведенной между Колючинскимъ островомъ и мысомъ Лисборномъ, а съ юга линіей, идущей отъ Чукотскаго мыса къ Толстому мысу.

октября.—Всѣ свѣдущіе люди согласны въ томъ, что навигація въ этихъ водахъ прекращается только съ сентября, изъ чего явствуетъ, что мы съ нашимъ кораблемъ оказались въ заключеніи лишь вслѣдствіе случайной неудачи, которой легко можно бы было избѣгнуть. Ничего подобнаго съ нами не случилось бы, еслибъ существовали настоящія морскія карты для пространства между Енисеемъ и Беринговымъ проливомъ, или еслибъ задачу предпринятой «Веого» экспедиціи составляло лишь показать, что дѣйствительно возможно на кораблѣ въ нѣсколько недѣль пройти изъ Атлантическаго океана въ Тихій, слѣдуя вдоль сѣвернаго побережья Азіи.

Мы были заперты среди льдовъ всего въ 120 минутахъ разстоянія отъ наиболѣе узкой части Берингова пролива, и когда мы увидѣли себя, утромъ 28-го сентября, отрѣзанными отъ дальнѣйшаго пути, море оставалось еще открытымъ въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе къ востоку; вечеромъ же 27-го свѣжій ледъ еще не успѣлъ на столько спаять отдѣльныя плавающія льдины, чтобы невозможно было между ними пробиться. Такъ что нѣсколькихъ часовъ ходу на всѣхъ парахъ было бы для насъ достаточно, чтобы пройти означенное пространство.

Окидывая взглядомъ путь, пройденный нами въ прошлое лѣто, нельзя не убѣдиться, что сто разъ представлялась возможность сбросить упомянутые нѣсколько часовъ. Такъ какъ осень представляетъ самое удобное время для навигаціи въ полярныхъ моряхъ, то я и назначилъ нашъ отъѣздъ изъ Норвегіи какъ разъ тогда, когда многіе изъ мореплавателей, напротивъ, стараются удалиться изъ арктическихъ водъ; но неблагоприятная погода, случившаяся сверхъ нашего ожиданія, принудила запоздать съ отъѣздомъ на цѣлую недѣлю, что составляло довольно значительную долю навигаціоннаго періода въ Ледовитомъ морѣ, начинающагося съ конца іюля. Около недѣли мы также потеряли въ Югорскомъ Шарѣ и въ Диксоновой гавани, ожидая прибытія «Лены» и паруснаго судна, везшаго уголь потребный для топки пароходовъ. Нѣсколько дней потеряны нами по причинѣ слишкомъ несовершенныхъ съемокъ, существующихъ для той части моря, которая простирается между гаванью Диксона и Челюскинымъ мысомъ. Крайняя сѣверная оконечность Азіи также не могла быть пройдена безъ остановки съ цѣлю астрономическихъ опредѣленій, что опять таки отняло у насъ около сутокъ времени. Затѣмъ нѣсколько дней было потрачено, какъ на измѣренія глубины и на работы драгой, предпринятыя нами съ тѣмъ, чтобы потомъ

прямо отправиться отъ мыса Челюскина къ островамъ Новой Сибире, такъ и на изслѣдованія водъ между сказанными двумя пунктами. Другіе шесть дней были упущены нами при Иркапи въ тщетномъ ожиданіи благоприятнаго расположенія льдовъ. Но даже во время переѣзда отъ Иркапи далѣе на востокъ мы дважды имѣли случай сберечь еще два дня. И такъ очевидно, что въ плаваніе 1878 года существовала полная возможность прійти въ Беринговъ проливъ въ началѣ сентября, или, по крайней мѣрѣ, въ серединѣ еслибъ намъ не удалось обогнуть Челюскинъ мысъ раньше 19-го августа. Причины, не допустившія до этого, заключаются въ замедленіи выхода «Веги» изъ Норвегіи, въ необходимости слѣдовать съ крайнею осторожностью въ незнакомыхъ намъ водахъ и въ невозможности, предпринявши экспедицію съ научными цѣлями, пройти въ совершенно еще неизслѣдованномъ морѣ, не предоставляя ученымъ участникамъ плаванія случаевъ заняться изученіемъ и изслѣдованіемъ природы этого моря и заключающагося въ немъ животнаго и растительнаго царствъ. Впрочемъ, весьма возможно, что послѣдующіе опыты покажутъ, что дѣйствительный навигационный періодъ въ Сибирскомъ морѣ начинается еще раньше, нежели въ другихъ арктическихъ моряхъ. Если сродный съ муссономъ, постоянно дувшій съ сѣвера вѣтеръ, который мы имѣли возможность наблюдать здѣсь въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, не составляетъ исключительнаго явленія, а постоянное, обусловленное чрезвычайнымъ охлажденіемъ сибирскаго континента въ осеннее и зимнее время года, то безъ сомнѣнія противовѣсомъ ему должны являться южные вѣтры, преобладающіе весною и лѣтомъ, которые относятъ ледъ отъ берега и дѣлаютъ воды при сѣверномъ побережьи Сибири открытыми для плаванія, можетъ быть, въ болѣе раннее время года, чѣмъ я предполагалъ на основаніи моего опыта относительно водъ, омывающихъ Шпицбергенъ и Новую Землю. Но такъ какъ Карское море никоимъ образомъ не можетъ очиститься отъ льдовъ ранѣе половины іюля, то было бы удобнѣе начинать плаваніе со стороны Берингова пролива въ направленіи къ Атлантическому океану, а не на оборотъ и въ первомъ случаѣ пароходъ могъ бы уже, можетъ быть, съ іюня мѣсяца выступить изъ сказаннаго пролива вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири.

Хотя несомнѣнно, что наше знакомство съ моремъ вдоль еще весьма значительной части сѣвернаго побережья Азии пока далеко

*

не полно, однакожь это море отнюдь не заслуживаетъ того недобрычаго къ нему отношенія, которое до сихъ поръ поддерживалось вслѣдствіе неудачныхъ плаваній въ продолженіе почти трехъ съ половиною столѣтій *).

Вопросъ въ томъ, можетъ ли повторяться ежегодно путешествіе, какое «Вега» совершила на этотъ разъ? Въ настоящее время еще невозможно отвѣтить на это ни безусловнымъ «да», ни безусловнымъ «нѣтъ». Первый отвѣтъ легко могъ бы вызвать много преждевременныхъ и недостаточно обдуманыхъ попытокъ; тогда какъ второй будетъ можетъ, быть, столь же безусловно опровергнуть оптомъ, какъ извѣстныя заключительныя слова отчета о первомъ кругосвѣтномъ плаваніи. Мое мнѣніе — что путь, совершенный нами, можетъ и будетъ часто повторяться съ одинаковымъ успѣхомъ.

Все вышеизложенное можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ:

1) Морской путь изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири часто можетъ быть пройденъ въ теченіе немногихъ недѣль на приспособленномъ для этого пароходѣ съ экипажемъ изъ опытныхъ моряковъ, но этотъ путь *въ его цѣломъ, на сколько до сихъ поръ изслѣдовано положеніе льдовъ въ*

*) Даже экспедиція „Веги“ должна была, до своего отправленія изъ отечества, бороться съ разными затрудненіями благодаря тому, что многіе не хотѣли вѣрить въ осуществимость нашего предпріятія. Въ этомъ отношеніи они раздѣляли укоренившійся старій предрасудокъ. Въ сочиненіи „A chronological History of Voyages into the Arctic Regions, undertaken chiefly for the purpose of discovering a North-East, North-West, or Polar Passage between the Atlantic and Pacific“, by John Barrow (London, 1818), знаменитый авторъ говоритъ на примѣръ на стр. 370—371 слѣдующее: „Изъ трехъ направленій, найденныхъ для плаванія изъ Атлантическаго океана въ Тихій, сѣверо-восточное подаетъ наименѣе поощряющія надежды; въ самомъ дѣлѣ различныя неудачныя попытки англичанъ и голландцевъ, съ одной стороны, и русскихъ, съ другой, указываютъ довольно ясно на невозможность удобнаго для плаванія пути вдоль сѣверно-азиатскаго берега“. Лайеръ (Layard) говоритъ (въ письмѣ къ А. Петерману, Лондонъ 5-го ноября 1874 г., въ „Geogr. Mittheil.“ 1874 г., стр. 452), что „не существуетъ никакого открытаго, ни совершенно закрытаго полярнаго моря; но только есть ежегодно мѣняющіеся шансы для мореплаванія, которые я однакожь не считаю на столько значительными, чтобы допустить возможность полярнаго или сѣверо-восточнаго морскаго пути“. Тѣмъ не менѣе самъ д-ръ А. Петерманъ, этотъ неутомимый поощритель плаванія въ полярныя моря, какъ нельзя ревностнѣе высказывалъ совершенно иные взгляды относительно положенія льдовъ и возможности мореплаванія въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ.

Ледовитомъ океанѣ Сибири, едва ли будетъ имѣть дѣйствительное значеніе для торговли.

2) Уже теперь можно утверждать, что не сопряжено ни съ какими трудностями пользованіе морскимъ путемъ между Обью-Енисеемъ и Европой съ цѣлью морской торговли.

3) По всей вѣроятности также и путь между Енисеемъ и Леной и Леной и Европой можетъ служить для мореплаванія; однакожь едва ли плаваніе изъ Европы къ Ленѣ и обратно можетъ быть совершено въ продолженіе одного гѣта.

4) Еще потребуются продолжительныя изслѣдованія для того, чтобы рѣшить, возможно или нѣтъ сообщеніе моремъ на корабляхъ между устьемъ Лены и Тихимъ океаномъ. Опытъ, приобретенный уже теперь нами, однакожь показываетъ, что во всякомъ случаѣ этимъ путемъ можно изъ Тихаго океана доставлять къ бассейну Лены пароходы, тяжелые снаряды и другіе товары, неудобныя для доставки на саняхъ или телѣгахъ.

Быть можетъ иные найдутъ высказанныя здѣсь взгляды исполненными слишкомъ смѣлыхъ надеждъ. Дѣйствительно, приобретенный нами въ настоящее время опытъ еще столь незначителенъ, что оставляетъ обширное поле для самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, и очевидно, что занимающій насъ вопросъ можетъ быть окончательно разрѣшенъ только путемъ новыхъ попытокъ. Чтобы показать, какъ неосновательно въ данномъ случаѣ безусловное отрицаніе, я позволю себѣ здѣсь напомнить, что корабли «датско-гренландской торговой компаніи» во время ихъ плаванія къ загражденному льдами западному берегу Гренландіи рѣже подвергаются кораблекрушенію и разнаго рода аваріи, нежели мореходцы Китайскаго моря, и что въ свою очередь норвежскія рыболовныя суда у западнаго и сѣвернаго береговъ Шпицбергена заходятъ гораздо выше того градуса широты, котораго лишь съ трудомъ могли достигнуть Фиппсъ и Чичаговъ, не смотря на то, что ихъ корабли были снабжены всѣми приспособленіями, какія только могли быть доставлены Англійей и Россіей. Поэтому не должно считать превосходящимъ предѣлы возможнаго, что когда нибудь подобныя отношенія сдѣлаются правиломъ и для мореплаванія вдоль сѣвер-

ныхъ береговъ Азіи. Но для этого не достаточно знать, что существуютъ затрудненія и препятствія, но необходимо также знать, каковы они, въ какихъ мѣстахъ они встрѣчаются и какимъ образомъ возможно ихъ избѣгнуть.

А. Е. Норденшѣльдъ.

„Вега“ на зимней стоянкѣ,
подъ $67^{\circ} 7'$ сѣв. шир. $173^{\circ} 30'$ в. долг. гринв. мерид.,
6-го апрѣля 1879 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

**О ПЛАВАНІИ ПАРОВОДА „ЛЕНА“
ОТЪ УСТЬЯ ЛЕНЫ ВЪ ЯКУТСКЪ, ВЪ 1878 Г.**

(Отчетъ капитана ЮГАНСЕНА А. М. СИБИРЯКОВУ).

Какъ вамъ уже извѣстно, въ ночь съ 27-го на 28-е августа мы разстались близъ устья Лены съ проф. Норденшѣльдомъ. Уже на другой день нашъ небольшой пароходъ достигъ крайняго въ сѣверномъ направленіи пункта въ дельтѣ рѣки Лены, лежащаго, по сдѣланнымъ мною наблюденіямъ, подъ $23^{\circ} 47'$ с. ш. и подъ $125^{\circ} 31'$ в. д. Означенный пунктъ повидимому соотвѣтствуетъ Тумульскому мысу, гдѣ, по предварительному уговору, я долженъ былъ найти лопмана для плаванія въ водахъ дельты, но его не оказалось. Проплывъ, съ цѣлью отыскать его, еще 6 географическихъ миль въ западномъ направленіи вдоль берега, я повернулъ назадъ и присталъ къ упомянутому уже пункту. Здѣсь находилась весьма ветхая избушка, въ которую въ нынѣшнемъ столѣтіи вѣроятно ни разу не вступала человѣческая нога; внутренность избушки была наполнена землею. Кругомъ виднѣлись во множествѣ дикіе сѣверные олени.

По контракту, заключенному съ лопманомъ, на мысѣ Оленецкомъ должны были находиться на видномъ мѣстѣ флаги и сигнальные знаки, почему я и направился вторично по направленію къ западу и какъ можно ближе держась берега. Но фарватеръ становился все мельче, такъ что при курсѣ WSW я долженъ былъ отдалиться отъ континента на 6 геогр. миль, хотя и тутъ глубина воды равнялась всего 6 футамъ. Ни флаговъ, ни сигнальныхъ знаковъ не было и слѣда. Потерявъ такимъ образомъ надежду встрѣтиться съ лопманомъ, я рѣшился самъ отыскать путь въ дельтѣ и 30-го августа, въ 6 часовъ по полудни, я отплылъ обратно съ тѣмъ, чтобы обогнуть расположенные въ восточномъ направленіи острова, такъ какъ въ устьѣ съ этой стороны на картахъ отмѣ-

чень большой рукавъ, которымъ воспользовались, судя по ихъ маршрутамъ, и экспедиціи 1735—1740 г.

31-го августа, при свѣжемъ вѣтрѣ и туманной погодѣ, мы шли еще въ восточномъ направленіи, причѣмъ я могъ убѣдиться въ справедливости высказаннаго мною въ разговорѣ съ лейтенантомъ Паландеромъ вечеромъ, передъ тѣмъ какъ намъ приходилось разстаться. Именно въ тотъ вечеръ впереди насъ лежало нѣсколько острововъ, которые мы должны были обойти съ сѣвера и которые я относилъ къ Ленскому архипелагу,—какъ теперь оказалось, вполне справедливо,—между тѣмъ какъ Паландеръ считалъ ихъ за острова, лежащіе противъ устья Оленека. Дѣйствительно, ленская дельта значитъ на картѣ на четыре градуса долготы далѣе, чѣмъ слѣдуетъ, къ востоку; тоже самое должно замѣтить и относительно Хатангской бухты. На шесть географическихъ миль къ востоку отъ сѣверной оконечности ленской дельты—Тумульскаго мыса лежатъ три мели, для обхода которыхъ нужно держать курсъ въ направленіи ONO; въ такомъ только случаѣ можно пользоваться болѣе глубокимъ фарватеромъ и плыть, при курсѣ SSO, вдоль восточной стороны дельты, но и тогда необходимо держаться отъ берега по крайней мѣрѣ на $\frac{3}{4}$ геогр. мили. 1-го сентября, въ 9 ч. вечера я сталъ на якорь въ одной изъ бухтъ континента (Тиксигуба?). Такъ какъ мнѣ по опыту извѣстно, что для судовъ болѣе значительныхъ размѣровъ невозможенъ проходъ по рукавамъ дельты, то я считалъ бы эту бухту наиболѣе удобнымъ пунктомъ для встрѣчи «Лены» съ предназначеннымъ сюда пароходомъ. Такъ что нижеслѣдующія замѣчанія пригодятся, когда понадобится воспользоваться фарватеромъ. Ленская дельта простирается до 129° в. долг. Впереди названной бухты лежитъ въ направленіи NNW длинный и узкій островъ, съ середины котораго тянется мысъ, обращенный къ матеріку. Проливъ между сказаннымъ островомъ и другимъ, лежащимъ къ востоку отъ него (островъ Мастахъ?), я прошелъ при глубинѣ въ 18 футовъ; но я совѣтовалъ бы, чтобъ отправляющіеся сюда корабли обходили послѣдній изъ двухъ острововъ въ восточномъ направленіи, слѣдуя далѣе къ западу вдоль матеріка. При этомъ имъ придется пройти мимо двухъ небольшихъ, но крутыхъ острововъ и нѣсколько южнѣе объѣхать въ заключеніе еще одинъ островъ, лежащій прямо противъ бухты, гдѣ я рассчитываю съ ними встрѣтиться. Но вслѣдствіе условій, налагаемыхъ погодой и льдами, мнѣ невозможно будетъ здѣсь оста-

ваться долѣе половины сентября *). Если же я буду вынужденъ вернуться обратно, не дождавшись прибытія корабля, то я въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ слою уголь, если только вообще мнѣ удастся застать ихъ, и устрою тамъ изъ пловучаго лѣса издали замѣтные сигналы. Послѣ болѣе чѣмъ суточной стоянки, потребовавшейся для чистки машины, 3-го сентября въ 2½ часа по полупочти, мы снялись съ якоря и прошли мимо полуострова въ сѣверномъ направленіи, пытаясь проникнуть въ тотъ рукавъ устья, которымъ воспользовался для вступленія въ рѣку лейтенантъ Прончищевъ въ 1735 году. Я также нашелъ здѣсь весьма узкій протокъ при 24—30 фут. глубины; но около 10 часовъ утра мы натолкнулись на дно и, несмотря на всѣ усилія, не могли сняться, тѣмъ болѣе, что наступилъ отливъ, сопровождавшійся весьма быстрымъ пониженіемъ воды. Только на слѣдующій день, около часу утра, вода замѣтно прибыла и часовъ въ 8 мы могли, наконецъ, послѣ немалыхъ трудовъ двинуться дальше.

Пока мы сидѣли на мели, къ намъ подплыло девять человѣкъ тунгусовъ, каждый въ отдѣльномъ челнокѣ, сооруженномъ изъ древеснаго ствола и вмѣщающемъ не болѣе одного человѣка; они пробыли съ нами, пока мы не снялись съ мели, послѣ чего я знаками далъ имъ понять, что имъ пора отправляться, что они немедленно и исполнили.

Дальше чѣмъ за полдень тщетно старался я доискаться достаточно глубокаго фарватера, постоянно рискуя попасть на мель, такъ что отказавшись наконецъ отъ бесплодной задачи, я направился къ югу и обогнулъ лежащій на нѣкоторомъ разстояніи отъ материка островъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ значится широкий рукавъ. Измѣреніе глубины посредствомъ лота потребовало здѣсь тяжелой и утомительной работы, и въ заключеніе я вынужденъ былъ спустить лодку съ цѣлью найти широкое рѣчное теченіе, но безуспѣшно, такъ какъ его вовсе не существуетъ. Карты же, составленныя на основаніи 140 лѣтъ назадъ производившихся наблюденій, въ этомъ случаѣ никуда не годятся. Дельта съ тѣхъ поръ подверглась многоразличнѣйшимъ измѣненіямъ: тамъ, гдѣ въ

*) Письмо это написано Юганисеномъ предъ его новымъ плаваніемъ къ устью Лены въ 1879 году.

тѣ времена были мели, теперь оказываются возвышенные, травом и лѣсомъ поросшіе острова; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, существовавшіе тогда острова успѣли уже исчезнуть, будучи размыты рѣкой.

Почти не зная, что предпринять, вернулся я къ тому мѣсту, гдѣ находилось тунгусское поселеніе, чтобы попытаться, не возьмется ли кто либо изъ жителей, въ качествѣ лоцмана, провести меня въ водахъ дельты; но какъ ни старался мой переводчикъ, ему не удалось объяснить имъ въ чемъ дѣло. Поэтому я рѣшился снова искать спасенія на томъ же пунктѣ, гдѣ по причинѣ мелей я прежде уже отказался было отъ надежды попасть на удобный фарватеръ; но на этотъ разъ я оказался счастливѣе, открывши какъ разъ возлѣ выдающейся изъ-подъ воды мели хотя узкій, но достаточно глубокой протокъ. Хотя плаваніе совершалось и съ чрезвычайной медленностью, такъ какъ часто приходилось высылать впередъ лодку для измѣренія лотомъ, однакожь 7-го сентября, въ 11 часовъ утра, я благополучно выбрался изъ дельты и могъ войти въ рѣку, фарватеръ которой оказался далеко лучшимъ. Мнѣ представляется невѣроятнымъ, что будто въ устьяхъ Лены существуетъ значительный рукавъ въ западномъ направленіи, такъ какъ, съ одной стороны, въ противоположномъ восточномъ направленіи вода изливается въ слишкомъ большомъ объемѣ по отношенію ко всему ея количеству въ Ленѣ; съ другой же стороны, западныя и сѣверныя развѣтвленія устья этой рѣки, съ которыми мнѣ пришлось соприкасаться, содержатъ одну только соленую воду, тогда какъ въ сѣверныхъ рукавахъ ея вода совершенно прѣсная и вовсе не имѣетъ соленого вкуса.

8-го числа, въ 5¹/₄ час. утра достигъ я перваго населеннаго мѣста на Ленѣ, Тасъ-Ари, и ставши на якорь, отправился съ переводчикомъ на берегъ, чтобы навести справки относительно свойствъ фарватера вверхъ по теченію. Но такъ какъ и тутъ жили одни тунгусы, то я ничего не разузналъ, и немедленно отправился дальше. Въ 4 часа дня я прибылъ къ слѣдующему селенію, называемому Булунъ, и, полагая, что и здѣсь не найду никого кромѣ тунгусовъ, вовсе не хотѣлъ останавливаться. Но едва завидѣли насъ жители, какъ выбѣжали на берегъ, привѣтствуя насъ ружейными выстрѣлами. Какъ только мы бросили якорь, на парадный къ намъ вились священникъ и двое надсмотрщиковъ (мѣстныхъ власти), при-

чемъ первый изъ нихъ успѣшилъ вознести благодарственную молитву по поводу нашего благополучнаго прибытія. Названныя лица были изъ русскихъ и вели здѣсь, среди тунгусовъ, по всей вѣроятности весьма скучную жизнь. Намъ были сообщены образчики найденнаго здѣсь каменнаго угля, и хотя они горѣли какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе въ виду произведенныхъ мною впослѣдствіи опытовъ, я не берусь рѣшить, дѣйствительно ли этотъ каменный уголь годится на топку машины въ своемъ чистомъ видѣ, безъ примѣси инаго топлива. Освѣдомившись, что начиная отъ Жиганска по рѣкѣ попадаетса множество острововъ и мелей, такъ что плаваніе безъ лоцмана невозможно, я за сто рублей порядилъ себѣ въ лоцманы одного стараго якута, плавающего по Ленѣ уже цѣлыя 30 лѣтъ.

9-го, въ 4 часа утра, мы поплыли далѣе вверхъ по теченію. Священникъ и оба чиновника сопровождали насъ до Сектійюка (Сиктахъ), гдѣ они должны были высадиться. 11-го мы достигли небольшого поселенія, жители котораго успѣшили выйти на берегъ, чтобы посмотреть на насъ; но едва я далъ машиной свистокъ, какъ они со всѣхъ ногъ пустились бѣжать въ лѣсъ. 13-го сентября, въ 8 часовъ утра, я проплылъ Жиганскъ и черезъ полчаса, нѣсколько вверхъ по теченію, сталъ на якорѣ, желая произвести пробу съ встрѣченнымъ нами здѣсь каменнымъ углемъ; оказалось, что онъ вовсе негоденъ къ употребленію. Рѣка здѣсь достигаетъ ширины въ 4 геогр. мили и заключаетъ въ себѣ множество мелей и острововъ, окрестная же мѣстность совершенно ровная. Въ 11 часовъ мы оставили каменно-угольную копъ и спустя полчаса пересѣкли полярный кругъ.

Какъ 14-го, такъ и 15-го мы дважды садились на мель, въ послѣдній разъ въ 2¼ часа по полудни, и намъ стоило большихъ усилій, чтобы сняться. Мы проработали до 9 часовъ вечера, пока не стемнѣло, и съ разсвѣтомъ должны были снова приниматься за работу, но и то только къ 8 часамъ мы получили возможность двинуться дальше. Въ 6 часовъ пополудни мы стали на якорѣ при устьѣ рѣки Вилюя, такъ какъ дальнѣйшему плаванію мѣшалъ туманъ, сопровождавшійся стужей. 17-го, въ 7 час. вечера, мы должны были пристать къ берегу, съ тѣмъ, чтобы нарубить себѣ дровъ, такъ какъ уголь уже былъ у насъ на исходѣ; это насъ заняло до часу ночи. Въ 5 час. утра мы поплыли дальше, но съ чрезвычайною медленностью, по причинѣ того, что при топкѣ

дровами давленіе пара равнялось всего 40 фунтамъ, тогда какъ растапливая углемъ, мы имѣли отъ 70 до 90 фунт. Между тѣмъ какъ всѣ мы распиливали и кололи дрова, около 9 часовъ, что-то вдругъ треснуло въ машинѣ, такъ что понадобилось бросить якорь, и только послѣ полудня можно было снова продолжать путь. 19-го, въ четверть десятаго утромъ, мы прошли мимо устья р. Алдана; въ 5 час. дня у насъ опять okazaлся недостатокъ въ дровахъ, но по счастью мы безъ большаго труда могли заготовить сухимъ прекраснымъ топливомъ, найдя на берегу покинутую якутскую юрту, съ одного бока которой лѣсъ уже унесло водою, съ остальныхъ же трехъ имъ воспользовались мы. Этого топлива намъ хватило до самаго Якутска, куда мы прибыли 21-го сентября, въ 10 час. утра, и были весьма дружелюбно приняты жителями.

Такъ какъ по заключенному мною передъ отъѣздомъ условію я долженъ былъ возвратиться домой сухимъ путемъ, а между тѣмъ г. Колесовъ, къ которому мнѣ слѣдовало обратиться для расчета съ людьми моего экипажа и проч., оказался уѣхавшимъ въ Витимъ, то я рѣшился послѣдовать за нимъ на пароходѣ, что сокращало мнѣ почти на половину путь до Иркутска. Запасшись хорошими дровами, между тѣмъ какъ машинисты успѣли уже освоиться съ этого рода топливомъ, мы оставили 28-го сентября Якутскъ и довольно скоро пошли впередъ. Когда 8-го октября я находился всего лишь на 220 верстѣ (30 геогр. миль) разстоянія отъ Витима, у деревни Ньяская мы встрѣтились съ плывшимъ обратно изъ Витима г. Колесовымъ, съ которымъ я и рѣшился вернуться обратно, узнавши отъ него, что близъ Витима глубина рѣки для парохода недостаточна. Къ сожалѣнію, по его дѣламъ намъ пришлось столько промедлить, что уже нечего было и думать добраться до Якутска. 13-го, въ тридцати верстахъ къ сѣверу отъ Олевминска, намъ уже встрѣтился ледъ, который пошелъ вдругъ столь изобильно, что на слѣдующій же день я ввелъ пароходъ въ бухту, гдѣ онъ и сталъ на дно подъ защитою небольшого мыса отъ напора льда. Къ счастью 15-го вмѣстѣ съ западными вѣтрами снова наступила оттепель, позволившая намъ теперь отвести «Лену» на ея зимнюю стоянку, въ 185 верстахъ выше Якутска. Послѣ того какъ на пароходѣ все было уложено въ трюмъ, а двери и люки закрыты и запечатаны, мы на саняхъ 22-го октября возвратились въ Якутскъ. Мною было принято еще нѣсколько поѣздокъ, съ цѣлью доискаться удобнаго для топки парохода каменнаго угля, но пока безуспѣшно. Въ самомъ

скоромъ времени я намѣренъ отправиться на Алданъ, гдѣ будто бы находится уголь лучшаго качества. Если мнѣ удастся его найти, то онъ будетъ доставленъ на паромѣ въ Жиганскъ для нагрузки имъ «Лены», такъ какъ рѣка до этого мѣста слишкомъ мелка. Отъ Жиганска до Булуна и даже до самой дельты глубина рѣки, напротивъ, достаточна для самыхъ большихъ судовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Программа экспедиціи 1878—79 г.	1
II. Письма профессора Норденшѣльда а) съ устья Енисея, б) съ мыса Челюскина, с и d) съ зимней стоянки у Берингова пролива.	27
III. Отчетъ профессора Норденшѣльда объ экспедиціи 1878—79 г. .	77
IV. О возможности торговаго мореходства въ Сибирскомъ Ледови- томъ морѣ (Мемуаръ)	171
V. Приложение: Отчетъ капитана Юганнсена о плаваніи парахода «Лена» отъ устья Лены въ Якутскъ	199
Карты: 1) мыса Челюскина, 2) Порта Диксона и 3) Таймырскаго пролива.	

ВАЖНѢЙШЕ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
31	3 снизу	латуни	латуни
32	16 сверху	Delphinapterus leucas	Delphinapterus leucas
49	15 "	Сибиря	Сибири.
59	21 "	зимовье	мѣсто для зимовки
79	5 "	ходить по вновь образо- вавшемуся на водѣ льду	проходить среди вновь обра- зовавшагося на водѣ льда
81	1 "	проливомъ	приливомъ
88	7 снизу	Беринговаго	Берингова
90	1 сверху	Яваненмичикана	Яваненмичикана
91	12 "	начальникомъ оленныхъ	начальникомъ (старостой) оленныхъ или бочевыхъ
	16 снизу	въ 1 р. 80 к.	по 1 р. 80 к.
116	11 сверху	дозволи	дозволили
127	9 снизу	двукруглыхъ	двукрыныхъ
141	3 сверху	по самоѣдски	по чукотски
152	2 "	не большіе	на большіе
153	8 снизу	ляшеами	кграми
154	18 сверху	Rha diola	Rhadiola
156	11 снизу	гладкимъ и красивымъ сло- гомъ	ровнымъ и красивымъ по- черкомъ
163	10 "	Tratercula	Fratercula
188	4 "	Account	Account
195	16 сверху	заключающагося	заключающихся
204	1 снизу	вилисъ	явились
204	9 сверху	теплива	топлива

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO

25
25481

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

М
2

1

25

